

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»**

На правах рукописи

ГИЖЕ ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА

**КАЗАЧЬЯ ПОЭЗИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
ПОЭТИКА И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Желтова**
Наталия Юрьевна

Тамбов 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. «БАЯН КАЗАЧЕСТВА»: ОБРАЗНО-МОТИВНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Н. ТУРОВЕРОВА	15
<i>1.1. История и культурно-этнические особенности казачества.....</i>	<i>15</i>
<i>1.2. Православие и народные песни как основа духовных традиций казачества.....</i>	<i>24</i>
<i>1.3. «Веселая мачеха»: оппозиция «свое-чужое» и мотив тоски по родине</i>	<i>46</i>
<i>1.4. Казачьи идеалы в публицистике («Конец Чернецова», «Кзаки в изображении иностранных художников»).....</i>	<i>65</i>
<i>1.5. Художественные функции онимов в лирике.....</i>	<i>77</i>
ГЛАВА 2. ЭМИГРАНТСКАЯ КАЗАЧЬЯ ПОЭЗИЯ: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА.....	90
<i>2.1. «Литературная казачья семья» как культурное явление первой волны эмиграции.....</i>	<i>90</i>
<i>2.2. Песенная традиция в лирике Н.А.Келина.....</i>	<i>97</i>
<i>2.3. Черты мемуарной прозы в «Казачьей исповеди» Н.А.Келина...</i>	<i>110</i>
<i>2.4. Религиозные искания в лирике «вольноказачьих» поэтов: П.С. Поляков и Б.А.Кундрюцков.....</i>	<i>119</i>
<i>2.5. Адресация как внетекстовая форма выражения диалогичности в лирике Н.Н.Евсеева и М.В.Волковой.....</i>	<i>131</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	165

ВВЕДЕНИЕ

После революции и Гражданской войны казачество разделило трагическую судьбу России, расколовшись на два непримиримых лагеря. Участники казачьего Белого движения массово покинули родину. По оценкам современных исследователей, в эмиграции в 1920-1930-е годы оказалось около 300 тысяч представителей донских, кубанских, волжских, терских, уральских, оренбургских, забайкальских, уссурийских и других казаков и их семей¹. Большинство из них осело в европейских странах. Все они вынуждены были приспосабливаться к новым, часто тяжелым условиям жизни, но при этом всеми силами старались сохранить свою культурную общность, обычаи и традиции.

За пределами России усилиями группы молодых, образованных и амбициозных писателей в 1920–1930-е годы сформировался уникальный феномен эмигрантской казачьей литературы. Была поставлена цель «создания и активного пополнения зарубежных казачьих войсковых архивов, организации литературных объединений с задачей воспитания новой «казачьей литературной семьи», основания первых книжных издательств и периодических изданий, биографического и библиографического описания»² литературных произведений казаков. Однако по разным причинам до сих пор литературное казачье зарубежье как яркое, целостное явление национальной культуры остается малоизвестным и малоисследованным.

Актуальность работы заключается в связи ее тематики и проблематики с одним из современных направлений отечественного литературоведения, изучающего феномен литературы русского зарубежья, в необходимости целостного рассмотрения малоизученного творчества плеяды казачьих поэтов-эмигрантов в ракурсе проблем литературной регионалистики.

¹ Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 173.

² Горлова И.И., Чумаченко В.К. «Казачья составляющая» в литературе русского зарубежья // Культурологический журнал. 2016. № 2 (24). С. 46.

Эмиграция была толчком к развитию литературного творчества в среде казаков. Казачья поэзия стала новым и ярким явлением в русской зарубежной литературе со своими специфическими чертами. Поэты, ощущая свое творческое родство и принадлежность к особой группе, выпускали сборники стихов, издавали многочисленные периодические издания, создавали литературные кружки, занимались просветительской деятельностью.

Так, Н.Н. Туроверова (1899–1972) – яркого донского поэта, историка, журналиста, издателя и деятеля культуры русского зарубежья – можно назвать «отцом» казачьей литературы в эмиграции. Его многотомные поэтические издания до сих пор остаются малоизвестным на родине. Зарабатывая на жизнь тяжелым физическим трудом, в Париже Туроверов писал стихи, статьи и очерки по истории донского казачества. В 1939 году он становится одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов», который год спустя выпустил иллюстрированный «Казачий альманах». Как автор весьма интересных работ по истории Дона, Туроверов стал одним из основателей «Общества ревнителей русской военной старины»¹.

Вторым ярчайшим казачьим поэтом во Франции стал соратник Туроверова Н.Н. Евсеев (1891–1979). Он родился, провел детство и юность в Борисоглебске Тамбовской губернии (ныне Воронежская область)². В годы Гражданской войны воевал на стороне белых, был участником Степного похода. После поражения Белого движения Евсеев эмигрировал и оказался во Франции. Там же в 1920-е годы он начал писать стихи.

Вместе с Туроверовым поэт был одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов». Евсеев является автором поэтических книг «Дикое поле» (Париж, 1963), «Крылатый шум» (Париж, 1965). Третья – «Последняя книга» – осталась незавершенной. Поэт исполнял свои произведения на ежегодных «Вечерах стихов

¹ Адамович Г.В. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 28 октября. С. 3.

² Леонидов В.В. Пушкин в жизни и творчестве Николая Туроверова // Русский язык за рубежом. 2020. № 3. С. 267.

Николая Евсеева», которые, по свидетельству Ю. Терапиано, «неизменно собирали переполненный зал и пользовались большим успехом»¹.

Еще один яркий казачий поэт Н.А. Келин (1896–1970) стал активным участником литературной жизни в Праге. В 1920 году с Белой армией он вынужденно эвакуировался из Крыма на остров Лемнос, затем эмигрировал в Чехословакию. Здесь вышел его сборник стихотворений «Степные песни» (1937).

Поэт является автором автобиографической книги «Казачья исповедь», в которой он рассказал о многих важных этапах своей жизни. В ней он также выразил главную идею своего творчества, которая созвучна всем поэтам-казакам: «Я уйду с затаенной мечтой, что настанет время, когда на карте Европы снова загорится неугасимым пламенем дорогое для меня имя – Россия...»².

Литературной деятельностью в Сербии занимался донской казак П.С. Поляков (1902–1991). После поражения Белого движения, как и многие его соратники пережил изгнание из России, скитания по чужбине. Оказавшись в Сербии, Поляков публикует стихи, поэмы, рассказы, фельетоны в Париже, Белграде, Праге, переводит и издаёт в русскую классику, руководит организацией «Вольное казачество»³. В 2020 году на родине вышло полное собрание сочинений поэта⁴.

Короткую, но яркую жизнь прожил близкий соратник П.С. Полякова казачий поэт Б.А. Кундрюцков (1903–1933). В конце 1920-х – начале 1930-х годов, проживая в Загребе и Белграде, Кундрюцков был одним из представителей журнала «Вольное казачество» в Югославии. В 1920–1930-е годы стихи, поэмы, пьесы и рассказы Кундрюцкова регулярно публиковались в казачьих журналах Чехословакии, Франции, Югославии.

Одной из самых ярких казачьих поэтесс была М.В. Волкова (1902–1983). При жизни поэтессы были изданы только две книги стихов: «Песни о Родине»

¹ Терапиано Ю.К. «Дикое поле» Н.Н.Евсеева. Париж, 1963. С. 36.

²Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

³ Русская стратегия. URL: <http://rys-strategia.ru/publ/3-1-0-1886>.

⁴ Поляков П.С. Полное собрание сочинений: в 2 т. Подольск: Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2020.

(Харбин, 1936) и «Стихи» (Париж, 1944), посмертно были опубликованы «Стихотворения» (Мюнхен, 1991). В.Ф. Ходасевич с восхищением писал о ее творчестве: «...Тут столько умения сказать все, что надо, что это приходится назвать уже настоящим мастерством»¹. Поэтесса публиковалась во множестве русскоязычных сборников, газет и журналов в Париже, Нью-Йорке, Вашингтоне, Франкфурте-на Майне, Торонто, Харбине.

Казачьи поэты были связаны не только единой эмигрантской судьбой, но дружескими узами: они состояли в одних и тех же обществах, посвящали друг другу свои произведения, были опорой товарищам не только в творчестве, но и в жизни. Разрыв с родиной способствовал сильнейшему подъему казачьей поэзии, которой суждено было сыграть ведущую роль в сохранении самобытной казачьей культуры за рубежом.

Степень разработанности темы исследования. Опытов монографического, углубленного исследования литературного наследия казачьих поэтов до сих пор не существует. В современной эмигрантологии за исключением Туроверова творчество Евсеева, Келина, Полякова, Кундрюцкова, Волковой рассматривается либо фрагментарно, либо в обзорах (Г.А. Струве, А.А. Алексеев, В.В. Леонидов, М.П. Астапенко, В.Н. Запевалова, К.Н. Хохульников и др.). Однако целостное представление о творчестве казачьих поэтов отсутствует до сих пор.

В то же время можно заметить, что в литературоведении последних десятилетий заметно усилился интерес к творческому наследию Н.Н. Туроверова, которое рассматривается с разных позиций и ракурсов. Достаточно хорошо изучен «крымский текст» лирики поэта. Он подробно анализируется в работах Н.Б. Лапаевой, С.И. Афанасьевой, З.Дубинец, Н.П. Ивановой, Е.В. Ивановой, Ю.В. Матвеевой, А.П. Мащенко². В этой связи большинство ученых обращаются

¹ Сибирские огни. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

² Лапаева Н.Б. Мотив «ухода из Крыма» в поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 80-86; Афанасьева С.И. Крымский дискурс лирики поэта первой волны эмиграции Николая Туроверова: концепт-анализ // Вопросы русской литературы. 2014. № 30 (87). С. 223-229; Дубинец З.А. Крымский топос в творчестве Николая Туроверова и Ивана Савина // Перекоп – ворота в Крым. Армянск: Изд-во

к одному из самых известных стихотворений Туроверова «Уходили мы из Крыма» (1940).

Кроме того, некоторые исследователи предпринимают попытки изучения собственно художественно-поэтической структуры творчества Туроверова. К.Г. Иванов, например, анализирует мотивы любви¹, казачьего быта², разбойничьей Руси³, особенности идиостиля⁴, образ генерала Я.П.Бакланова⁵, а также идею «Четыре Дона» в лирике художника⁶. К 100-летию окончания Гражданской войны вышла монография С.И. Галагановой⁷, в которой отдельная глава посвящена творчеству Туроверова.

Единственная на сегодняшний день диссертация А.А. Кротовой посвящена фольклорным традициям в поэзии Туроверова⁸. В анализе его творчества исследователь опирается на идеи и образы традиционной народной культуры. М.П. Астапенко и Е.М. Астапенко в 2020 году переиздали в дополненном виде единственную научную монографию, системно рассматривающую творчество

КФУ им. В.И. Вернадского, 2015. С. 3-11; *Иванова Н.П.* Пушкинский миф в крымском тексте русских поэтов XIX-XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2018. № 3. С. 51–65; *Иванова Е.В.* Крымская тема в творчестве Н. Туроверова // Вопросы русской литературы. 2018. № 2. С. 111–116; *Матвеева Ю.В.* Крымская «нота» русского зарубежья: на материале творчества писателей младшего поколения первой русской эмиграции // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 134–143; *Мащенко А.П.* Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5. № 1. С. 70–92.

¹ *Иванов К.Г.* Любовные мотивы лирики Н. Туроверова // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 213–217.

² *Иванов К.Г.* Мотив казачьего быта в творчестве Н. Туроверова // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 242–249.

³ *Иванов К.Г.* Мотив разбойничьей Руси в лирике Н.Н.Туроверова // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 197–204.

⁴ *Иванов К. Г.* Именование лирического героя в поэзии Н. Туроверова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 3. С. 74–82.

⁵ *Иванов К.Г., Шаравин А.В.* Образ казачьего генерала Я.П.Бакланова – духовного лидера этапа «Второго Дона» в творчестве Н.Туроверова // Донецкие чтения – 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. С. 221-224.

⁶ *Иванов К.Г.* «Четыре Дона» как основа историософского мотива лирики Н.Н.Туроверова // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология. М.: Международный центр науки и образования, 2019. С. 32-35.

⁷ *Галаганова С.Г.* Гражданская война и казачество: художественная достоверность и историческая правда. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2022. 83 с.

⁸ *Кротова А.А.* Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Туроверова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 213 с.

Туроверова¹. Важным событием стал выход в 2022 году полного собрания сочинений Н.Н. Туроверова².

Творчеству Евсеева с недавнего времени стало уделяться большое внимание представителями тамбовской научной школы. Так, С. В. Копырюлин в своих работах анализирует в творчестве поэта есенинские мотивы и образы Гражданской войны³. Н.Ю. Желтовой и Т.Ю. Ереминой⁴ в поэтических сборниках Евсеева концептуально раскрывается женское начало.

Творческое наследие Келина рассматривается в статье Е.А. Ерофеевой⁵. По оценке исследователя, особый внутренний мир поэта «выражен через такие важные элементы, как Родина, молитва, песня, память, связь поколений»⁶. Ерофеева также исследовала казачий дискурс поэзии Келина через анализ языковых особенностей его лирики. Языковой специфике произведений Келина посвящена работа С.А. Царалунги⁷. В стихотворениях поэта исследователем выделены и охарактеризованы семантические группы эмотивных глаголов, передающих эмоциональное состояние объектов природного пространства, лирического героя, а также глаголы, выражающие духовное противостояние сакрального центра (родины) и периферии в разных вариациях (Дон/Москва; родной край / чужбина).

¹ Астапенко М.П., Астапенко Е.М. Николай Туроверов: казак, воин, поэт. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020. 100 с.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. 464 с.

³ Копырюлин С.В. Есенинские традиции в лирике поэта-галлиполийца Н.Н. Евсеева // Словесное искусство серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («IV Смирновские чтения»). М.: Московский государственный областной университет, 2021. С.91–95.

⁴ Желтова Н. Ю., Еремина Т. Ю. Женские образы в поэзии Н.Н. Евсеева: художественно-типологическая специфика // Казанская наука. 2022. № 12. С. 12–14.

⁵ Ерофеева Е.А. Казачий топос в творчестве Николая Келина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 3–4. С. 14–18.

⁶ Ерофеева Е.А. Казачий топос в творчестве Николая Келина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 3–4. С. 14.

⁷ Царалунга С.А. Роль эмотивных глаголов в лирике белоэмигрантского поэта Н. А. Келина // Язык и культура: взгляд молодых. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. С. 797–802.

Жизни и творческому пути М.В. Волковой посвящена обширная публикация О.М. Тарлыковой.¹

Научные работы по творчеству П.С. Полякова, Б.А. Кундрюцкова, М.В. Волковой на сегодняшний день отсутствуют.

Таким образом, в существующей научной литературе казачья поэзия представлена разрозненно в виде немногочисленных работ исследователей, посвященных частным аспектам наследия отдельных ее представителей.

Материалом работы послужили разножанровые произведения М.В. Волковой, Н.Н. Евсеева, Н.А. Келина, Б.А. Кундрюцкова, П.С. Полякова, Н.Н. Туроверова.

В работе использованы материалы из фондов Славянской библиотеки Национальной библиотеки Чешской Республики (Чехия, Прага), Французского Национального института восточных языков и культур (Франция, Париж), Российской государственной библиотеки (Москва), Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва).

Объектом исследований является художественная структура творчества казачьих поэтов-эмигрантов. **Предмет** – поэтика и национально-культурный контекст лирики М.В. Волковой, Н.Н. Евсеева, Н.А. Келина, Б.А. Кундрюцкова, П.С. Полякова, Н.Н. Туроверова.

Под поэтикой в работе понимается система средств художественной выразительности, а также наука, занимающаяся «изучением способов построения литературных произведений»².

В настоящей работе под национально-культурным контекстом художественного произведения понимается отражение в его языке характерных черт нации в индивидуально-авторском преломлении (традиций и обычаев, миропонимания и мировоззрения, национального характера, образа жизни и реалий быта, ценностных и образных констант, разнообразных актов коммуникации и др.).

¹ Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

² Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 22.

Цель работы состоит в рассмотрении творческого наследия казачьих поэтов русского зарубежья в аспекте его художественно-поэтической и национально-культурной специфики.

Целью обусловлены следующие **задачи** исследования:

- определить литературно-художественное и культурно-ценностное своеобразие поэзии казаков-эмигрантов;
- выявить способы творческих влияний и взаимодействий в их творчестве;
- проанализировать языковые, региональные, национально-культурные особенности казачьей поэзии;
- рассмотреть специфику публицистических произведений поэтов-казаков;
- ввести в научный оборот неизвестные материалы, имена и произведения казачьих поэтов русского зарубежья.

Методы и подходы исследования обусловлены поставленными целью и задачами: сравнительно-типологический (анализ типологических связей, литературной преемственности, аналогий в творчестве казачьих писателей), культурно-исторический (влияние национальных, культурных, исторических условий на творчество и формирование казачьей литературы за рубежом), структурно-поэтический (анализ художественной структуры произведений, их поэтики), биографический (влияние биографии казачьих поэтов на их творчество и судьбы казачьей эмигрантской литературы в целом).

Теоретико-методологическая база диссертации создавалась с опорой на исследования М.М. Бахтина (содержание, материал и форма в словесном художественном творчестве, концепция диалога культур), А.Н. Веселовского (поэтический стиль, поэтическое сознание), Б.М.Гаспарова (язык как духовная деятельность, мотивный анализ), А.К.Жолковского (поэтика выразительности), Ю.М. Лотмана (семиотика культуры и искусства), Д.С. Лихачёва (культура как целостная среда), Б.В. Томашевского (понятие о поэтике), а также труды по истории, культуре и литературе казачества В.В. Агеносова, Г.В. Адамовича, М.П. Астапенко, В.А. Бахваловой, Н.Ю. Желтовой, К.Г. Иванова, Н.В. Королевой, А.А.

Кротовой, Н.Б. Лапаевой, В.В. Леонидова, Д.Д. Пеньковского, Е.Л. Рябовой, А.Е. Черновой, Ян Сумэй и других.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество казачьих поэтов первой волны эмиграции представляет собой целостный литературный феномен, возникший вследствие социально-политических катаклизмов в России после революции и Гражданской войны. Расцвет казачьей поэзии за рубежом во многом обусловлен опорой на общие национально-культурные ценности и традиции (православие, фольклор), стремлением к сохранению казачьей самобытности. В творчестве поэтов-казаков духовный путь навстречу Богу соединяется с темой возвращения на родину, странничеством, казачьей волей, которая носит сакральный характер. Мотив народной песни лежит в основе поэтики лирических произведений большинства казачьих поэтов и часто выражается через параллелизм, повторы, единоначатие и др.

2. Поэтическое наследие казачьих поэтов представляет собой уникальную систему, основанную на глубоких внутренних связях и пересечениях, обусловленных сложной социокультурной спецификой эпохи. Одной из особенностей литературы казачьих поэтов в эмиграции является необыкновенно высокая степень их единения. Несмотря на географическое рассеяние, оно проявилось в создании и многолетнем существовании в разных странах многочисленных литературных объединений, журналов, газет, поэтических сборников и т.д. Произведения поэтов-казаков отличаются идейно-тематическим, духовно-ценностным, образно-мотивным единством. Активный диалог и взаимодействие, адресность (взаимные посвящения, послания, акты сотворчества) стали способами объединения усилий поэтов-казаков в осмыслении трагических событий революции и Гражданской войны, судеб казачества, а также эффективной формой их самоопределения и самовыражения в условиях эмиграции.

3. Оппозиция «свое-чужое» стала общей в творчестве всех казачьих поэтов. Образ чужого пространства лишен яркости, детализированности, носит

абстрактный, замкнутый характер. «Свое» всегда идеализируется, оно далеко и недоступно. Ведущим мотивом в лирике казачьих поэтов является тоска по родине. Она тесно связана с темой памяти, которая апеллирует к недавним событиям и переживаниям. В художественном мире поэтов-казаков это проявляется в идейно-тематических, жанровых и стилистических особенностях (реактивная фиксация происходящего, ставка на достоверность, автобиографизм, исповедальность, простота формы, внимание к дневниковым записям, мемуарам, публицистическим выступлениям). Мотиву тоски по родине часто сопутствует мотив смерти, утраты традиционных ценностей.

4. В творчестве казачьих поэтов формируются образы народных героев, совершающих подвиги во имя родной земли. Важнейшими являются образы семьи: деда, отца, матери, сына, дочери, символизирующие родовую преемственность, носящие автобиографический характер и олицетворяющие идеальное казачье бытие. В лирике поэтов-казаков присутствуют черты анимизма, «религии природы», проявляющиеся в обожествлении Дона, степи, которые тесно связаны с мотивами казачьей воли, удали и бескрайнего простора.

5. Наследие казачьих поэтов включено в широкое пространство русской литературы. Оно носит открытый характер и связано как с творчеством предшественников (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя), так и старших современников (Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, М.А. Шолохова). Общей ценностью является Русь-Россия, которая представляется средоточием праведности, веры, надежды на будущее. Яркой особенностью языкового своеобразия лирики казачьих поэтов является обилие диалектизмов, онимов как показателей их индивидуально-авторской картины мира. В них проявляется внимание поэтов к историческим лицам, народным героям, православным святым, а также к родным местам.

Новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении комплексно анализируется многогранное творчество казачьих поэтов-эмигрантов, определяется его образно-мотивное, духовно-ценностное, национально-культурное, языковое своеобразие, раскрывается значительный

вклад поэтов-казаков в сохранение самобытной казачьей культуры в условиях эмиграции, уточняются вопросы интерпретации отдельных произведений казачьих поэтов, восполняются пробелы в литературном процессе русского зарубежья 1920–1960-х годов, вводятся в научный обиход ранее не изученные материалы, имена и произведения поэтов-казаков, принадлежащих к литературному феномену русского зарубежья.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении способов и форм функционирования художественно-поэтической системы писателя в особой этнокультурной среде, в углублении представлений о литературных связях и взаимодействиях, в обосновании механизмов влияния на творчество писателя региональных, культурно-исторических факторов.

Достоверность исследования определяется опорой на фундаментальные теоретические, историко-литературные труды, использованием документальных материалов и современных литературоведческих методов.

Апробация основных результатов исследования осуществлялась в ряде докладов на научных конференциях разных уровней: Международной научно-практической конференции «Русский язык как средство коммуникации в современном интернациональном пространстве» (Минск 2015), Всероссийской научной конференции преподавателей и студентов «Державинские чтения» (Тамбов 2016, 2017, 2018, 2021, 2022, 2023, 2024), Международной научной конференции «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (Тамбов 2015, 2016, 2017, 2018, 2021, 2022, 2023, 2024), VI международной научной конференции «Экология языка и речи» (Тамбов 2017), региональной научной конференции молодых ученых «Традиционная народная культура: комплексное исследование» (Тамбов 2017), V Научно-практической региональной молодежной эколого-краеведческой конференции им. академика И.В. Тананаева (Тамбов 2017), 70-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Мичуринск 2018), VIII Международной научно-практической конференции «Культура в фокусе научных парадигм» (Воронеж, 2018), Асеевской международной конференции «Русское зарубежье как региональный феномен»

(Тамбов 2021, 2023, 2025), IX Международной научной конференции «Проблемы преемственности в словесном искусстве серебряного века и русского зарубежья (Москва, 2024), Международном молодёжном форуме «Казачество – сквозь века» (Москва, 2024).

В 2018 году была осуществлена научная стажировка в Карловом Университете (Чехия, Прага).

По теме исследования опубликованы 14 статей, из них 4 статьи в журналах из списка ВАК РФ Министерства науки и высшего образования РФ.

Практическая значимость работы заключается в использовании ее материалов в практике вузовского и школьного преподавания литературы русского зарубежья, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам творчества казачьих поэтов, филологической регионалистике и русской культуре и литературе XX столетия. Материалы работы могут найти применение в научно-исследовательской деятельности студентов, магистрантов, аспирантов.

Структура настоящей работы включает Введение, две главы («Баян казачества»: образно-мотивные и ценностные доминанты в поэзии Н.Н. Туроверова; Эмигрантская казачья поэзия: региональная и художественная специфика), Заключение и Список использованных источников, состоящий из 209 наименований.

ГЛАВА 1. «БАЯН КАЗАЧЕСТВА»: ОБРАЗНО-МОТИВНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Н. ТУРОВЕРОВА

1.1. История и культурно-этнические особенности казачества

Поэты русского казачества в эмиграции избрали основной своей миссией сохранение своей культурно-исторической общности. В этой связи Н.В. Станюкович справедливо к числу ее базовых ценностей отнес следующие составляющие: «Службу отечеству (понимаемую не всегда верно, но пламенно), стояние за свою самобытность и волю, любовь к своей земле, гордость воинской отвагой и бешеную удаль конного строя и удалой попойки и, над всем этим, детски чистую, благоговейную и незыблемую веру в Покров Пресвятая Богородицы»¹. Все эти черты нашли отражение в литературе казачьего зарубежья.

По вопросу определения понятия «казачество» в научном сообществе нет единого мнения. С.А. Киселёв и В.В. Дзюбан указывают на два направления научной мысли по этой проблеме². Так, некоторые ученые придерживаются так называемой автохтонной (или аборигенной) теории, они стараются привести доказательства, что происхождение казачества непосредственно сопряжено с одним или несколькими этносами (хазары и т. п.), которые жили в границах Дикого Поля. Согласно этим гипотезам, казачество необходимо рассматривать как независимое этническое образование со своей культурой и национальными особенностями. При этом возникновение казачества связывается со временами Древней Руси или даже с эпохой скифов.

Однако большинство исследователей настаивают на миграционной (или беглохолопской) теории, согласно которой казачество формировалось из числа переселенцев из центральных и южных районов России и Польши. Причем среди

¹ Станюкович Н.В. Николай Тuroверов – баян казачества // Возрождение. 1956. № 60. С. 129.

² Киселёв С.А., Дзюбан В.В. Казачество как социокультурный феномен: переломные моменты русской истории // Мировые цивилизации. 2016. Т. 1. № 1. URL: <https://wcj.world/issues/vol1-no1.html>.

беглых людей большую часть составляли русские. В этом случае казачество воспринимается как часть русского народа, которая со временем оформилась в одно из сословий. Это точка зрения является исходной в настоящей работе.

Исторически судьбы казачества и Российского государства были тесно связаны. Н.И.Никитин в своей книге отмечает, что «казаки превосходили все категории населения России по своей социально-политической активности»¹. Однако, по оценке ученого, даже если бы его роль в истории была меньшей, внимание исследователей все равно было бы гарантировано казачеству благодаря особенностям его социального устройства и духовной культуры.

После поражения Белого движения в Гражданской войне из России эвакуировались по разным оценкам от 40 до 80 тысяч казаков из всех казачьих войск. Как отмечает Г.О. Мациевский, «к началу 1930-х гг. казаки-эмигранты жили в 18 странах мира – в Европе, Азии, Африке, Австралии, Северной и Южной Америке»². Отличительной особенностью казачьей эмиграции была ее организованность. Казаки переправлялись за рубеж целыми подразделениями со своим самоуправлением: эмигрировали «войсковые атаманы Дона, Кубани, Терека и Астраханского казачьего войска и их правительства, Войсковые круги и Рада, а также казачьи военные части и беженцы»³.

В том числе и благодаря этим обстоятельствам казакам быстрее остальной части русской эмиграции удалось выстроить свой привычный образ жизни. Они создавали станицы и хутора, избирали атаманов, организовывали кассы взаимопомощи, получали светское и духовное образование в эмигрантских русских и казачьих школах, корпусах и университетах⁴.

¹ Никитин Н.И. История казачества: аспекты научные и политические. М: Директ-Медиа, 2022. С. 5.

² Мациевский Г.О. Политическая жизнь казачества в эмиграции: тенденции и особенности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <file:///C:/Users/79814/Downloads/politicheskaya-zhizn-kazachestva-v-emigratsii-tendentsii-i-osobennosti.pdf>.

³ Кириенко Ю. К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921—1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 6.

⁴ Гаврилов А.Н. Казачья эмиграция в странах Западной Европы в 20-30 гг. XX века. Общественно-политический аспект // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2011. С. 63.

«Казачья ухватка, казачья сметка, казачья удаль» «остаются теми же и там – на бывшем Дону, и здесь – в Европе»,¹ – так описывал казачество за рубежом Н.Н. Туроверов. Даже будучи в эмиграции, казаки не растеряли особую сноровку и находчивость, а также остались бойкими и смелыми. По замечанию исследователя О.В. Ратушняка, цементирующей основой казачества за рубежом «выступало общее историческое прошлое и элементы сословного и этнического самосознания»². В совокупности эти факторы выделяли казаков из всей русской эмиграции.

Тем не менее, несмотря на старания казаков воссоздание привычного строя жизни на чужбине, существование казачества таким, каким оно было на родине с отведенными ему землями, укладом, а главное самосознанием и культурой, в эмиграции оказалось под угрозой. Курс политических репрессий, взятый большевиками по отношению к казакам, не предвещал перспектив скорого возвращения домой. На эти обстоятельства накладывались тяжелейшие бытовые проблемы, общие упаднические настроения, а также отсутствие необходимости развиваться в привычном ратном деле в принявшей стране.

И если другие эмигранты при возможности вернуться могли снова обрести пусть изменившуюся, но родину, то казаки рисковали перестать быть казаками, потерять свое этническое самосознание. Ко многим из эмигрировавших казаков начало приходить это понимание, поэтому независимо от вида войск, места пребывания и политических воззрений они считали главной задачей спасение и сохранение своей самобытной культуры. Неудивительно, что такой масштабный запрос породил в казачьей эмиграции целую плеяду талантливых поэтов, прозаиков, журналистов и общественных деятелей.

В книге «Казачий Дон: пять веков воинской славы» отмечено, что «известны более 4 тысяч стихов, в том числе и в прозе, и поэм более 150 казаков

¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж: Изд-во «Казачьего союза», 1928. С. 292.

² Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Донское казачество в эмиграции (1920–1939 годы) // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3. С. 80.

зарубежья, в том числе около 80 донских»¹. Опираясь на мнение суровой по отношению к казакам литературной критики русского зарубежья, авторы книги «Казачий Дон: пять веков воинской славы» все же первыми выделяют Н.Н. Туроверова, Н.Н. Евсеева, П.С. Полякова, Н.А. Келина, а также упоминают Ю.Ф. Гончарова, Б.А. Кундрюцкова, И.И. Колесова и других поэтов².

В европейских странах в 1920–1930-е годы стали также появляться многочисленные казачьи общества, организации и издательства, основной задачей которых среди прочих являлось сохранение культуры казачества, помощь молодым казачьим писателям, а также препятствование ассимиляции казаков с местным населением.

Стоит отметить широкую географию многочисленных казачьих изданий по всему миру: в Харбине, Париже, Праге, Белграде, Софии, Берлине, Братиславе, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и других городах выпускались казачьи журналы, газеты, сборники. Их количество на сегодняшний день не поддается точному подсчету.

По оценке Г.О. Мациевского, казачество было неоднородно в политических воззрениях. И если рядовых казаков более волновали вопросы элементарного обеспечения жизни собственных семей в новой стране, то казачьи «верхи» спорили о будущем. Ученый выделяет представителей двух основных направлений казачьей мысли: «единонеделимцев» и «самостийников»³. Первые придерживались идеи неделимой России и считали казачество частью единого русского народа. Вторые же провозглашали себя отдельным народом, выступали за государственную самостоятельность и территориальную независимость. В основном споры велись в кругах казачества, проживающего в Западной Европе, в этом отношении Азия не стала столицей ни той, ни другой идеи.

¹ Казачий Дон: пять веков воинской славы / А.В. Венков и др. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 153.

² Казачий Дон: пять веков воинской славы / А.В. Венков и др. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 153.

³ *Мациевский Г.О.* Политическая жизнь казачества в эмиграции: тенденции и особенности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <file:///C:/Users/79814/Downloads/politicheskaya-zhizn-kazachestva-v-emigratsii-tendentsii-i-osobennosti.pdf>.

Основными центрами восточной ветви казачьего зарубежья являлись Харбин и Шанхай (Китай). По оценке А.А. Хисамутдинова¹, именно в Харбине в эмигрантских газетах казаки публиковали первые отдельные статьи и очерки. Более того исследователь отмечает, что жизнь русского казачества в Китае отражали все без исключения «эмигрантские периодические издания», в том числе «Русское слово», «Заря», «Наш путь», «Харбинское время» и «Рубеж». Последний журнал, выпускавшийся с 1928 года и являвшийся одним из наиболее известных литературных изданий русского зарубежья в Китае, помимо статей и произведений публиковал и фоторепортажи о жизни казачества.

С середины 1930 годов постоянными авторами «Рубежа» становятся начинающие поэты из литературного объединения «Молодая Чураевка», которое возглавил один из активных деятелей казачьей эмиграции в Китае, сибирский казак А.А. Ачаир. Он знакомил харбинскую молодежь с историей русской литературы, особенностями стихосложения, а главную свою задачу видел в предоставлении молодым писателям возможностей реализовать себя в творчестве. Примечательно, что настоящая фамилия поэта – Грызлов, Ачаир же – псевдоним, принятый им уже в Китае по названию одноименной сибирской станицы, его малой родины.

В этой связи также необходимо назвать имя талантливой поэтессы М.В. Волковой, которая также была родом из семьи сибирских казаков. Она состояла в активной переписке с Ачаиром, Туроверовым, а также с П.Н. Красновым, которые стали для поэтессы наставниками и помощниками в творчестве. Наряду с Ачаиром и Волковой наиболее яркими представителями сибирских казачьих писателей были Д.В. Загоскин, А.В. Зуев, В.Л. Сергеев.

Со временем казачья культурная общность в Китае окрепла, вследствие этого стали издаваться специальные журналы, посвященные казачеству, например, «Дальневосточный казак», «Россия и Казачество», «Казачья жизнь»,

¹ Хисамутдинов А. А. Русские казачьи издания в Китае (первая половина XX века) // Библиосфера. 2021. № 2. С. 79.

«Казачество в Азии», «Казачий клич», «Иркутский казак», «Сибирский казак» и другие.

Активную издательскую деятельность казаки развернули в Чехословакии, руководство которой организовало «Русскую акцию» помощи эмигрантам. Как отмечает О.П. Болдырева, МИД принимающего государства финансово поддерживал многочисленные казачьи организации и издательства, среди которых были «Библиотека Вольного казачества», «Пламя», «Воля России», «Хутор»¹. Однако в этой среде царила идеологическая неоднородность: развивались как демократические концепции федералистского толка, так и националистические, вольно-казачьи идеи. Первых объединяли идеи по преобразованию России в демократическое федеративное государство, куда после отстранения большевиков от власти должно было войти и свободное казачество. Вторые отрицали идею общей истории России и казачества и были ориентированы на создание независимой «Казакии» – государства, объединяющего казачьи земли Дона, Кубани, Терека и Урала.

По оценке Болдыревой, наиболее популярным изданием демократического направления можно назвать «Казачий путь» («Путь казачества»), сыгравший огромную роль в воспитании молодых авторов, редакторов и издателей². Так, многие казачьи поэты публиковались в рубрике «Казачий литературный кружок», впоследствии выросшего в издательство «Литературная казачья семья» и включавшего таких представителей, как И.И. Колесов (его глава), Н.А. Келин, П.С. Поляков, Б.А. Кундрюцков, Ю.Ф. Гончаров и др. Болдырева также отмечает дальнейшее расхождение молодого крыла и редакции журнала во главе с В.А. Харламовым: «Они получили прекрасную школу казачьего демократизма, которая развилась у них в «вольноказачье» мировоззрение»³.

¹ Болдырева О.П. Издательская деятельность русской эмиграции в Чехословакии: 1919-1939 гг. (на материале казачьей периодики): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 12.

² Болдырева О.П. Издательская деятельность русской эмиграции в Чехословакии: 1919-1939 гг. (на материале казачьей периодики): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 13.

³ Болдырева О.П. Издательская деятельность русской эмиграции в Чехословакии: 1919-1939 гг. (на материале казачьей периодики): дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03. М., 2013. 23 с.

Стоит добавить, что те же Колесов, Поляков, Кундрюцков и Гончаров после ухода из издания «Казачий путь» далее печатались в литературном и политическом журнале националистического толка «Вольное казачество», который выпускался под редакцией Б.А. Билого и М.Ф. Фролова и, по оценке Болдыревой, стал ведущим у «самостийников». Исследователь также обращает внимание и на то, что журнал имел внешнее (зарубежное) финансирование, а также был весьма показательным с точки зрения регулярности выхода и представительства казачьих литературных сил. Однако на основе анализа пражской периодики Болдырева приходит к выводу о том, что большинство казачьих изданий (15 из 25 имевшихся) все-таки следовало демократическим федералистским идеям.

Столицей казачьей эмиграции стал Париж. Там обосновались крупные казачьи поэты Н.Н. Туроверов, Н.Н. Евсеев, В.А. Смоленский, М.И. Богаевский И.В. Воинов, И.И. Сагацкий, П.Ф. Крюков, М.И. Гаврилов и другие.

Этих казачьих писателей во многом объединял и курировал Туроверов, донской казак, по воле судьбы эмигрировавший в Париж и положивший свою жизнь на чужбине служению культуре казачества. Он как старший товарищ помогал друзьям-казакам в жизни и творчестве, а также брал под свое крыло молодое поколение. Так, в 1937 году Туроверов становится одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов», в котором возглавлял «отдел поэзии» наравне с П.В. Гусевым, ответственным за отдел прозы.

Членами «Кружка...» были представители казачьей эмиграции не только во Франции, но и в Сербии, Болгарии, Китае. Среди них – И.Г. Акулинин, А.А. Ачаир, И.В. Воинов, М.В. Волкова, Д.И. Воротынский, Н.Н. Евсеев, В.С. Крюков, В.А. Смоленский и др. Почетными членами общества значились аббат Кенэ, генерал П.Н. Краснов, генерал Д.И. Ознобишин (до 1917 военный атташе во Франции). Многие собрания «Кружка казаков-литераторов» проходили зачастую прямо в квартире Туроверова. Объединение регулярно выпускало небольшие сборники стихов своих членов.

Под эгидой «Кружка казаков-литераторов» в 1939 году малым тиражом 700 экземпляров в Париже вышел известный «Казачий альманах», составленный из очерка атамана Краснова о казачьих войсках, воспоминаний Мельникова («В донских степях») и Ознобишина («Моя служба в казаках и с казаками»), статей Акулинина («Казаки в гражданской войне») и Туроверова («Казаки в изображении иностранных художников»), а также рассказов Крюкова, стихов Волковой, Евсеева, Воинова, Сулина и других.

В честь десятилетия существования «Кружка...» в первом номере «Общеказачьего журнала» за 1947 год Туроверов писал, что объединение являлось на тот момент единственной «в Европе казачьей организацией, не прекращавшей деятельности за все время всего существования и продолжавшей вести свою культурную работу»¹.

С началом Великой Отечественной войны, по оценке Мацеевского, в казачестве обострились противоречия. Многие националистически настроенные казаки в эмиграции восприняли «конфликт между СССР и Германией как возможность свергнуть советское правительство и в союзе с нацистами восстановить «казачью государственность»»². Ученый приводит слова казачьего генерала П.Н. Краснова: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру!...»³.

Однако после нападения Германии на СССР большинство казачьих объединений охватила волна патриотизма, сочувствия к соотечественникам. Подтверждением этому может стать стихотворение Туроверова 1944 года «Товарищ», в котором он обращается к своим братьям на родине:

¹ Общеказачий журнал. 1947. № 1. С. 12.

² Мацеевский Г.О. Политическая жизнь казачества в эмиграции: тенденции и особенности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <file:///C:/Users/79814/Downloads/politicheskaya-zhizn-kazachestva-v-emigratsii-tendentsii-i-osobennosti.pdf>.

³ Мацеевский Г.О. Политическая жизнь казачества в эмиграции: тенденции и особенности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <file:///C:/Users/79814/Downloads/politicheskaya-zhizn-kazachestva-v-emigratsii-tendentsii-i-osobennosti.pdf>.

«Тогда с тобой мы что-то проглядели,
 Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
 Не для того ль мы оба уцелели,
 Чтоб вместе за отчизну умереть?»¹.
 1944

В этих строках ощущается принятие Советской России, происходит примирение с «врагами»-большевиками, а также отражается стремление к единству в борьбе за родину против общего противника.

С 1947 по 1958 годы Туроверов также возглавлял «Казачий Союз», который изначально был создан в 1924 году, но приостановил свою деятельность во время Второй мировой войны. Это объединение было центром общественной и политической жизни казачества в эмиграции, выступало за возвращение всех казаков на родину, сохранение казачьей культуры, при этом отказывалось от крайних политических взглядов.

«Казачий Союз» определял себя как центристскую общеказачью организацию за рубежом, опиравшуюся на общедемократические ценности и ориентировавшуюся на создание казачьих автономий на территории будущей России. Стоит отметить, что, несмотря на широкий плюрализм мнений в казачьих кругах, в том числе распространение сепаратистских идей, «Союз» был самой массовой общественно-политической организацией казачьей эмиграции².

В одном из номеров одноименного журнала, в редакционную коллегию которого в разные годы вместе с товарищем, поэтом Евсеевым входил и сам Туроверов, были опубликованы его «Основные законы Всевеликого войска Донского» с авторскими комментариями. Главной идеей публикации был тезис о

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 165.

² Гаврилов А.Н. Казачья эмиграция в странах Западной Европы в 20-30 гг. XX века. Общественно-политический аспект // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2011. С. 63.

том, что в 1918 году «...состоялось отделение Дона – не от России, а от большевизма...»¹. Более того, поэт отмечал близость этих, по сути, демократических законов и России, называя в качестве объединяющих скреп «христианство и человечность, свободу и правду»².

В послевоенные годы Туроверов возглавлял еще одно издание «Казачьего союза» – журнал «Родимый край», первоначально выходивший с 1929 года в Париже под редакцией Н.М.Мельникова. Он стремился к объединению эмигрировавших казаков на основе всего того, что было дорого каждому из них: общей истории, традиций, привилегий и вольностей, дарованных в связи со служением России.

1.2. Православие и народные песни как основа духовных традиций казачества

В 1972 году на смерть Туроверова русская зарубежная пресса откликнулась серией статей, называя его «любимым и <...> последним выразителем духа мятежной ветви русского народа – казачества»³. Можно добавить, что творчество поэта стало выразителем и русского характера, национальных духовно-нравственных ценностей и культурных традиций. Несмотря на то, что на родине имя Туроверова долгое время оставалось неизвестным, во Франции выдающиеся критики-современники высоко оценивали его поэтический талант: «Стих Туроверова скупой и точный, в духе пушкинской традиции. <...> Он зорек и умеет виденное сжато и верно изобразить. С той же четкостью, с которой он видит и изображает родную Донскую область, умеет он передать и впечатление от чужих земель, по которым ему пришлось скитаться в изгнании»⁴, – не скупился на похвалы Г.П.Струве. Ему вторил Г.В. Адамович, замечая, что стихи Туроверова

¹ Туроверов Н.Н. Основные законы Всевеликого войска Донского. Париж: Издание Казачьего Союза, 1952. С. 34.

² Туроверов Н.Н. Основные законы Всевеликого войска Донского. Париж: Издание Казачьего Союза, 1952. С. 47.

³ Станюкович Н.В. Николай Туроверов – баян казачества // Возрождение. 1956. № 60. С. 349.

⁴ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж-Москва: Умса-Press, 1996. С. 235.

«ясны и просты хорошей, неподдельной прямою, лишенной нарочитого упрощения»¹. Строгий критик В.Ф. Ходасевич отмечал, что стихи поэта «добротны»².

В настоящее время в одном из фильмов цикла документального кино о русской эмиграции «Русский выбор», посвященном казачеству, не раз упоминалось имя Туроверова. Н.С. Михалков, ведущий и один из авторов цикла, назвал его поэзию «зарифмованной трагедией русского офицера»³.

Действительно, большинство стихов Туроверова посвящено России, в них чувствуется искренняя к ней любовь и глубокая тоска по родным донским степям. Как отмечает В.В. Леонидов, «он еще знал любовь людей. Ту самую народную любовь, о которой мечтает любой художник. <...> Он был прост и понятен каждому и, в то же время, сумел выразить мысли и чувства сотен тысяч воинов, своих родных казаков. Его строки не давали опускать руки тем, кто оказался в изгнании после революции и Гражданской войны»⁴.

Свою родную станицу Старочеркасскую (ныне всемирно известный историко-архитектурный музей-заповедник) Туроверов никогда не забывал и воспевал во многих своих стихотворениях. Здесь еще до эмиграции начался его творческий путь и в глубине русской национальной жизни следует искать духовные истоки поэзии Туроверова. На крутом повороте истории он именно в православии видел опору для своего творчества: «Туроверов стремился философски осмыслить трагедию Гражданской войны и эмиграции, примириться с судьбой, что во многом удавалось благодаря христианскому мировосприятию, отразившемуся в его лирике»⁵.

Православие определило главные духовные ориентиры казачества, которое всегда ощущало себя защитником христианства. Именно вера в Бога давала силы

¹ Адамович Г.В. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 28 октября. С. 3.

² Ходасевич В.Ф. Двадцать два // Возрождение. 1938. 10 июня. С. 9.

³ Михалков Н.С. Русский выбор. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/35506.

⁴ Леонидов В.В. Предисловие // Туроверов Н.Н. Двадцатый год – прощай, Россия! М.: Планета детей, 1999. С. 5.

⁵ Кротова А.А. Особенности христианского мировосприятия в лирике Н.Н. Туроверова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9(75): в 2 ч. Ч. 2. С. 34-35.

выжить на чужбине потерявшим родину эмигрантам. Поэтому представляется не случайным то, что православные мотивы стали одними из доминирующих в поэзии Туроверова. Однако их нельзя рассматривать только в рамках катехизиса, необходимо учитывать, что православие оказывало огромное влияние на образ жизни, мировосприятие и миропонимание казачества и нашло индивидуальное преломление в творчестве поэта.

А.А. Кротова обнаруживает в лирике Туроверова образы христианских святых (Богородицы, Николая Чудотворца, Георгия Победоносца), а также обращения к христианским праздникам (Рождеству, Пасхе)¹. Однако исследователь не рассматривает православные мотивы в творчестве поэта с точки зрения их эволюции, что представляется важным для изучения наследия художника, который за более чем 50 лет творческой деятельности пережил многочисленные личные и социальные катаклизмы.

До 1920 года Туроверовым написано немного стихотворений, и в них православные мотивы отсутствуют. Большинство произведений посвящено описанию родной природы с обильным использованием местной лексики:

«Вокруг простор пустынный и безбрежный,
А тут шалаш, бакшевник – дед глухой.
И запах дынь настойчивый и нежный
И скрип кузнечика в огудине сухой»².
1918

Поэт только пробует свои силы в творчестве и вдохновляется картинами родной степи, придавая ее описанию объем за счет использования художественных средств, выражающих разные органы чувств: зрение, обоняние и слух. Туроверов также использует диалектные слова из мирной жизни,

¹ Кротова А.А. Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Туроверова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 213 с.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 39.

отсылающие ко второму главному занятию казаков – сельскому хозяйству. Так, «бакшевник» – это человек, смотрящий за бакшой¹ (огород в поле, чаще всего, из арбузов, дынь), а «огудина»² – плеть у бахчевых культур.

Однако в эмиграции православные мотивы начинают появляться во многих произведениях поэта. Так, характерной в этой связи является поэма «Новочеркасск» (1922), в которой он размышляет о прошлом, настоящем и будущем дорогого для себя города. Туроверов отмечает, как спокойно и мирно до революции протекала здесь жизнь, духовным центром которой был православный храм:

«Жизнь шла размеренно, не скоро,
Не трудно, но и не легко,
И купол золотой собора
Кругом был виден далеко»³.

В произведении этот мотив встроен в общую канву жизни, здесь нет философских рассуждений о Боге, вера у казаков была включена в привычный ход вещей и носила всеобщий характер:

«Блюли закон, моляся Богу,
Хулили злобу, блуд и месть;
Все казаки ходили в ногу
И отдавали лихо честь»⁴.

¹Казачий словарь-справочник / сост. Г.В. Губарев. Т.1. Вып. 2. Кливленд, 1966. С. 40.

²Казачий стан. URL: <https://kazakdona.ru/glossar/ogudina-3498.html>.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 47.

⁴ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 48.

Примечательно также, что Туроверов перемежает воспоминания о сезонных работах казаков на земле и важных религиозных праздниках, подчеркивая тем самым некую обрядовость казачьего православия, тесную связь с природой:

«Весну встречали в поле, сея,
Скотину выгнав из базов;
Под Пасху ждали иерея
К лампадам темных образов»¹.

Описания мирного и гармоничного бытия антитезой сменяют «дни кровавых оргий», которые принесли Первая мировая и Гражданская войны, революция. Поэма в этой связи композиционно делится на две части – «до» и «после». И если в первой религиозные мотивы встречаются часто и являются неотъемлемой частью жизни казаков, то во второй – отсутствуют совсем или упоминаются вскользь. Однако последняя строфа в поэме представляет собой эмоциональную кульминацию произведения и полностью построена на христианских мотивах. Так, с помощью приема олицетворения поэт наделяет колокола способностью «могильно петь», сам «город на горе» Новочеркасск сравнивается с мучеником, ищущим спасение «под сенью соборного креста», а лирический герой, обращаясь к нему, говорит, что помнит «день разлуки в канун Рождения Христа».

Таким образом, даже в одном произведении можно проследить эволюцию христианских мотивов у Туроверова: в начале вера представляется как нечто общее и привычное, а в моменты потрясений она становится более личной, выходя на первый план в восприятии мира. Этот принцип развития христианских мотивов реализуется в произведениях Туроверова на протяжении всего его творческого пути вплоть до начала 1970-х годов.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 49.

В том же 1922 году Туроверов создает стихотворение «Майдан». Его название имеет много разных значений, но у казаков так называется место собраний, сходов, станичный круг. В произведении речь идет о встрече казаков «на суде у Божьего престола». Здесь Ермак, Разин, Булавин и Платов, последним идет Каледин – так поэт создает картину многих эпох в истории казачества, которые олицетворяют их лидеры, ожидающие Господа.

Бог показан всепрощающим, но строгим, он произносит такие слова: «Я создал степи / Не для того, чтоб видеть кровь»¹. Но у казаков есть свои заступники – Никола и Егорий, здесь они стоят у ворот рая и выступают в защиту казаков. Николай Чудотворец – один из наиболее почитаемых казаками святых, неоднократно оказывающих им чудесную помощь. Примечательно, что у казаков он именуется непременно Николой (Миколой)-Угодником, что подчеркивает связь образа с народным православием. С ним же связано и имя второго заступника – Егория, чье имя также используется поэтом в народной форме. В этом образе в разных произведениях Туроверова совмещаются две ипостаси Георгия Победоносца – святого-воина и покровителя пастухов и земледелия, что гармонично сочеталось в казачьем сознании. Поэтому, видимо, неслучайно, что именно у Егория Вешнего находятся весомые аргументы в защиту казаков перед Богом:

««Они сыны моей земли»!

Воскликнет пламенный Егорий:

«Моих волков они блюли

Среди своих степных приморий»².

Туроверов постоянно использует в своих ранних произведениях православные мотивы в их народной интерпретации, соединяя их с мотивами

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 84.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 49.

казацкой соборности и всеобщности. Но со временем поэт совершает собственный духовный путь навстречу Господу: переводя повествование из концепции «мы и Бог» в концепцию «я и Бог». В стихотворениях 1930–1940 годов меньше земного и всеобщего, строки, обращенные к Богу, почти интимны, появляется мотив чудесного. С этой точки зрения интересно стихотворение «Наташе Туровой» (1930). Оно адресовано маленькой дочери, поэтому лирический сюжет приобретает сказочный характер.

Тонко представлен зимний пейзаж: «золотые дрожащие звезды» и «темно-синий небосвод» создают картину рождественского чуда, зыбкого и прекрасного. Поэт мастерски сочетает в стихотворении нечто таинственное и бесконечно чистое, святое. Поддерживает сказочность картины появление проезжающих по небу на верблюдах «трех заморских королей». Речь идет о трёх языческих жрецах-волхвах, которые, следуя за Вифлеемской звездой, пришли к новорожденному Спасителю и оставили ему в качестве знака преклонения свои дары: золото, мирру и ладан.

Далее появляется и образ «маленького вертепа» с фигурками ослика, Пресвятой Девы и Иосифа. Здесь уже начинаются новые чудесные параллели: «на донском душистом сене» спит Божественный Младенец, а вертеп символизирует Россию. Таким образом, тема Рождества соединяется с темой возвращения на родину. Примечательно, что у поэта там, где Россия, казачья степь, там и Бог.

Следует также заметить, что в творчестве Турова собственнo христианские постулаты часто сочетаются с национальным мировоззрением и миропониманием казачества. Эти черты присутствуют в стихотворении «Азов» (1940):

«И на ранней заре, средь тумана,
Как молитва звучали слова:
За Христа, за святого Ивана,
За казачий престол Покрова,

За свободу родную, как ветер,
 За простую степную любовь,
 И за всех православных на свете,
 И за свой прародительский кров»¹.

Туроверову присуще частое использование такого художественного приема, как единоначатие, что особенно хорошо заметно на примере вышеуказанного отрывка: начало строк с предлога «за» указывает здесь на духовные ценности казаков, которые достигаются в бою с молитвой и Божьей помощью.

В этом стихотворении отражено стремление казаков защитить свою землю, святых, веру. Помимо уже встречавшихся ранее в творчестве Туроверова образов Христа, Пресвятой Богородицы в этом стихотворении появляется и образ святого Ивана. Возможно, здесь имеется ввиду Иоанн Русский, один из покровителей казачества, который сам будучи воином-казак, попав в плен к туркам, несмотря на ужасные пытки, сумел отстоять свою православную веру.

Святостью в стихотворении наделена и воля – неотъемлемый атрибут казачьей души. Желание бороться и, вероятно, погибнуть возникает за любовь «простую степную», искреннюю. Все, без чего немислимо мироощущение казака, акцентировано поэтом в этом произведении.

Примечательно, что несколькими строчками ниже этот призыв повторяется: «За Святого Ивана, за волю, / За казачью любовь навсегда»². Важно заметить, что в произведениях, посвященных родным краям, степи, Дону, Туроверов преимущественно использует слово «воля»:

«Эх, приволье широких раздолий!
 Голубая, полынная лепь, –
 Разлилась, расплескалась на воле

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 120.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 120.

Ковылями просторная степь»¹.

1927

В творческом сознании поэта «воля» – особое состояние духовной независимости, ничем не ограниченного простора и удалого разгула. Следует отметить, что в национальном сознании это понятие имеет два полюса, проявившихся особенно ярко у казаков. Позитивный полюс состоит в том, что казачья воля как особое духовное состояние возникает на фоне бескрайних степей, связано с силой, решительностью, энергией. Второй полюс включает спектр негативных качеств: безрассудность, безответственность, разгульность. По оценке Н.М. Петровых, «воля может быть эгоистичной, и крайним ее проявлением становится русский бунт»². Необходимо отметить, что в преобладании положительных свойств воли в характере казаков определяющую роль играют духовные ориентиры православия.

Слово «свобода» также присутствует в лирике Туроверова, но чаще всего используется им в произведениях о Франции, Париже и обозначает скорее физическую и психологическую безопасность, демократические ценности: «Франция, страна моей свободы / Мачеха веселая моя»³.

Свобода у поэта предполагает законность и порядок, а воля – отсутствие каких-либо ограничений. При этом слово «свобода» часто у Туроверова приобретает негативные коннотации, хотя и бывает связана с процессом творчества. Состояние свободы, в отличие от воли, находится вне природы, имеет гнетущий, тяжелый характер:

«Как далека от нас природа,

Как жалок с нею наш союз, —

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 45.

² Петровых Н.М. Концепты *воля* и *свобода* в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 207-217.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 106.

Чугунным факелом свобода
 Благословляет наших муз»¹.
 1928

Свобода безрадостна и не несет никакой пользы лирическому герою: «Какой простор, какой простор и грусть / В моей свободе бесполезной»². Так, даже наличие пространственной широты, объединяющей понятия воли и свободы, не придает последней позитивных смыслов в понимании поэта. С помощью повторов он усиливает впечатление о ненужности просторов на чужбине, где не могут реализоваться духовные ценности воли.

Максимальное сближение с Богом у Туроверова происходит в стихотворении «Пилигрим» (1940). Заголовок произведению дан неслучайно: лирический герой – поэт, он сравнивает себя с пилигримом – вечным путником, скитальцем, паломником. Художник уверен, что его стихи – божественный акт, глас Господа. Поэт славил «все, что сердцу мило» и «не боялся умирать». Всевышний, проверяя его духовные силы, посылал ему многочисленные испытания, «заставил все перестрадать». И вот поэту, «бездомному пилигриму», остается только идти «сквозь муки и страдания» и петь о всемогущей Божией власти:

«И вот, мои проверя силы,
 Сказал: «иди сквозь гарь и дым,
 Сквозь кровь, сквозь муки и страдания,
 Навек бездомный пилигрим
 В свои далекие скитанья,

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 70.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 175.

Иди, мой верный раб, и пой
О Божьей власти над тобой»¹.

Таким образом, в религиозном, предельно высоком тематическом регистре, Туроверов выражает оправдание собственному бытию и своему вечному странничеству. Более того, поэт задумывается о ценности собственного творчества перед Господом. В стихотворении «На простом, без украшений, троне», написанном в 1945 году, уже упомянутый мотив Страшного суда над легендарными казаками получает развитие: теперь перед Богом предстает сам лирический герой, а «ангел молча подбирает гири, выбирая самый лучший стих»² для весов Судного дня.

В произведении образ Всевышнего максимально приближается к личности поэта, сравнивается с отцом: «Был всегда ко мне Он благосклонен, / По-отечески и милостив, и строг»³. Родительская, охраняющая и защищающая любовь Бога ощущается лирическим героем во всем пространстве, где живут изгнанники: «Все так просто в этом райском мире, / Будто здесь родители живут»⁴. Осознавая масштабность грядущего момента и величие Всевышнего, он задает риторический вопрос: «Сколько веса в этой бедной лире, / Певшей о земном и для земных?»⁵. В конце стихотворения тайна решения Бога не открывается, а все произведение выглядит как напоминание Туроверова самому себе о том, для чего Господь послал ему страшные испытания и наградил даром поэта.

Поздним стихотворениям художника присущи элегические черты: в них глубоко осмысливается тема жизни и смерти, жизнеутверждающие настроения, присущие предшествующему творчеству, часто сменяется печалью и тоской.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 137.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 179.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 179.

⁴ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 179.

⁵ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 179.

Несколько стихотворений 1950-1960-х годов поэт так и называет «Элегия», а в первой строчке одного из них содержатся слова, характеризующие общий пафос произведений этого периода: «На склоне лет, и памяти, и сил...» (1954)¹.

В абсолютном большинстве стихотворений Туроверова позднего периода присутствуют христианские мотивы. Поэт в стихотворении 1961 года задумывается об итогах своей жизни и собственном творческом потенциале в настоящем: «Так ли я для Господа полезен, / Как когда-то в жизни озорной?»². Мотивы божественной избранности и благословения сменяют мотивы одиночества, смерти и воскресения. Идеи общения с Богом и особого предназначения поэта уходят на второй план, образ Всевышнего теряет персонифицированные черты: лирического героя заботит не возможный Страшный Суд или беседа с Богом, а пространство, в которое он попадет после кончины.

Поэт часто размышляет о том, что его ждет «в новой жизни неземной» (1969)³: появляются образы рая и ада, возникает образ чистилища. Примечательно, что, изображая последнее, поэт изображает «чудесный сад», в котором он пребывает с конем «среди незабудок» (1968)⁴. Все же лирический герой надеется на жизнь после смерти, на прощение и духовное воскрешение, об этом может свидетельствовать неоднократное повторение в разных стихотворениях 1950–1960 годов пасхального приветствия «Христос Воскресе!»:

«Вокруг могилы радостные песни:

Христос воскрес! –

И нам уже дано,

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 261.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 269.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 283.

⁴ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 279.

Не сомневаяся, воскреснуть!»¹

(1961)

Более того, лирический герой верит не только (и не столько) в свое перерождение, сколько в воскрешение казачества в целом:

«Мой милый друг, казачество воскреснет,

Чтоб и другим дать силу воскресать»².

(1953)

Таким образом, если в лирике 1920-х годов Господь изображался Туроверовым спасителем для всех казаков, то в 1930-1940-х годах поэт приходит к более личному пониманию Бога как Отца и Творца. Художник чувствует более тонкую и глубокую связь с ним. Поэт видит божественное веление в своем творчестве, переосмысливает все страшные события своей жизни и все-таки приходит к осознанию своего великого предназначения – «петь о Божьей власти». В позднем творчестве 1950–1960-х годов преобладает жанр элегии с обязательным присутствием христианских мотивов. Поэта преимущественно интересуют образы одиночества, смерти, будущей «неземной» жизни, он верит в грядущее воскрешение для всего страдающего казачества.

Другой особенностью творчества Туроверова как казачьего поэта является его обращение к этике и эстетике народной песни. Однако эта тема до сих пор остается практически не изученной. К ней фрагментарно обращалась лишь А.А. Кротова, которая констатировала, что «Н. Н. Туроверов высоко ценил песенную культуру народа, чувствовал её важную роль в казачьей жизни»³.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 270.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 255.

³ Кротова А.А. Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Туроверова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 11.

Духовно-нравственные традиции казачества в течение многих столетий были важным элементом национального сознания. Уникальность эмигрантского казачества состоит в том, что оно в тяжелейших условиях среди инокультурного, часто враждебного окружения смогло создать сильную, свободолубивую общину с особым языком, традициями и обычаями, с идеей верности Отечеству и православной вере.

Эту уникальность остро осознавал Туроверов. Оторванный от родины он до конца жизни боролся за сохранение культурной самобытности казачества. В этой связи особое место в своем творчестве он отводил казачьей песне. Ей посвящена одноименная заметка поэта, опубликованная в «Общеказачьем журнале» в октябрьском номере за 1950 год в США. Здесь Туроверов называет казачью песню «самым лучшим проявлением подлинной народности», обращает внимание на то, что многие русские писатели обращались к теме казачества и приводит цитату из рассказа М. Горького о том, как поют казаки: «...Казаки казались иными, чем солдаты, не потому что они ловко ездили на лошадях и были красивее одеты, — они иначе говорили, пели другие песни и прекрасно плясали...»¹. Туроверову здесь важно акцентировать внимание на особой способности казаков к самобытным проявлениям в песне или танце.

В этой связи важно заметить, что в 1967 году Туроверову удалось опубликовать сборник казачьих песен под одноименным названием. Поэт на одной из титульных страниц отметил, что в сборник «вошли кроме войсковых песен (ставших на Дону, Кубани и Тереке гимнами) главным образом походные и плясовые песни казаков»². Ко многим из них Туроверов дает примечания об авторстве и времени написания. Неудивительно, что сборник открывает песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», созданная в 1853 году в начале Крымской войны Ф.И. Анисимовым, донским казаком, поэтом и преподавателем латинского и французского языков в Новочеркасской гимназии. Позднее в 1918 году ее одобрили в качестве гимна Большого Войскового Круга

¹ Цит. по: *Туроверов Н.Н.* Горечь задонской полыни: Поэзия, проза и публицистика / сост., вступ. ст. К.Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: Росиздат, 2006. С. 233.

² *Туроверов Н.Н.* Казачьи песни. Нью-Йорк: Издательство «Казачья старина», 1967. С. 4.

Всевеликого Войска Донского. В жанровом отношении эта песня также близка гимну, в котором торжественно прославляется донское казачество:

«Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины,
В память вольной старины,
В час невзгоды – честь свободы
Отстоят твои сыны»¹.

Как отмечает С.Г. Воркачев, патриотический дискурс гимна формируется базовыми концептами родины и народа². Так, в текстах национальных гимнов регулярно появляются этнонимы страны и народа, а также имена родины сами по себе или в сопровождении «любовных» эпитетов: «Россия – священная наша держава», Отечество, Отчизна, родная земля, «любимая наша страна». Для казачества же символом родины является вовсе не земля. Символ родины и символ свободы сливаются для них в образах рек (Дона, Кубани, Терека). Река для казаков имела огромное значение: она кормила, защищала, вдохновляла. Даже когда вольность была утрачена, традиция названия казачьих войск по имени рек или озер сохранялась (Донское, Семиреченское, Забайкальское и др.). В общем смысле родина для казака – это река и окружающая ее местность.

В этом отношении песню «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон» можно назвать программной именно для донского казачества, потому что в ней отражаются такие константы, как Дон, степь, вольность.

Песня «Ты Кубань, ты наша Родина», также представленная в сборнике, в свою очередь является гимном кубанского казачества. В ней воспевается река Кубань такими эпитетами, как «многоводная, разнодолная, родимая», метафорой «вековой наш богатырь». В силу преобладания женского начала в образе этой реки казаки сравнивают ее с «матерью родной» в отличие от Дона, который

¹ Туроверов Н.Н. Казачьи песни. Нью-Йорк: Издательство «Казачья старина», 1967. С. 8.

² Воркачев С.Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 38.

величали «Тихим Доном», «Доном-Батюшкой, Дон-Ивановичем», «Доном-богатырем». Примечательно, что в обеих песнях в образы вплетаются фольклорные, сказочные мотивы, а сами реки сравниваются с богатырями, то есть надеются особой, почти чудесной силой.

В этой связи интересен образ реки Яик в песне «Яикушка Горынович». В примечании Туроверов указывает, что это «одна из стариннейших песен Уральского казачьего войска, которое после Пугачевского бунта 1775 г. потеряло свое природное название Яицкого». Река в наказание тоже была переименована в Урал и являлась одной из крупнейших по протяжённости рек Европы. Казаки дали Яику прозвище «Горынович».

Существует много версий о происхождении этого имени. Так, по одной из них, уральские казаки и себя называли «горынычами». На основании былин, песен, других жанров фольклора и направления движения при заселении Яика исследователи еще в начале XIX века сделали вывод, что начало Яицкому Войску положили народности, пришедшие с севера и с гор, отсюда название «горынычи»¹.

Есть и другая версия, которая отсылает к популярному змею – герою мифов и сказаний у разных народов. Так, в сказках центра России это отрицательный персонаж, монстр, похищающий молодых девушек. В преданиях же яицких казаков, Змей-Горынович – доброе существо, во всем помогающее людям². Поэтому в знак благодарности за богатые уловы рыб его имя казаки добавляли к названию реки, «от которой они имели все свое содержание и пищу». Эта роль реки в материальном обеспечении казаков и передается в песне, помещенной Туроверовым в сборник:

«Про тебя ли, про Яикушку
Идет слава добрая,
Про тебя ли, про Горыныча

¹ *Кайсаров А.С.* Славянская и российская мифология. М.: В типографии Дубровина и Мерзлякова, 1810. С. 71.

² *Фадеев П.А.* О происхождении яицких казаков // Родимый край. 1973. № 4. С. 34.

Идет речь хорошая,
 Золочено у Яикушки
 – Его было донышко,
 Серебряны у Яикушки
 – Его были краешки.
 Жемчужные у Горыныча
 Его круты бережки»¹.

Картины «золоченого донышка», «серебряных краешков» и «жемчужных бережков» напоминают «молочные реки и кисельные берега» из русских сказок. Принято считать это фразеологическим символом беззаботной и привольной жизни, неиссякаемого материального достатка и изобилия.

Интересна также песня, которую Туроверов комментирует как «характернейшую по своему музыкальному и словесному построению». Она относится к середине XIX века и называется «Полно, полно нам, братцы, крушиться». В ней реализуется одна из отличительных черт казачьих песен – протяженность – высоко оцениваемое качество, воплощающее неограниченность пространства: «песня казачья – чтоб ни конца, ни краю не было». Это достигается путем вкрапления в основной текст песни (примечательно, что даже в середину предложений) растянутых междометий «е, ой, ай»:

«А, полно нам, братцы крушиться, горевать,
 Нам крушиться, е..е..ой, да вот и перестанем
 Горе, ой, мы горевать,
 Нам крушиться, е..е..ой, да вот и перестанем
 Плакать али горевать»².

¹ Туроверов Н.Н. Казачьи песни. Нью-Йорк: Издательство «Казачья старина», 1967. С. 18.

² Туроверов Н.Н. Казачьи песни. Нью-Йорк: Издательство «Казачья старина», 1967. С.29.

Общепризнан особый певческий дух казаков, отличный в этническом, психологическом и культурном отношении от песен «россиянина». Свободолюбивому казаку и в песне было по душе ладовое своеобразие несимметричного ритма свободных напевов. Песни казаков исполнены красоты, внутренней силы, благородства. В традиции хорового пения казаков – исполнение песни преимущественно без музыкального сопровождения, ибо его использование снижает интонационную выразительность мелодии.

Туроверов был воспитан на казачьих песнях. В своих произведениях он часто использует строки из когда-то услышанных песен, либо похожие образы и мотивы. Мотив казачьей песни встречается как в ранних, так и в эмигрантских стихотворениях Туроверова. Песни помогали казакам в работе на полях и военных походах, что и составляло их повседневный быт. Для Туроверова песня – особое вольное состояние казака, полное жизни, динамики и молодости, то состояние, которое он ощущал только на родине. Поэтому в стихотворении «Париж» (1928) поэт задается вопросом: «Ужели все мы песни спели / И больше песен нам не петь?»¹. Годом позже в одном из стихотворений снова встречается этот риторический вопрос, так волнующий Туроверова: «Неужели радостные песни / Разучились слушать мы и петь?»².

Поэт тревожился, что теряет вкус к жизни, а вместе с ним и вдохновение. Однако любовь всегда его спасала, возвращала способность чувствовать и проживать каждый сложный момент жизни. Так, в 1941 году он создает восьмистишие, в котором признается в том, что именно народная песня вернула ему радость творчества:

«Ты мне дана, как Божий дар,
Ты мне дана, как вдохновенье,
Как ворожба, как наслажденья

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 70.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 73.

Испепеляющий пожар.
 И я опять легко пою
 И не ищу в плену объятий,
 Благословений и проклятий
 На долю светлую свою»¹.

Песня у поэта связана с чувством любви, причем необязательно между мужчиной и женщиной – ко всему миру. Миролюбие было особенностью Туроверова как человека и как поэта. В этой связи проникновенны слова его поэтического завещания, опубликованного в Париже в 1947 году: «Не сложенными на груди, а с распростёртыми руками, готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу, <...> не в яме, вырытой среди чужих могил, а где-нибудь в степи поближе к Дону, к моей станице <...> Кушак на мне потуже затяните, чтоб грудь поднялась, будто бы для вздоха о том, что всё на свете хорошо»². Таким образом, даже размышляя о собственной смерти, поэт продолжает искренне любить мир и верить в лучшее.

В форме казачьей песни Туроверов выстраивает отдельные стихотворения и подбирает в качестве эпиграфа отрывки из них. Так, поэт использует повторы как структурообразующие элементы народных казачьих песен (например, «Не уводи, не отрывай; Я не пойду, я не пойду»). Стоит отметить, что благодаря песенному ритму в настоящее время создано немало песен и романсов на стихи поэта.

Важно отметить, что отличительной особенностью казачьих песен является то, что их исполнение долгое время было исключительно мужской привилегией. Это отразилось в тематике большинства песен, в чисто мужской манере пения, особой тональности. И в подавляющем большинстве стихотворений Туроверова песни исполняют мужчины. Одним из таких ярких образов, соединяющих в сознании поэта родину и песни, был его дед. Он как глава семьи транслировал

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 133.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 335.

потомкам основные казачьи ценности. Стоит сказать, что образ деда не самый частотный в поэзии художника, однако достаточно цельный, при этом всегда связан с мотивом песни, отдельно почти не упоминается:

«Недаром дед мой пел казачьи песни,
Недаром верил в Божью благодать,
Мой милый внук, казачество воскреснет,
Чтоб и другим дать силу воскресать»¹.
1953

В творческом осмыслении поэта образ поющего деда приобретает фольклорные черты, при этом становясь обобщенным, без родственной привязки. Так, в стихотворении «Сказка» главным становится такой общий образ казачьего деда, живущего в зимовнике и поющего под гусли. Примечательно, что само произведение написано в жанре сказки: поэт дает зачин («Не каком-то дальнем царстве,/ А в Российском государстве»), использует присказки («чок да чок», «ну-ка, братцы»), преувеличение («среди пяти земных морей и несчитанных полей», «среди лесов, как ночь, дремучих»), вводит в текст мотив чудодейственного напитка («есть у деда где-то фляга – чудодейственная влага») и народную речь («дед уж этак и разэтак, ничего не мог скумекать, снова этак и разтак, – видит – сам попал впросак»²).

Сюжет простой: в зимовник деда забредает некий князь Никита и начинает жаловаться на жизнь в изгнании, а также на холодный прием на родине:

«Сколько разных грез и слез
Я в изгнании перенес!..
Где же мой народ прекрасный,

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 255.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 307.

Кто разрушил терем ясный,
И, вернувшись в край родной,
Почему я всем чужой?»¹.
1943

Своей чувствительностью, подавленностью князь погружает гостей дома и самого деда в смятение, поэтому герою предлагается отведать чудодейственный напиток, хранившийся у деда. Вскоре после этого «князь воскрес мужчиной» и дал команду всем «выдать водки за отличья». Завершается произведение тем, что дед и князь вместе поют.

Помимо таинственного деда здесь интересен образ князя Никиты. Предполагается, что его прототипом мог стать также пребывавший в эмиграции Никита Александрович Романов – князь императорской крови, правнук императора Николая I по прямой мужской линии. После смерти великого князя Николая Николаевича младшего в 1929 году часть русской монархической эмиграции на Дальнем Востоке именно Никиту Александровича считала потенциальным наследником российского престола. С ним с 1933 года переписывался русский военачальник, генерал М.К.Дитерихс, который считал его будущим верховным правителем России. Таким образом, Туроверов объединил в сказке фольклорный и исторический компоненты.

Необходимо отметить, что мотив песни в стихотворениях Туроверова в целом проникнут историчностью. Исторические сюжеты поэтически обработаны, но часто в них встречаются литературные герои и известные лица.

В стихотворении 1960 года с посвящением памяти А.Н. Бенуа, русскому художнику, историку искусства, главному идеологу объединения «Мир искусства», Туроверов изображает парижский сад и птичий хор, который поет ему о двух Катеринах – русской и французской:

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 307.

«И хор, исключительно птичий,
 Поет, не уставая:
 У нас Катерина Медичи,
 У вас Катерина другая»¹.

Здесь уже сам «мир французский» в образе птичьего хора противопоставляет себя лирическому герою, расставляя свои акценты в истории и, соответственно, давая оценки историческим лицам, называя русскую Екатерину «другой».

Образ первой Катерины достаточно прозрачен: супруга Генриха II, короля Франции из династии Валуа, королева Франции с 1547 по 1559 год. По наблюдениям некоторых исследователей, эта женщина была одной из самых могущественных женщин в Европе XVI века. Ее политику иногда рассматривают как систему отчаянных мер во имя сохранения династии Валуа, а в её покровительстве искусству видели попытку прославить монархию, престиж которой был в глубоком упадке.

Образ Катерины «другой» остается нераскрытым. Первые ассоциации могут привести читателя к образу великой русской императрицы Екатерины II, явившейся не менее влиятельной женщиной в Европе двумя веками позднее. Во время ее царствования Россия в культурном отношении окончательно вошла в число великих европейских держав, чему немало способствовала сама императрица, увлекавшаяся литературной деятельностью, собиравшая шедевры живописи и состоявшая в переписке с французскими просветителями.

Таким образом, при общем внешнем сходстве двух великих женщин, обнаруживается их заметное противопоставление, при котором русская Катерина остается ближе лирическому герою.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 231.

Продолжая тему «своего-чужого», начатую еще в 1920-е годы, Туроверов создает стихотворение «Стихи о Бретани» (1964), в котором размышляет о песнях страны, в которой жил уже более сорока лет:

«Здесь песни заунывные, глухие,
Здесь вечный траур, – черный цвет,
Здесь только Анны и Марии,
Других имён у женщин нет»¹.

Веселые, жизнеутверждающие и вольные казачьи песни как символ самой жизни в сознании поэта противопоставляются французским песням, «заунывным, глухим», символизирующим смерть. Такую ассоциацию вызывают словосочетания в следующей строке: «вечный траур, – черный цвет»².

Таким образом, казачьи песни, представляющие собой синтез религиозных воззваний, старинных преданий и лирических размышлений, являются квинтэссенцией духовной культуры казачества. В своем творчестве Туроверов постоянно возвращался к истокам этой культуры, пытаясь бороться с уничтожением исторического фундамента русского народа, нравственным обнищанием и бездуховностью

1.3. «Веселая мачеха»: оппозиция «свое-чужое» и мотив тоски по родине

Французский период жизни Туроверова – самый активный в творческом отношении. Поэту поначалу было нелегко выживать в чужой стране: по ночам он занимался тяжелым физическим трудом, а днем получал образование в знаменитой Сорбонне, но при этом все же не оставлял поэзию. Во Франции творчество Туроверова вышло на новый виток.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 242.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 242.

В Париже поэт издал шесть книг стихов, прославляющих донское казачество, судьба которого теперь волновала его более своей. Поэтому здесь, во французской столице, поэт развернул активнейшую деятельность, направленную на сохранение культуры, военного искусства и истории казачества. Стихи Туроверова регулярно публиковали как казачьи журналы («Станица», «Казачий журнал», «Казачий быт» и др.), так и крупные общеэмигрантские издания («Возрождение», «Россия», «Современные записки»).

В Париже поэт «организовал объединение казаков-литераторов, возглавил Казачий Союз, воссоздал музей своего родного Лейб-гвардии Атаманского полка, был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина. Поэт также издавал «Казачий альманах» и журнал «Родимый край», собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы: «1812 год», «Казаки», «Суворов», «Лермонтов»¹.

Именно в Париже творчество Туроверова стало известным в литературной среде российского зарубежья. Таким образом, 52 года из 73 лет жизни поэт провел на земле «веселой мачехи» (так он сам называл Францию), обретя здесь и свой последний приют.

Отношение Туроверова к Франции за эти годы неоднократно менялось. В первое время поэт проявлял живой интерес к чужой стране, культуре, поэтому в его стихотворениях этого периода большое внимание уделяется историческим реалиями, лицам и объектам.

В стихотворении «Парижская весна» (1925) французская столица предстает прекрасным городом с богатой историей и архитектурой. Здесь описываются и памятник Лафайету, и знаменитые Лувр и Тюльери. Без последних трудно представить образ Парижа. Лувр у поэта показан как обитель искусства, а дворец Тюльери олицетворяет французскую монархию. В произведении Туроверов употребляет указательные местоимения «тот же», «то же», чтобы подчеркнуть нерушимость и фундаментальность государственности Франции. Поколебать ее

¹ Лапаева Н.Б. Русский Лемнос: противостояние (на материале воспоминаний представителей русской армии) // Филолог. 2011. № 14. С. 16.

не удалось даже революционно настроенному Лафайету, образ которого поэт вводит в конце первой строфы. Туроверов в отношении этого героя, боровшегося с монархией, использует эпитет «упрямый» и иронично отправляет его статую «со шпагою» «на закат»:

«И в окнах тот же рыжеватый свет –
Вечерний слиток золота и меди,
И на закат всё так же прямо едет
Со шпагою упрямый Лафайет»¹.

Уже в этом произведении лирический герой ощущает смутную печаль. В каждой строфе присутствует описание «догорающей зари», которое становится лейтмотивом многих стихов Туроверова о Франции. Цветовая поэтика этих стихотворений имеет свою специфику. Автор активно использует соответствующую образу зари цветовую палитру (рыжий, золотой, медный, огненный): «И в окнах тот же рыжеватый свет – / Вечерний слиток золота и меди...»². «Догорающая заря» у поэта символизирует закат былых чувств и стремлений, некий яркий финал жизни, той жизни, какой он грезил и в которой имел бы счастье еще раз увидеть Дон:

«И сыпет золотом богато
Заката щедрая рука,
Загнув над крышею сената
Торжественные облака»³.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 67.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 67.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 67.

Также характерным для стихотворений Туроверова о Франции является и мотив осени. Здесь показательна верность поэта традициям русской литературы. Осень для лирического героя символизирует печальное предчувствие грядущего конца, как время «увяданья», как осознание уходящей молодости:

«Кажется, все сказано и спето,
Всё, что было выпито до дна.
Франция, люблю тебя за это,
Предъосенняя моя голубизна...»¹.
1951

Кроме того, связь образов Франции и осени в художественном сознании Туроверова обусловлена еще и тем, что поэт при всей благодарности к чужой стране ощущал смертельную тоску и безысходность, смутно предчувствовал, что умереть ему суждено здесь, так и не вернувшись на родину. Поэтому так часто встречается в стихотворениях образ известного кладбища-пантеона российских изгнанников Сент-Женевьев-де-Буа:

«Иду в блаженном полусне.
Вокруг все так легко и просто,
И не препятствует весне
Соседство русского погоста»².
1950-1952

Образ Франции в поэзии Туроверова лишен яркости, детализированности, в стихах поэта отсутствуют восторженные описания, комплименты, реверансы в адрес приютившей его страны.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 213.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 207.

Образ Парижа и образ Франции в авторском сознании сливается в один, почти абстрактный. Если автор и детализирует каким-то образом описание Франции, то выделенные им фрагменты обычно связаны с размышлениями о родине. Ему неважно, был бы его пристанищем Париж или какой-то другой город. В восприятии поэта существуют только членение мира на «свое» и «чужое», то, что присуще творчеству почти всех эмигрантов. Это противопоставление встречается во многих стихотворениях художника.

Идея «своего» и «чужого» у Туроверова интересно воплощается в пространстве. Для поэта «свое» и родное всегда находится «там», оно далеко и недоступно. «Чужое», напротив, окружает его «здесь», но оно замкнутое и ограниченное, не дающее простора для чувств:

«Какая радость для стареющего сердца.

И здесь, в чужом, и там, в родном краю,

В деревне под Парижем и в станице,

Где жег огнем я молодость свою...»¹.

1950-1952

Таким образом, поэт ощущал себя узником в свободной стране, а Париж был для него красивой, уютной тюрьмой. Интересно одно из поздних стихотворений Туроверова «В кафе» (1959), в котором поэт, показывает развитие своих чувств к Парижу, постепенно двигаясь от восхищения его «тысячелетним профилем» до иронически горького отречения от его благ. В начале произведения лирический герой упоен благородной, древней статью города и сравнивает его с двумя крепкими напитками – кофе и ромом:

«Его тысячелетний профиль

Увидеть всем уже пора давно

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 208.

Отсюда. Ром, крепчайший кофе
Ему под стать...»¹.

Далее поэт как будто обращается к самому себе, грустно называясь «стареющим пришельцем без возврата», которому также теперь к лицу Париж. Но этот благополучный город не стал для поэта источником творческого вдохновения в отличие от донской станицы: «Вот только б вспомнить, записать, / Что снилось мне на родине когда-то...»². Душа лирического героя все равно стремится на такую неуютную и даже враждебную родину:

«Только жить, как верится и снится,
Только не считать года,
И в Париже, где чудесные больницы,
Не лечиться никогда»³.
1957

Умер Туроверов во французском госпитале в 1972 году и похоронен на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Он предчувствовал свою смерть, и знал, что это будет в Париже, хоть и желал, чтобы прах его покоился на родной земле.

Франция не стала ему родной. Париж, древний и роскошный, явился своеобразной тюрьмой для солдата белого движения, поэта-эмигранта, вольного донского казака.

Противопоставление «свое»—«чужое» нашло яркое отражение также в цикле стихотворений «Легион», который создавался поэтом с 1940 по 1945 годы и

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 228.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 228.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 224.

включает в себя 20 стихотворений, стоящих особняком в творчестве художника. В этих произведениях отражены его личные впечатления от участия в военных действиях в Африке в 1939-1941-х годах (по другим сведениям, 1939-1942 годах). В это время Туроверов снова стал воином-добровольцем, он поступил в Иностранный легион, входивший в состав сухопутных войск Франции. Поэт служил командиром эскадрона в 1-м кавалерийском полку, созданном в 1921 году на базе кадров 2-го иностранного пехотного полка и имевшего в легионе репутацию одного из самых «русских». Полк был расквартирован в тунисском городе Сусе.

В письме к Н.А. Келину Туроверов так отвечал на его вопрос: «...Вы спрашиваете о Легионе? Да, я был в нем добровольцем во время последней войны, – не усидел. И не жалею... В легионе я был на особом положении: с конём и вестовым, – остались лучшие воспоминания об этой моей добровольщине...»¹.

Живший в Тунисе писатель-эмигрант А.А. Воеводин (1888–1944) подробно описывал жизнь легионеров в Африке, находился с ними в постоянной переписке. В рассказе «Тягота» (1923) он отмечал общее состояние потерянности и безысходности оставшихся без родины людей: «Здесь люди всех цветов и национальностей. И в странные, грубые формы отлилась жизнь этой кучки людей, собранных несчастьем из всех стран»².

Многие эмигранты уходили в Иностранный легион, чтобы расширить границы собственного пространства, ведь пребывание вдали от родины по ощущениям для них было схоже с заключением. Так, Туроверов часто подчёркивал, что свобода во Франции носит более внешний, официальный характер, нежели духовный. Поступив в легион, он пытался обрести полузабытое ощущение воли, ассоциирующееся только с родной станицей, и это на какое-то время ему удалось.

Поэт смог внести вклад в поэтический миф об Иностранном легионе – прибежище разочаровавшихся в жизни и любви сильных мужчин, желающих

¹ Хохульников К.Н. Он славил все, что сердцу мило // Туроверов Н.Н. Бурей растревоженная степь. Ростов-на-Дону: Ростиздат: 2008, С. 5.

² Воеводин А.А. Тягота // Студенческие годы. 1923. № 1. С. 18.

вновь обрести себя в пустынном краю сурового мужества, полного опасностей, экзотики и далекого от благ цивилизации¹. В этой связи характерен эпиграф к первому стихотворению цикла, взятый из произведения швейцарского поэта и legionera А. Николе: «Au paradis où vont les hommes forts / par le desert d'un long courage («К раю, куда идут сильные мужчины пустыней долгого мужества»)². Эта мысль становится сквозной в цикле и, видимо, в том числе дает основание некоторым исследователям называть этот цикл поэмой³.

Хотя поэта тяжело назвать разочаровавшимся в жизни, это опасное добровольное «путешествие» в Африку многое дало поэту. Ведь Африка и страшна, и прекрасна, и таинственна; в ней высшая красота сочетается с томительным ужасом знойной пустыни⁴. Ее самобытностью и экзотикой также был покорен Н.С. Гумилев. «Африканской теме» посвящен огромный пласт его творчества. Творчеством Гумилева вдохновлялся и учился у него жизненным принципам и Туроверов, о чем он заявлял в одном из стихотворений 1946 года:

«Учился у Гумилёва
На всё смотреть свысока,
Не бояться честного слова
И не знать, что такое тоска»⁵.

Как отмечает Ф.Е. Уде, в Африку Гумилева привело стремление к «отчуждению от «нормального» европейского быта»¹, что роднит его с

¹ Журавлев В.В. Повседневная жизнь Французского Иностранного легиона: «Ко мне, Легион!». М.: Молодая гвардия, 2010. С. 308, 360.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 141.

³ Чернова А.Е. Мотив странствий в поэме Николая Туроверова «Легион» // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность. Будапешт: Изд-во Selmeczi Bt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. С.343-354.

⁴ Чернова А.Е. Мотив странствий в поэме Николая Туроверова «Легион» // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность. Будапешт: Изд-во Selmeczi Bt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. С.345.

⁵ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 188.

Туроверовым. Хотя первый не участвовал в деятельности легиона, а в Африку приезжал в другое время, но в творчестве поэтов есть общие места в изображении региона. Для обоих Африка, уникальная и первобытная, стала источником новых эмоций и вдохновения. В «африканских» стихотворениях поэтов присутствует мотив духовного исцеления, что проявляется в признании ценности земной жизни.

Так, в стихотворении «Эзбекие», посвященном одноименному огромному саду в Каире, Гумилев философствует: «И помню, я воскликнул: «Выше горя / И глубже смерти – жизнь!»»². Речь идет о «вольном обете», который дает Господу лирический герой, зарекаясь, несмотря ни на что не думать о смерти раньше того, как он еще раз сможет зайти в этот прекрасный сад. Вторя ему в одном из стихотворений цикла о легионе, Туроверов пишет строки, в которых непосредственно воспевается «земная жизнь»:

«О, жизнь моя! О, жизнь земная!

Благодарю за все тебя,

Навеки все запоминая

И все возвышенно любя»³.

Как отмечает А.С. Полиевская, в произведениях Гумилева, посвященных Африке, в условиях экзотического топоса исчезает противопоставление цивилизации и природы. «Поэт начинает ценить в людях «животное» начало, позволяющее человеку ощущать свою сопричастность природному миру»⁴. В этом смысле цикл «Легион» Туроверова становится близким «африканским» стихотворениям Гумилева. В культуре казачества всегда особенно ценилось

¹ Уде Ф.Е. Способы отражения образа Африки в произведениях Н. С. Гумилева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 38.

² Гумилев Н.С. Как странно – ровно десять лет прошло... URL: <https://gumilev.ru/verses/155>.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 147.

⁴ Полиевская А.С. Экзотический топос в творчестве Н.С. Гумилева: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2006. С. 5.

глубокое единение человека с природой, однако в Африке подобное понимание мира у казачьего поэта углубилось и проявилось в восхищении первобытностью и дикостью человеческой натуры.

Так, в цикле сразу несколько стихотворений посвящены «темно-бронзовой» бедуинке, которая помогает укротить горячего жеребца лирическому герою и пытается его соблазнить своей «пустынной красотой», сбросив чадру. Здесь появляется не свойственный Турвоерову любовно-романтический мотив. Экзотическая дикость красной нитью проходит по всем стихотворениям цикла, описывающим арабскую женщину:

«Ты этим вечером плясала,
Как не плясала никогда;
Красою дикою блистая,
Моими бусами звеня,
Кружилась ты полунагая
И не глядела на меня»¹.

Несмотря на чуждость языка, нравов, религии, взглядов на мир, «простая и ловкая» бедуинка показалась поэту такой понятной, почти родной:

«Что ты мне щебечешь о счастье
На птичьем своем языке?
Как все здесь по-Божески просто:
Три пальмы в закатном огне»².

Возможно, дикость как мотивная доминанта в описании окружающего мира в «африканских» стихотворениях поэта — это проекция его внутреннего

¹ Турвоеров Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 144.

² Турвоеров Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 144.

состояния. Слово «дикий» среди других имеет значения «неприрученный», «неодомашненный», «первозданный». Долгое время Туроверов находился без дома, без России в чужих странах и среди чужих людей, начал жизнь сначала.

Потеряв родину, поэт старался найти ее внутри себя, а опыт службы в иностранном легионе расширил границы «родного» и «своего» до общечеловеческих. Внешние жизненные катастрофы дали толчок мощному духовному росту поэта. Обретение любви ко всей земле во многих ее проявлениях, а значит и признание всего мира своим домом воспринимается поэтом как божественное чудо:

«Где мой дом? И где мне лучше
Жизнь повсюду хороша!
И качаясь на верблюде,
Пел я в жаркой полумгле
О великом Божьем чуде:
О любви ко всей земле»¹.

Христианские мотивы в «африканской» поэзии Гумилева реализуются через глубокую связь «черного континента» с образами рая и ада. В этом противопоставлении состоит уникальность Африки: с одной стороны, присутствуют палящее солнце и опасные животные как земное воплощение ада, а с другой – экзотическая природа и «дикие» люди, не испорченные цивилизацией, как воплощение рая на земле.

В этом противопоставлении Туроверов также вторил Гумилеву. Уже упоминавшийся эпиграф к циклу «К раю, куда идут сильные мужчины пустыней долгого мужества» задает эту «райскую» тему, хотя в самих стихотворениях прямое сравнение Африки с раем больше не встречается. Однако присутствие божественного начала в природе континента все же признается поэтом: «Как все

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 148.

здесь по-Божески просто: / Три пальмы в закатном огне...», но чаще всего Африка у Тuroверова ассоциируется с образами ада, как правило, связанными с засухой и безжизненным пространством («в пустыне, как в аду»).

В религиозном смысле в цикле Тuroверова также прослеживается расширение границ «своего» за счет глубокого признания «чужого» – иной веры без отказа от собственной. Очевидно, что поэт признает Бога как общую высшую силу и видит ее проявления в отношении к ближнему. Так, в одном из стихотворений описывается, как в нестерпимо жаркий вечер лирическому герою «араб принес воловий рог», который он наполнил вином и дал напиться нищему:

«...Отныне
Мы породнились с ним в пустыне
И братом стал мне Абдуллах.
Велик Господь! Велик Аллах!»¹.

И хотя тоска по родине все же закрадывается в душу поэта, в цикле «Легион» она становится общей бедой для всех потерявших родину сослуживцев-иностранцев из разных стран и как бы отходит на второй план. Неслучайно, в одном из стихотворений поэт сближает понятия «иностранец» и «родной»:

«Он играл нам, – простой итальянец,
Что теперь мы забыты судьбой
И что каждый из нас иностранец,
Но навеки друг другу родной»².

¹ Тuroверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 145.

² Тuroверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 149.

Стирание границ происходит и на пространственно-временном уровне. Туроверов замечает цикличность времени, он вплетает свою личную судьбу в общемировую историческую канву:

«Наш Иностранный легион –
Наследник римских легионов»¹.

В одном из последних стихотворений цикла Туроверов описывает грусть оттого, что покидает Африку. Поэта мучает сожаление об утраченной воле, дарованной «розовым маревом пустыни». Недаром в последних строках он называет себя «пленником Европы»:

«Закипала за кормою пена.
Нарастала медленная грусть.
Африка! К причалам Карфагена
Никогда я больше не вернусь.
Африка, – неведомые тропы, –
Никогда не возвращусь к тебе!
Снова стану пленником Европы
В общечеловеческой судьбе»².

Таким образом, опыт службы в легионе, Африка, опасная и дикая, стали своеобразным душевным спасением для Туроверова, как и для его учителя Гумилева. Оба поэта здесь многое приобрели: научились ценить каждый момент земной жизни и видеть божественное присутствие во всем сущем, находить в себе то, что было недоступно в цивилизованном мире. У Туроверова в цикле

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 147.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 150.

прослеживается начало некоторого примирения с «чужим», которое позже откликнулось в его стихах о Франции.

Примирение с судьбой в творчестве поэта часто связано с чувством тоски. В творчестве 1920-х годов – это тоска по России, по родной земле, казачьей станице, но этому чувству не дает полностью развиваться врожденный оптимизм поэта. Эта светлая тоска скорее дает ему вдохновение:

«Какие пламенные строфы
Напомнят мне мои поля
И эту степь, где бродят дрофы
В сухом разливе ковыля?..
.....
...Как счастлив я, когда приснится
Мне ласка нежного отца,
Моя далекая станица
У быстроводного Донца...»¹.
1928

Со временем этот мотив несколько углубляется: поэт осознает трагедию не только личную, но и общую. Он тоскует о воле и традициях, утраченных ценностях и устоях казачества. Здесь тоска становится деятельной, поэт просит у Господа милости для «казаков-эмигрантов»:

«Я стою пред Тобой на докладе —
За бездомных прошу я Тебя:
В чужедальних краях, без причала,
Казакам и не снится покой, —

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 69.

Приласкай на земле их сначала,
А потом у Себя успокой»¹.

1950

Поэт находит в себе силы и мудрость побороть темные мысли, даже если речь идет о могиле любимой жены Юлии Александровны Грековой, ушедшей в 1950 году. И хотя в этом стихотворении сливаются мотивы тоски и смерти, у лирического героя еще есть светлая надежда снова встретить супругу в ином мире:

«Всё тот же воздух, солнце... О простом,
О самом главном: о свиданьи с милой
Поет мне ветер над ее крестом,
Моей уже намеченной могилой»².

1950-1952

Также часто в поздних стихотворениях Туроверова употребляется слово «простота» и его грамматические формы. Поэт констатирует, что его ум теперь занимают нехитрые вещи. Сами стихотворения по форме становятся проще, хотя это не сказывается на смысловом содержании. В творчестве художника этого периода преобладает мотив ухода в веру, более глубокое и философское ее понимание. Благодаря этому лирический герой принимает невозможность вернуться на родину, смиряется со смертью жены и своей неизбежной кончиной:

«Как хорошо! И мы уйдем,
И вместо нас придут другие.
Беды не будет: в водоем

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 209.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 209.

Слетают капли дождевые»¹.

1953

В поздних стихотворениях Туроверова мотив тоски становится ведущим, к нему присоединяется мотив памяти. Ей посвящено одноименное стихотворение, написанное в 1953 году. В нем поэт называет воспоминания единственным утешением:

«Чем себя утешить?
Только память, –
Идол неразлучный мой, –
Жаркое повстанческое знамя
Поднимает на вершине снеговой»².

Именно поэтому в Париже Туроверов активно стремился к сохранению исторической памяти: организовывал кружки казаков-литераторов и многочисленные исторические выставки, а также издавал журналы «Казачий альманах» и «Родимый край». Он служил памяти о родине, казачестве, старался обратить внимание на его культуру и историю.

Поэт ясно понимал, что утрата традиционных ценностей приведет к обнищанию человеческого духа. Это была его личная боль, которую он стремился преодолеть посредством творчества через предостережения потомкам:

«Будут уничтожены деревья,
Будут уничтожены поверья,
Что деревья нас перерастут,
Вечно устремляясь в высоту.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 210.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 216.

Будет поле. Обмелеют реки.

Еще ниже станут человеки...»¹.

1955-1956

Хотя в целом поэт и осознает, что прожил тяжелую, но интересную жизнь, в тоске присутствуют светлые ноты, но трагические ноты все чаще преобладают в стихах поэта 1960-х годов. Он воспринимает Париж как последнее пристанище, где он доживает свои годы:

«Куда? Не знаю. Но опять,
Когда припадок повторится,
Вернусь я с нежностью сюда
Уже надолго, – навсегда!
Господи, сколько калек
Здесь остается навек»².

1961

В стихотворениях Туроверова последнего десятилетия все чаще упоминается неизлечимая болезнь и появляется предчувствие скорого ухода. Поэт отмечает хороший уровень французских больниц, но и не без грусти осознает, что ему не достает главного лекарства – «родных стен», которые всегда лучше помогают.

Мотив смерти в поздних стихотворениях становится доминирующим: в произведениях упоминаются усопшая мать, могила жены, «черный ворон» из старой казачьей песни, который вьется над героем, предвещая трагедию. Также частотны образы погостов и казачьих похорон, когда собирается вся большая семья и провожает усопшего в последний путь.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 221.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 232.

«Ничего мне больше не снится,
 Стал мой мир изумительно прост.
 И босяк с хризантемой в петлице
 Меня увлекает под мост»¹.
 1961

В этом четверостишии интересен образ «босяка с хризантемой в петлице». В некоторых регионах Европы цветок символизирует смерть и используется исключительно на похоронах. Туроверов в образе босяка с хризантемой видит предвестника смерти. Ее предчувствие поэтом ощущается на каком-то инстинктивном уровне. Неслучайно в одном из последних стихотворений лирическим героем является собака, которая ощущает приближение большой опасности – смерти хозяина. Остро звучит в стихотворении звериное сопротивление неминуемому:

«И, – мы собаки это знаем, –
 Хозяйская стояла смерть
 В открытом поле за сараем.
 И я завыл, как никогда не был.
 И бил меня хозяин, стервенея,
 Калмыцкой плетью из последних сил,
 Понять предупреждений не умея»².
 1965

Последнее стихотворение в сборнике «Стихи. Книга 5», которое написано 1965 году, символично называется «Закат». Несмотря на красоту изображаемой

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 233.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 242.

картины (закат, расцветающие розы, романтическое свидание), пафос стихотворения максимально трагичный. Оно написано будто от лица уже умершего поэта, к которому на могилу пришла женщина. В случае с Туроверовым логично предположить, что это могла быть его дочь Наташа.

С первых строк лирический герой намекает на то, что он теперь чувствует больше – он «слышал шорох распускания» роз, которые дочь принесла к нему на могилу. Поэт будто смотрит со стороны, свысока и не присутствует в материальном мире. Ведь слышать, как распускаются цветы, способен только человек, ставший частью всего сущего, частью природы и существующий в вечности.

В последних строках лирический герой говорит о закате, будто упавшем на него самого лежащего и на слезы женщины, тем самым подтверждая свое нахождение в другом мире уже среди духов:

«Приподнялся и упал закат
На твои несдержанные слезы,
На меня лежащего, на сад,
На нераспустившиеся розы»¹.

1965

В этом четверостишии «я» лирического героя будто раздвоилось: есть «лежащий» «я», который ничего не слышит и не чувствует, и голос второго «я», наблюдающего все стороны, слышавшего «распускание роз», пытающегося успокоить безутешную женщину. Здесь ощущается тоска по своему продолжению, то есть по самой жизни, по ее простоте и красоте.

\

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 243.

1.4. Казачьи идеалы в публицистике («Конец Чернецова», «Кзаки в изображении иностранных художников»)

В работе В.М. Дмитриева рассмотрена проблема памяти в творчестве эмигрантов¹. По его оценке, обращение к памяти в их наследии имеет короткую временную дистанцию, апеллирует не к многолетнему прошлому, а к недавним событиям и переживаниям, а это в свою очередь определяет тематические, жанровые и стилистические особенности художественного произведения (реактивная фиксация происходящего, ставка на достоверность, автобиографизм, исповедальность, простота формы, культивирование дневниковых записей, письма или черновика)². По замечанию В.М. Дмитриева, молодой эмигрантский писатель стремится восстановить не столько свое прошлое, сколько самого себя, распыленного во времени и пространстве³.

Туроверов также принадлежал к молодому поколению русской эмиграции и отмеченные черты также присущи его творчеству. Особенно ярко они проявились в публицистике. Поэт глубоко увлекался историей и культурой своего отечества и много сделал для их сохранения и популяризации во Франции. Туроверов был организатором парижских выставок «Кзаки», «Суворов», «1812 год», «Лермонтов», «Пушкин и его эпоха», которые пользовались неизменным успехом не только у эмигрантов. Он долгое время сотрудничал с французским историческим обществом «Академия Наполеона», был составителем сборника «Наполеон и кзаки».

Поэт был хранителем музея родного лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка, библиотеки

¹ *Дмитриев В.М.* Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920-1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 30 с.

² *Дмитриев В.М.* Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920-1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. С. 16.

³ *Дмитриев В.М.* Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920-1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. С. 27.

генерала Дмитрия Ознобишина, издателем специальной литературы, посвященной военной славе России и казачества. Как автор весьма интересных работ по истории Дона, Туроверов являлся одним из основателей «Общества ревнителей русской военной старины».

Однако особого внимания заслуживает публицистическая деятельность Туроверова, которая по силе и глубине едва ли уступает поэтической, но на сегодняшний день является малоизвестной и практически не исследованной. Статьи, очерки писателя регулярно публиковались в «Казачьих дум», «Общеказачьем журнале». Туроверов писал как о проблемах казачества, так и о России в целом, его волновала судьба народа и государства. И ему, безусловно, было о чем писать, поскольку пришлось стать активным участником происходящих событий.

В этой связи интересна статья, посвященная легендарному казачьему полковнику В.М. Чернецову, которая была опубликована в «Казачьих дум» в 1924 году¹. Она носит во многом автобиографический характер. Повествование ведется от первого лица, поскольку Туроверов сам воевал в отряде полковника, несколько раз находился на краю гибели.

Чернецов стал настоящим героем для белого казачества. Генерал А.И. Деникин с большим уважением и восхищением отзывался о подвигах полковника: «В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени рождаются легенды, и большевики дорого оценивают его голову»². Туроверов, как никто другой, мог точно передать общий дух, царивший тогда «на границах Дона».

¹ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.2-15.

² Деникин А.И. Очерки русской смуты. URL:
http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html.

Поэт начинает статью с того, что «чернецовщина» – это пролог к величайшей трехлетней трагедии, первая страница из книги о белых и красных¹. Действительно, это было мощное движение во главе с сильным и харизматичным лидером. Чернецов был способен вести за собой, вселяя веру в неотвратимость победы. «Партизаны его боготворили, и это его лучшая характеристика», – отмечает Туроверов². В одном из писем, опубликованных в сборнике «Донская летопись» (1923), неизвестный казак вспоминает слова самого Чернецова: «Мои партизаны знают только один приказ – вперед. ...Малодушным и неженкам нет у меня места. Если покажется тяжелым – можете вернуться»³.

Казачий полковник был чрезвычайно твердым командиром, за ним шли и ему беспрекословно подчинялись. По оценке поэта, «чернецовщина» – ярчайший, «бескорыстный и подвижнический пример протеста личности против диктатуры толпы», протеста партизан, вышедших навстречу «солдатам большевистской идеологии»⁴.

Писатель начал с описания добровольцев, чтобы наиболее глубоко показать образ их вождя. Ими были, по словам Туроверова, совсем еще юные кадеты и гимназисты без какой-либо политики и знания партий, но с очень развитым сознанием единства и необходимости защитить свою родину: «Здесь, в партизанстве, ярко сияла казачья идея. Погибший Дон в партизанстве звал своих верных сынов для своего спасения»⁵.

Конечно, управлять таким отрядом мог только непременно мудрый, талантливый полководец, каким и был Чернецов, по заверению Туроверова: «У него была наглая военная дерзость, исключительная способность учитывать и пользоваться обстановку и беспрекословно подчиняющая воля»⁶. Все это

¹ Меч в терновом венце: Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Сергей Бахтеев, Иван Савин, Марианна Колосова. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 6.

² Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.2.

³ Матишов Г.Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII-XX вв.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2013. С. 178.

⁴ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.2.

⁵ Меч в терновом венце: Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Сергей Бахтеев, Иван Савин, Марианна Колосова. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 184.

⁶ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.2-3.

складывалось в веру в беспрекословный успех как среди населения, так и среди казачьих командиров. «Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то умирляет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров», – отмечал генерал Деникин¹.

Туроверов рассказывает о тех же успешных походах Чернецова, только уже «изнутри» отряда. Он так же, как и все солдаты, восхищался своим полководцем. Перед походом на станцию Глубокая, для атаки которой отправили отряд Чернецова, поэт вспоминал: «Сужу по себе: когда мне было предложено с моим кольтом остаться в Каменской для охраны со своим пулеметом вокзал <...>, то какой острой, какой оскорбительной обидой мне показалось это предложение, и сколько отчаянного упорства я приложил, чтобы отстоять свое участие с полковником Чернецовым в обходной колонне!»². Полковника называли донским «Иваном Царевичем», он стал поистине легендарной личностью. «...Никто ни на секунду <...> не сомневался в удачном исходе дела, в полном разгроме противника», – вспоминал Туроверов³.

Интересно, как в статье писатель противопоставляет этому герою другого командира – войскового старшину Голубова, перешедшего на сторону большевиков. Поэт указывает на чувство зависти, которое испытывал Голубов к Чернецову, ведь последний был намного моложе, но уже в звании полковника. В момент, когда Чернецов с частью отряда был взят в плен, Голубов не скрывал ликования. Даже на уровне портретных описаний Туроверов дает ему негативные характеристики: «Теперь его обрюзгшее, мясистое лицо с белесыми бровями, дышало нескрываемым торжеством»⁴.

Туроверов описывает аморальное, гнусное поведение революционеров, постоянно оскорблявших и избивавших пленных, почти своих собратьев. Этим

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/index.html.

² Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.7.

³ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.37.

⁴ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.14.

бесчинствам снова противопоставляется благородство Чернецова, который даже в плену не терял достоинства и до последнего не отступал от своих убеждений. Даже под взмахами шашки Подтелкова полковник, вслух пообещав прекращение всех действий против Глубокой, шепотом добавил Туроверову, как одному из своих казаков: «Наступать, наступать и наступать!»¹.

После того, как удалось вырваться из плена, Чернецов поскакал не в Каменскую, где ожидала помощь, а в свою родную станицу Калитвенскую, как будто предчувствуя скорую кончину. Там он и заночевал. «Станичники в ночь же дали знать об этом на Глубокую, и уже на рассвете Подтелков с несколькими казаками схватил в Калитвенской Чернецова...»².

По дороге Подтелков издевался над полковником, и последний, потеряв терпение, схватил браунинг и выстрелил в Подтелкова. Но по воле судьбы патрона там не было. В ответ Подтелков изрубил Чернецова шашкой, оставив его труп в степи. Так заканчивается история великого казака, талантливого полководца, волевого и честного человека, до конца остававшимся верным своей земле. За каждым его действием стояла вера и любовь к казачеству и Дону. Он многое сделал тогда для Белого движения и среди казаков его справедливо называют героем.

История этой легендарной личности отражена и в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон». В эпосе так или иначе представлены многие исторические лица, известные командиры и генералы. Шолохов изображает Чернецова в контексте происходящих событий, давая сравнительно небольшое описание его внешности и поведения. Но эти штрихи в канве сюжета выделяют его среди остальных командиров.

В первых упоминаниях о нем на страницах романа говорится о его успешных военных операциях, талантливости как полководца. Не раз Шолоховым подчеркивается и то, что, командуя, Чернецов никогда не прятался за спинами казаков, а всегда шел первым («Колонну вел сам Чернецов», «впереди всех шел

¹ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.16.

² Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.19.

Чернецов», «стоявший впереди всех» и т.д.). В «Тихом Доне» он предстает все тем же отчаянным полководцем, каким вспоминал его Туроверов, принципиальным и сильным, не дающим слабину ни себе, ни своим казакам. Командира уважали, за ним шли, на него равнялись: «Чернецов сурово и быстро оглядывал подбегающих к нему казаков... В большинстве офицеры были молодые»¹.

Примечательно, что Шолохов при описании Чернецова не раз употребляет именно словосочетание «светлые отчаянные глаза», подчеркивая его особенную склонность к риску, способность к подвигу. Хотя он и занимал должность командующего, был прост в одежде и в быту: «...Шел в одной легонькой кожаной куртке... <...> Папаха, надетая набекрень, придавала ему вид беспечный и молодецкий. И тени испуга не было на его розовом лице...»².

Смелость и воля, действительно, отличали Чернецова, за что его и уважали казаки. В описании последнего разговора Подтелкова и Чернецова эта черта явно прослеживается на контрасте, который использует Шолохов: «Подтелков *тяжело ступая ...* подошел к пленным. Чернецов глядел на него *презрительно..., вольно отставив ногу*. Подтелков *весь дрожал, немигающие глаза его ползали по снегу, поднявшись, скрестились с бесстрашным, презирающим взглядом Чернецова...*»³ (выделено мной. – Е.Г.).

Ярко изображается сцена смерти казака: Подтелков «рубнул Чернецова по голове» шашкой. Следующее рассказывается уже с позиции видевшего все это Григория: «Сначала свалилась папаха, а потом, будто переломленный в стебле колос, медленно падал Чернецов, со странно перекосившимся ртом и мучительно зажмуренными, сморщенными, как от молнии, глазами»⁴. Но, даже умирая, испытывая сильнейшую боль, Чернецов не сдается Подтелкову, до последнего оставаясь тем командиром, которого знали казаки. Он не изменяет себе, не предает родину и казачество. Полковник не погибает в бою, но умирает от рук

¹ Шолохов М.А. Тихий Дон: книга 2. М.: Молодая гвардия, 1980. С.176.

² Шолохов М.А. Тихий Дон: книга 2. М.: Молодая гвардия, 1980. С.178.

³ Шолохов М.А. Тихий Дон: книга 2. М.: Молодая гвардия, 1980. С.176.

⁴ Шолохов М.А. Тихий Дон: книга 2. М.: Молодая гвардия, 1980. С.178.

трусливого предателя казачества (как сам Чернецов назвал Подтелкова). Наверное, такой финал символичен для Гражданской войны, когда брат шел на брата, и стирались границы подвига и преступления.

Но, очевидно, что смерть Чернецова Шолохов также изображает как смерть героя, абсолютного героя казачества. Примечательно, что оба писателя, и Туроверов, и Шолохов, подробно останавливаются именно на сцене кончины казака. Это может быть объяснено тем, что среди казаков смерть в бою воспринимается спокойно и смиренно, поскольку они военный народ. Таким образом, выражением истинного подвига во имя родной земли становится именно героическая смерть воина.

Туроверов в конце статьи приходит к такому же выводу и формулирует его так: «Самый возвышенный подвиг венчает смерть»¹. Он также был уверен, что полковник Чернецов совершил великий подвиг и отдал жизнь во имя Дона.

Как уже отмечалось, во французской столице поэт развернул активнейшую деятельность, направленную на сохранение в эмиграции русской культуры, военного искусства и истории казачества. Этим проблемам посвящена его статья «Казаки в изображении иностранных художников» в журнале «Казачий альманах», изданном в 1939 году². Находясь в эмиграции, Туроверов смог наиболее точно передать восприятие Европой такого явления, как казачество. Статья интересна тем, что поэт проводит широкий обзор именно европейских художников, обращавшихся к изображению казаков.

Слава о казаках, по мнению Туроверова, проникла в Европу во времена Азовского сидения, то есть с середины XVII века. Писатель отмечает, что европейские издания упоминали об этом подвиге, не давая, однако, изображения казаков. Туроверов отмечает неудачность первых попыток выразить образ казака в иностранной живописи, а далее упоминает французского художника Ж.-Б.

¹ Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи думы. 1924. № 23. С.19.

² Туроверов Н.Н. Казаки в изображении иностранных художников // Казачий альманах. Париж: Кружок казаков-литераторов, 1939. С. 124-132.

Лепренса, приехавшего в Россию к концу царствования Елизаветы. Его «Калмык» – это еще не калмык Войска Донского, но уже весьма приближен к нему.

В.В. Никулина, ссылаясь на Н.Н. Гончарову, заявляет о том, что Лепренс является «основоположником формы русских изображений «костюмного рода»»¹. Исследователь также отмечает, что «большинство рисунков 1760-х гг. представляют композиции с одиночными фигурами в традиционных национальных одеждах, с атрибутами, соответствующими роду занятий»². При этом среди этих деталей художника более всего интересовали экзотические и диковинные, т.е. те, что могли удивить европейцев, в сознании которых под этими маркерами формировались стереотипы «русскости»: баня, охота, поездка на санях, церковные и народные праздники, обряды и обычаи т.д. Поэтому легко объясним огромный интерес Лепренса именно к казачьей культуре. Более того, как отмечает Никулина, за 5 лет пребывания в России «Лепренс собрал коллекцию костюмов и кукол в национальной одежде, а также коллекцию оружия (вооружение казаков)»³.

Однако гравюры французского художника еще нельзя назвать в полной мере этнографическими рисунками, поскольку они представляют собой скорее романтические изображения народов России в стиле французской живописной школы середины XVIII века.

Гораздо более точным в изображении казачьей натуры был немецкий художник Х.Г. Гейслер, который в 1793-1794 годах сопровождал в экспедиции по южным губерниям России ученого-энциклопедиста П.С. Палласа. Во время путешествия Гейслер сделал множество рисунков типажно-костюмного и бытового жанров, а также с видами Крыма и Кавказа.

¹ Гончарова Н.Н., Корнеев Е.М. Из истории русской графики начала XIX века. М.: Искусство, 1987. 384 с.

² Никулина С.С. Россия глазами французских художников. Жан-Батист Лепренс // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1А. С. 16.

³ Никулина С.С. Россия глазами французских художников. Жан-Батист Лепренс // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1А. С. 19.

По оценке Туроверова, в работах Гейслера, «казаки изображены такими, какими они и были на самом деле»¹. Стоит отметить, что в своих работах художник стремился подчеркнуть воинский статус казака, который всегда был при оружии и других воинских атрибутах.

Со временем в Европе казаков узнавали все больше, их стали изображать реалистично, без лишней экзотики. Туроверов приводит характерный пример, ставший подтверждением нарастающей славы казаков в Европе в начале XIX века. Так случилось, что одна из первых литографий в мире изображает русского казака. Сделал ее в 1806 году генерал Л.Ф.Лежён, которому в Мюнхене баварский король Максимилиан демонстрировал только что изобретенную литографию и, узнав, что тот интересуется живописью, попросил сделать любой набросок на литографском камне. Лежён «нарисовал русского казака и через час получил 100 оттисков этого рисунка»². Позднее этот набросок увидел сам Наполеон. Весьма заинтересовавшись этой первой литографией, он поручил генералу организовать в Париже литографское дело. Таким образом, случайная литография казака из Мюнхена, где только зарождалось литографское дело, стала отправной точкой большого культурного начинания – развития этого ремесла в Париже.

Эпоха войн с Наполеоном положила начало всемирной известности казачества. Изображение трагических картин Отечественной войны 1812 года европейскими художниками не обходилось без казаков. Так, отступление французской армии из России у европейских художников Дж. А. Аткинсона, Т. Жерико, К.Ж. Верне, по словам Туроверова, всегда изображалось в окружении казаков.

Стоит отметить, что Аткинсон, английский художник и гравёр на меди, в возрасте девяти лет приехал в Россию вместе со своим дядей Дж. Уолкером, принятым на русскую службу в качестве придворного гравёра. Находясь под покровительством Екатерины II, а затем Павла I, он выполнил большое

¹ Туроверов Н.Н. Горечь задонской полыни: Поэзия и проза. Ростов на/Д: Казачье Зарубежье, 2006. С. 376.

² Туроверов Н.Н. Горечь задонской полыни: Поэзия и проза. Ростов на/Д: Казачье Зарубежье, 2006. С. 377.

количество гравюр, посвященных казакам, что свидетельствует не только об этнографическом интересе художника, но и о той важной роли, которую они играли в государственной системе.

Заграничный поход 1813-1814 года, по мысли Туроверова, явился кульминационным пунктом европейской славы казачества. «Степные варвары» оказались добродушными и трудолюбивыми работниками на земле. Хорошие отношения между парижанами и казаками в это время только подтолкнуло местных художников к изображению новых товарищей. Здесь Туроверов приводит гравюры Ф.Л. Дебюкура по рисункам К.Ж. Верне, акварели Г.Э. Опица.

Туроверов также останавливается на «казацких сюжетах» немецкого скульптора, художника, директора Прусской королевской академии искусств И.Г. Шадова, которые замечательно передают «климат» той эпохи.

Примечательно, что Шадов приезжал в Петербург изучать металлическую технику литья, посещал дворцовые комплексы в Царском Селе и Петергофе, художественные выставки, знакомился с российскими скульпторами и художниками.

В России Шадов, как талантливый мастер, стал широко известен благодаря серии изображений представителей российской армии, в частности, казаков, сделанных с натуры во время пребывания русских войск в Берлине. По просьбе Шадова князь Н.Г.Репнин-Волконский предоставил художнику возможность использовать в качестве моделей настоящих солдат. Один из его самых известных сюжетов – изображение казачьего войска во главе с генералом М.И. Платовым, которое стало основой для гравюр И.-Ф. Югеля и А. Гревариуса. В центре композиции изображен сам Платов с лентой ордена Андрея Первозванного, повешенной через плечо, в окружении конных всадников с пиками в руках – казаков, калмыков, татар.

Однако по оценке Туроверова, наиболее точно передали характер «вихря-атамана», как называли тогда Платова, британские художники. Поэт подчеркивает, что в Англии были всего два казака: А. В. Землянухин и атаман

М.И. Платов, приехавший в свите императора Александра I. Этим и объясняется такое пристальное внимание мастеров к знаменитому казачьему атаману.

После наполеоновских войн интерес к казакам у иностранных мастеров не спал. Его поддерживали в том числе немецкие художники Ф. Крюгер и А. Адам. По оценке А. Сомова, Крюгер был широко известен по прозвищу «Лошадиный Крюгер», потому что с детства прекрасно рисовал лошадей, очень их любил и сам был отличным наездником. Художника приглашали запечатлевать военные парады (чаще – конные), в том числе и в России.

Крюгер даже стал любимым художником Николая I. Он, заинтересовавшись казаками, создал серию из 7 портретов. Художник обратил внимание на детали, которые указывают на этническую принадлежность: одежду, оружие, а также характерные черты лица. Так, казаки на картинах «носят низкие «бобохи» (национальные головные уборы) на макушке и одеты в «чохи» – национальные одежды и «бешметы» – рубахи с высоким воротником. Это портреты написаны очень правдоподобно и внешне схожи с конкретными людьми»¹. Стоит отметить, что каждое изображение – это портрет реального человека: есть данные об их именах, фамилиях, а также должностях (например, Иван Курунин, урядник 2-го Кубанского полка; Андрей Калаушин, урядник 2-го Хопёрского полка; Фёдор Авердов, казак Сунженского полка и т.д.).

По словам Туроверова, одним из последних иностранных баталистов, приглашенных в Россию, был Э. Детайль, приехавший по приглашению Александра III в 1884 году. Писатель сетует, что художественная ценность работ этого художника была незаслуженно снижена. Туроверов считает Детайля талантливым мастером, точно передавшим внешность и нрав казаков, хотя и отмечает, что иногда добросовестность баталиста губит его, когда он уходит в излишние детализацию и документальность.

Но все же лучшие работы, сделанные Детайлем в России, по мысли Туроверова, это картины на «казачьи сюжеты». Одну из картин, а именно

¹ Монахова К. Немецкие художники и Кавказ // URL: <https://mkinspires.ru/nemeczkie-hudozhniki-i-kavkaz/>

«Атаманский полк с песенниками впереди на походе» («Казаки Атаманского полка») приобрел даже император Александр III, поместив ее в Зимнем дворце.

Детайль подметил основные детали во внешнем виде казачьего войска. На его полотне изображен отряд скачущих по проселочной дороге поющих всадников в папах с нашитыми андреевскими звездами и в темно-синих полукафтанах. С ними табельное вооружение: сабли, карабины, пистолеты и пики. Впереди три всадника: один – с тарелками, второй – с бунчуком, третий – с бубном. Это Лейб-Гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк, сформированный в составе Войска Донского в 1775 году. Этот полк принимал участие в русско-турецких войнах, Отечественной войне 1812 года, в том числе в битве при Бородине, в подавлении польского восстания, а также в Первой мировой войне.

Туроверов отмечает, что во время Первой мировой и Гражданской войн, среди художников также был интерес к казачеству, которое переживало самое трагическое время. В то время мастера работали, как правило, в военном жанре «народных картинок». Писатель констатирует, что находил подобные картинки с изображенными на них казаками, пришедшие даже из Японии. Таким образом, Туроверов показывает широкую географию стран, где не просто слышали о казаках, а интересовались ими и писали с них картины.

Для писателя было важно хранить память о славе казачества. Недаром в Париже он организовывал кружки, выставки, посвященные этой теме. Чем бы он ни занимался: изучал историю, увлекался публицистикой, писал стихи – всё посвящено казачеству. Этим он старался преодолеть забвение о его славных подвигах в том числе в Европе.

С горькой досадой Туроверов замечает, что после Гражданской войны казаков уже не рисовали. «Некого и нечем рисовать», – объясняет это сам писатель. Его волнует вопрос, «многие ли теперь твердо помнят имена жемчужин» Российской Короны?». Следующие слова одновременно отвечают на

этот вопрос и ставят новый: «Отгремела казачья слава – загремит ли вновь?»¹. Эта тревожная мысль красной нитью проходит через все творчество Туроверова.

1.5. Художественные функции онимов в лирике

Яркой языковой особенностью творчества казачьих поэтов и, в частности, Туроверова является обилие онимов. В этом явлении в различной степени отразилось внимание поэтов-казаков к известным историческим лицам, народным героям, православным святым, а также к значимым для казачества ландшафтно-пространственным локусам.

В наследии Туроверова онимы представлены наиболее разнообразно. Так, в ходе анализа более 200 стихотворений поэта из последнего прижизненного сборника «Стихи. Книга пятая» (Париж, 1965), в котором собраны произведения с 1915 по 1965 годы, выявлено более 150 случаев употребления имен собственных. Почти в каждом стихотворении на протяжении всего творческого пути поэт использует онимы для достижения разных художественных целей. Наиболее распространенными в лирике Туроверова являются топонимы, связанные с родиной поэта, а также антропонимы, относящиеся к религии или истории.

Онимы органично вплетаются в поэтическую стилистику художника, которой присущи ясность и простота. Туроверов почти всегда избегает искусственного психологизма, пространных умозаключений. Часто он до мельчайших подробностей описывает ту или иную местность, создавая эффект присутствия.

Ономастическое пространство Туроверова и других казачьих поэтов представляют в основном географические названия, отражающие казачьи локусы. Часто упоминаются топонимы, связанные с Россией (Русь, Московия), Доном (Черкасск, Новочеркасск, Азов, Донец, Задонье), Кубанью, Крымом (Таврида, Чуфут-Кале), Европой (Париж, Прага, Белград, Бретань, Сена), ее древней

¹ Туроверов Н.Н. Горечь задонской полыни: Поэзия и проза. Ростов н/Д: Казачье Зарубежье, 2006. С. 378.

историей (Византия, Эллада, Рим, Карфаген, Царьград). В топонимах преобладают названия городов и рек, что, видимо, обусловлено частым изображением поэтами-казаками военных походов, сражений, сопровождающихся обязательным описанием местности.

Антропонимы также широко представлены в творчестве казачьих поэтов. Часто упоминаются православные святые (Егорий (Георгий), Никола, Михаил, Петр, Иван, Иаков, Иосиф); правители России (Петр, Окаянный, Темный, Грозный, Катерина, Борис Годунов, Владимир Мономах); прославленные казаки и полководцы (Ермак, Батый, Разин, Булавин, Сирко, Каледин, Корнилов, Суворов, Пугачев, Платов, Краснощеков, Ефремов); писатели (Пушкин, Лермонтов, Есенин, Хаям). Антропонимы в творчестве поэтов-казаков также указывают на их постоянный интерес к истории, собственному прошлому, литературному наследию, православным канонам и традициям.

Важно заметить, что Туроверов в поэзии крайне редко использует женские имена, обобщенно называя женщин «казачками» или просто употребляя личное местоимение «она». В рассмотренном сборнике выявлено всего четыре женских имени: Катерина, Анна, Мария, Наташа (в посвящениях дочери). Преобладание же у Туроверова мужских антропонимов логично отвечает тематике произведений казачьих поэтов. Роль мужчины у казаков с их военным и патриархальным укладом была ведущей.

Употребление онимов в творчестве Туроверова проявляется в виде двух тенденций:

а) в выражении общего через единичное, индивидуальное лицо (антропонимы);

б) в изображении общекультурной универсалии, основанной на оппозиции «свой-чужой» с преобладанием элемента «свой» (топонимы, антропонимы).

Реализация этих тенденций поэтом осуществляется разными способами. С.Б. Аюпова, анализируя топонимы в произведениях И.С. Тургенева, выделяет ряд их функций: миромоделирующую, мистифицирующую, ориентационную,

поэтическую, сюжетообразующую, символическую и биографическую¹. Многие из этих функций присущи топонимам в творчестве Туроверова, который часто использует региональные казачьи наименования, называющие его малую родину: Дон, Донец, Черкасск, Новочеркасск. Поэтому в произведениях, где речь идет о детстве лирического героя, топонимы обычно выполняют поэтическую и биографическую функции, они весьма экспрессивны, часто отражают безмятежное состояние прошлой жизни, а также ярко иллюстрируют биографию самого Туроверова:

«На берегу сушились сети;
Качал баркасы темный Дон;
Нес по низовью влажный ветер
Собора скудный перезвон...»²
1929

Или:
«Моя река, мой край родной,
Моих прабабок эта сказка,
И этот ветер голубой
Средневекового Черкасска»³.
1938

Важно обратить внимание на то, что передаваемый посредством топонима «Дон» образ могучей реки часто олицетворяется, становится самостоятельным действующим персонажем. Но стоит также отметить широкое разнообразие в стихотворениях Туроверова названий и других рек. Так, упоминаются Днепр,

¹ Аюпова С.Б. Функции топонимов в языковой художественной картине мира прозы И.С. Тургенева // Вестник ЧитГУ. 2010. № 5 (62). С. 24-27.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 82.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 96.

Маныч, Хопер, Сена, воспринимаемые поэтом не обособленно, а скорее как детали, указывающие на особенности местности, как локальные приметы огромного пространства, создающие описательный контекст. В этой связи можно отметить ориентационную функцию туроверовских антропонимов:

«Звенит, как встарь, над Манычем осока,
В степях Хопра свистит седой ковыль,
И поднимает густо и высоко
Горячий ветер розовую пыль»¹.

Туроверов также использует мистифицирующую функцию топонимов, когда обращается к почти мифической реке Каяле, упоминаемой в «Слове о полку Игореве»:

«Ворожила ты мне, колдовала,
Прижимала ладонью висок –
И увидел я воды Каяла,
Кагальницкий горячий песок»².

1938

Возле Каялы (у Туроверова – Каяла), согласно «Слову о полку Игореве», произошло сражение князя Игоря Святославича с половцами в 1185 году. На сегодняшний день нет однозначного сопоставления этого названия с ныне существующими, но есть несколько теорий. Например, В.А. Афанасьев предполагал, что Каяла – «это река Быстрая, впадающая в Северский Донец»³, правый приток Дона, В.И. Стрелецкий называл реку Калитву, также впадающую в

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 96.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 96.

³ Цит. по: Гетманец М.Ф. Тайна реки Каялы: «Слово о полку Игореве». Харьков: Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. 163 с.

Северский Донец¹. А Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» упоминал реку Кагальник: «В России узнали о сем бедствии, случившемся на берегах Каялы (ныне Кагальника), от некоторых купцов, там бывших»². И судя по упоминанию в тексте стихотворения кагальницкого песка именно за этой версией следует сам Туроверов.

Интересно, что обращение поэта к образу реки Каялы (Кагальника) позволяет придать фантазиям-видениям поэта иллюзию достоверности, фольклорным обобщениям – конкретность и точность. Упоминание антропонима «Ярославна» не только усиливает этот эффект, но и позволяет лирическому герою соотнести свою личную беженскую трагедию с тысячелетней историей России, с безутешной, как у Ярославны, судьбой:

«Не казачка – сама Ярославна
 Это плачет по князю в тоске.
 Всё равно, – что давно, что недавно,
 Никого нет на этом песке»³.
 1938

Таким образом, помимо мистифицирующей функции в стихотворении «Каял» онимы выполняют также образную и биографическую.

В своих произведениях Туроверов активно использует наименования региональных локусов, так или иначе близких его малой родине. Например:

«В жарком мареве, в розовой мгле,
 Весь июнь по Задонью кочую.
 У тебя на реке Куберле»¹.

¹ Цит. по: *Гетманец М.Ф.* Тайна реки Каялы: «Слово о полку Игореве». Харьков: Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. 163 с.

² *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 3. Санктпетербург: в типографии Н. Греча: иждивением братьев Слениных, 1818-1829. Санкт-Петербург, 1818. С. 67.

³ *Туроверов Н.Н.* «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 96.

1930

Или:

«Эту землю снова и снова
Поливала горячая кровь.
Ты стояла на башне Азова
Меж встречающих смерть казаков»².

1940

Одно из самых известных стихотворений Туроверова связано с использованием крымских топонимов: Бахчисарай, Чуфут-Кале. В этом случае они выполняют символическую функцию, поскольку для лирического героя они приобретают поворотный, судьбоносный характер, означают расставание с родиной навсегда:

«Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год – прощай Россия!»³

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 75.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 75.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 56.

Примечательно, как через топонимы в одной строфе раскрывается пространство: от узкого и частного крымского через образ города-крепости Чуфут-Кале до широкого и всеобщего – России. Через них реализуется и фигура самого лирического «я»: герой прощается с родиной, в отчаянии царапая на скале слова прощания своей родине. Еще Адамович заметил, что для Туроверова характерно это «стремление говорить о себе лишь в связи с окружающим миром, – без ... лирической откровенности...»¹.

Стоит отметить, что в одном из стихотворений поэт ставит в один ряд нейтральный топоним «Россия» и в целом ему синонимичное, но наиболее любимое эмигрантами название «Русь», а также топоним «Московия», используемый чаще для негативной коннотации, демонстрирующей противопоставление казачества Российскому государству. Лирический герой высказывает мысль о том, что несмотря на все испытания, которые переживает Российское государство, он верит в то, что оно охраняется Богом. Таким образом, Туроверов демонстрирует уверенность в избранности своей большой родины независимо от ее названия:

«Ах, Русь, Московия, Россия,
Простор безбрежно снеговой,
Какие звезды золотые
Сейчас зажгутся над тобой.
И всё равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда»².

1926

¹ Адамович Г.В. Литературные заметки. СПб., 2002. С. 3.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 75.

Таким образом, в произведениях поэта с точки зрения топонимики показано достаточно широкое пространство от Дона до Черного моря. Стихотворения Туроверова можно представить как своеобразную географическую карту: каждому значимому объекту с позиции донского казачества уделено внимание. Поэт подробно и достаточно точно описывает местные реалии. Используя реальные географические названия, Туроверов достигает в произведении эффекта достоверности, правдоподобия изображаемого. А использование названий «Русь», «Московия», «Россия» и их производных в творчестве поэта реализуется глубинный культурный смысл «своего», «родного» при восприятии общих значений слов.

Вместе с тем, все топонимы, которые условно можно объединить в тематическую группу «Европа», включены в «чужой», холодный и отстраненный контекст, где присутствует вынужденное примирение и сухая благодарность стране, приютившей Туроверова на долгие 50 лет:

«В холодном сумраке Европы
Мы жадно ищем наши тропы,
Возврата к ней — и только к ней —
Единственной на чуждом мире:
К родным полям твоей Сибири,
К родным ветрам моих степей»¹.
1941

В произведении степное казачье пространство расширяется до полей Сибири, противопоставляется всему «чужому», европейскому. Даже находясь большую часть жизни в эмиграции, Туроверов не смог отделить собственное лирическое «я» от местности, которая помимо прочего сформировала его как поэта, он продолжал писать о родине так конкретно и точно, как будто никогда не

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 96.

покидал ее. Поэтому топонимы в стихотворениях Туроверова часто выполняют миромоделирующую функцию.

Как уже отмечалось, другой большой группой онимов в произведениях поэта являются антропонимы. Имена у Туроверова часто носят прецедентный характер.

Святые, имена которых поэт использует в своих стихотворениях, почти всегда так или иначе покровительствуют казачеству. Это, прежде всего, святой Георгий Победоносец – покровитель всех российских воинов, который не может не почитаться казаками. Это и Святитель Николай Чудотворец, помогавший, согласно старинной легенде, движущимся на восток казакам-первопроходцам. С течением времени и архангел Михаил как покровитель воинства стал также покровителем запорожского казачества. Казаки-иноверцы, по некоторым исследованиям, при переходе в православие (обязательное условие) нарекались в большинстве своем именно Михаилами:

«Зовя всех мертвых и живых
На суд у Божьего престола
И станут парой часовых
У врат Егорий и Никола;
И сам архангел Михаил,
Спустившись в степь, в лесные чащи
Разрубит плен донских могил,
Подняв высоко меч горящий»¹.
1922

Особенностью функционирования имен в церковном обиходе является то, что при именовании святых, как правило, употребляется каноническая форма имени. Например: Алексей (Алексей), Иоанн (Иван), Георгий (Юрий).

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 83.

Примечательно, что Туроверов осознанно несколько видоизменяет имена святых, упрощая их форму и приближая ее к народной, славянской. Так, Георгий Победоносец часто предстает в образе Егория Вешнего, покровителя пастухов и земледелия, что также является неотъемлемой частью жизни казаков. По тому же принципу изменяется имя Николай – в стихотворениях Туроверов использует, как правило, форму Никола.

Исторические имена, представляющие реально живших людей, ассоциативно связываются в художественном мире поэта с определённым признаком или качеством (Иван Грозный, Степан Разин, Емельян Пугачев):

«Москва никому не поверит на слово,
Навек прокляла казаков,
И выпила черную кровь Пугачева
И Разина алую кровь»¹.
1947

Использование имён исторических личностей прошлых эпох позволяет поэту создать особую атмосферу прошлого, придать достоверность описываемым событиям. Способы именования исторических персонажей у Туроверова обычно обусловлены авторским отношением к изображаемым реальным лицам.

Так, царей Ивана IV Грозного и Василия II Темного, отличавшихся жесткой внутренней политикой, Туроверов в произведениях даже не называет по имени, применяя только прозвища во множественном числе:

«Но как при Иванах, при Темных, при Грозных
Молитвам не внемлет земля.
По небу полуночи... Красные звезды
Мерцают на башнях Кремля»¹.

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 199.

1947

Автор благодаря характерным историческим антропонимам проводит параллель с настоящим. Примечательно, что после упоминания имен грозных царей следуют образы красных звезд на башнях Кремля как символы преступлений большевизма.

Использование поэтонимов (имен собственных в поэтическом произведении), отсылающих к определённому произведению русской литературы, обусловлено их способностью удерживать в себе великий смысловой потенциал в национальном контексте². В этой связи характерно стихотворение Туроверова, в котором происходит отсылка к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» о запорожском казачестве:

«По ночам внезапно страшный запах
Гари наполнял наш дом,
И меня – наследника Остапа –
Распинали ляхи над костром;
Но еще не мог в страдании диком,
Как Остап терпеть я до конца
И будил своим постыдным криком
Безмятежно спящего отца»³.

1939

В этом стихотворении Туроверов использует прецедентный образ Остапа – старшего сына Тараса Бульбы. Интересно, как в сознании поэта преломляется этот образ. Туроверов вспоминает, что, читая еще в юном возрасте Гоголя,

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 200.

² Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Либриком, 2012. С. 215.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 83.

настолько сильно был поражен мужеством Остапа, что во сне, отождествляя себя с героем, переживал его казнь как свою и не мог вынести его страданий, дотянуться до его подвига.

Только один поэтоним «Остап» всему стихотворению придает полный и глубокий смысл, поскольку это имя в сознании русского человека неразрывно связано с идеей свободы, борьбой за независимость и непоколебимой честью. Поэт использует здесь приемы аллюзии и реминисценции, то есть отсылает к одноимённой ономастической единице при изображении нового характера.

Также Туроверов часто упоминает в стихотворениях известных русских и зарубежных писателей, изображая их сквозь призму собственного видения, а иногда и строя условный диалог:

«Не знает поэт человеческих сроков, –
Он видит немеркнущий свет:
За партой стоит Александр Сумароков,
Семнадцатилетний кадет.
И внемлет ему молодая Россия,
Наследье Петровых годов,
Услыша внезапно, услыша впервые
Всю музыку русских стихов»¹.
1944

Или:
«Азия, поэзия! Тысячелетия
Пред тобой стоят. И постоят еще.
Ты прав, Хайям, в своем великолепии.
Ты пьян, Хайям, и это – хорошо»².

¹Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 172.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 233.

1961

Таким образом, Туроверов точно и мотивированно вводит в свои произведения топонимы и антропонимы, создавая особый художественный мир. Это позволяет говорить о высоком уровне литературного, исторического образования художника и широком круге его поэтических интересов. Изучение закономерностей функционирования топонимов и антропонимов в произведениях поэта позволяет выявить историко-культурный компонент как неотъемлемую часть индивидуального почерка поэта.

ГЛАВА 2. ЭМИГРАНТСКАЯ КАЗАЧЬЯ ПОЭЗИЯ: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА

2.1. *«Литературная казачья семья» как культурное явление первой волны эмиграции*

Как уже отмечалось, казачья литература в эмиграции сегодня в литературоведении воспринимается и изучается как особый культурный феномен. Его возникновению способствовали различные факторы прежде всего социального характера. Основную массу казаков-эмигрантов составляли молодые люди, которые прошли сквозь горнило Первой мировой и Гражданской войн. Они испытывали большую потребность в том, чтобы выразить свой трудный духовный опыт, в том числе в литературном творчестве. Кроме того, многие из них не успели получить достойного образования на родине и поэтому стремились пополнить студенческие аудитории в разных странах, особенно в Чехии¹, которая оказывала огромную помощь русским беженцам, в том числе в получении бесплатного высшего образования. Таким образом, в начале 1920-х годов в Европе стало складываться литературное казачье сообщество, которое тяготело к постоянному творческому взаимодействию.

В 1928 году в статье, опубликованной в пражском журнале «Вольное казачество», поэт И.И. Колесов впервые подробно рассказывает о формировании объединения «Литературная казачья семья» (1925–1939)², учредительное собрание которого проходило в знаменитой чешской пивной «У Флеку». История этого заведения, которое существует по сей день, насчитывает несколько столетий. В одноименном стихотворении Колесов так вспоминает это место:

«В этой комнате, где от дыма табачного сизо

¹ Горлова И.И., Чумаченко В.К. «Казачья составляющая» в литературе русского зарубежья // Культурологический журнал. 2016. № 2(24). С. 45.

² Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетию юбилею) // Вольное казачество. 1928. № 13. С. 7.

И звучат в полутьме голоса охмелевших гуляк –
 Где ажурною вязью лежит паутина с карниза
 Мы стихами гремели не раз в полумрак!»¹

Основной задачей объединения было развитие казачьей литературы как «краевого»² (регионального) явления. Члены сообщества опирались на творчество немногочисленных предшественников: Р.П. Кумова, Я.Г. Кухаренко, П.Н. Краснова, Ф.Д. Крюкова, особо выделяя из них последнего, отдавшего «душу свою родным мотивам и положившего живот свой за казачество»³. В своем очерке Колесов приводит отрывки из произведений членов объединения: Б.А. Кундрюцкова (1903–1933), Ю.Ф. Гончарова (1903–1929), Н.А. Келина, П.С. Полякова и др.

Первым Колесов приводит стихотворение Кундрюцкова, характеризуя его не только как «служителя чистого искусства, но и гражданина своей земли», что особенно ценилось среди казачьих поэтов: «Я – рыцарь чести! / Моя папаха, как ночь черна...»⁴. Мотив «рыцарства» в его поэзии отмечает и соратник по объединению Келин. Посвящая стихотворение смерти товарища, он называет Кундрюцкова «рыцарем Казакии» и подчеркивает в нем такие качества, как самоотверженность, благородство и жертвенность во имя их общей родины:

«О, рыцарь Казакии дальней
 Угас ты внезапно, но жив
 Твой стих об Отчизне печальной
 И к Дикому Полю призыв»⁵.

¹ Колесов И.И. Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. Братислава, 1936. С. 54.

² Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетнему юбилею) // Вольное казачество. 1928. № 13. С. 7–9.

³ Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетнему юбилею) // Вольное казачество, 1928. № 13. С. 7.

⁴ Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетнему юбилею) // Вольное казачество, 1928. № 13. С. 7.

⁵ Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания) / сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2009. С. 53.

Стоит отметить также и особую призывность поэзии Кундрюцкова как особую черту казачьей лирики. Эти же черты в творчестве рано ушедшего казака-поэта видел и другой член казачьего объединения – поэт Поляков, посвящая ему стихотворение «Памяти Кундрюцкова»:

«Только те, только те хороши,
Кто свободе казачьей служил,
Кто молитву горячей души
Лишь одним казакам посвятил.
Только те, кто о страхе не знал
И о благе не думал своим,
Кто борьбе свои мысли отдал,
Только их мы следами пойдем»¹.

Тот же мотив призыва присутствует и в творчестве самого Полякова. Колесов выделяет его среди всех членов объединения, называя «поэтом-гражданином», и упоминает его стихотворение «Казакам-поэтам»:

«Гей, пора проснуться, вспомнить наши были
Да пожары сотен выбитых станиц,
И в делах приказных под выросшей пылью
Поискать старинных по степи границ...»²

Колесов в своем очерке также предпринял попытку подвести некие итоги трехлетней деятельности «Литературной казачьей семьи». Одним из основных достижений он считает то, что казачьи печатные органы обратили внимание на

¹ Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 34.

² Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетию юбилею) // Вольное казачество. 1928. № 13. С. 8.

казачью лирику вопреки предубеждению «Пушкиных из вас не будет»¹. Поэт также видел позитивное влияние объединения в том, что оно «вдохнуло родные мотивы в творчество казачьих поэтов и писателей», а также сплотило казаков в жизни и творчестве, помогло им совершенствоваться в общении друг с другом².

Характеризуя особую гражданственность и призывность творчества поэтов-казаков, Колесов все же отмечает, что казачья литература «не ограничивается одними гражданскими мотивами, есть и произведения чистой лирики, часто высокого качества»³. К ним он относит стихотворения Гончарова, которому поэт даже посвящает свою книгу «Стихи и песни. Рассказы», опубликованную в 1936 со словами: «Тебе, Юрий! Друг мой и брат, эту книгу посвящаю»⁴.

Сборник проникнут мотивами смерти и тоски по родной земле, по ушедшим друзьям. Встречаются отдельные стихотворения на смерть Гончарова, а также посвящения Келину, не менее близкому другу Колесова. Стоит отметить, что творческий и дружеский союз этих трех поэтов – отдельное явление внутри объединения, проявляющееся в многочисленных взаимных прижизненных и посмертных посвящениях, посланиях и даже актах сотворчества. Так, у Колесова в сборнике «Стихи и песни. Рассказы» есть ряд произведений, подписанных двойным или даже тройным авторством: «Я (Колесов) и Юрий Гончаров», «Юрий Гончаров, Николай Келин и я (Колесов)» и т.д. Эти стихотворения отличаются от остальных возвышенным пафосом, а также проникнуты единением и уверенностью в победе:

«Мы в веках шагаем огневой тропой
Оставляя в прошлом прах ушедших дней –
Мы готовы к пыткам! Мы готовы к бою!

¹ Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетнему юбилею) // Вольное казачество, 1928. № 13. С. 7.

² Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетнему юбилею) // Вольное казачество, 1928. № 13. С. 7.

³ Колесов И.И. Литературная казачья семья (к трёхлетнему юбилею) // Вольное казачество, 1928. № 13. С. 7.

⁴ Колесов И.И. Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. Братислава, 1936. 95 с.

Наши взгляды дерзки средь чужих огней!»¹

Ощущение рядом дружеского плеча, наличие многочисленных соратников, разделяющих те же идеи, вселяло в души донских поэтов смелость и веру в будущее казачества. Произведения, написанные в соавторстве, насыщены риторическими восклицаниями, выбиваясь из общего «минорного» контекста сборника:

«Пояса нам вихри! Из узорных молний
Длинные ножи мы прячем в сапогах...
Наши кони – бури! Наши стяги – ветры!
Нам гроза – раздолье! Нам неведом страх!»²

Стоит отметить, что произведения, посвященные друзьям и написанные лично Колесовым, уже теряют «мажорный» тон, переходя в область философских размышлений. В стихотворениях, посвященных Келину, Колесов часто использует обращения «мой друг», «брат». В целом, и сами произведения приближены к форме письма, за счет чего создается эффект диалога двух старых товарищей:

«Не в годах наша старость, мой друг, не в годах!
Мы стары пережитым да виденным –
Мы видали, как троны валилися в прах,
И была смерть нам гостем обыденным»³.

Поэтический диалог стал одной из эффективных форм единения творческих усилий писателей эмиграции в осмыслении и переживании происходивших драматических событий эпохи, универсальным и весьма продуктивным способом

¹ Колесов И.И. Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. Братислава, 1936. 95 с.

² Колесов И.И. Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. Братислава, 1936. С. 48.

³ Колесов И.И. Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. Братислава, 1936. С. 67.

самоопределения и самовыражения художника, оказавшегося в окружении новой, совершенно особой, нежели русская, культуры. В этой связи интересно, как Колесов стилизует лексику под народную: использует союз «да», просторечные формы глаголов «видали», «валилися». Это неслучайно, ведь Келин, которому посвящено это произведение, также опирался на фольклорные мотивы в своем творчестве. Более того, в другом посвящении товарищу Колесов касается и мотива песни, магистрального для Келина:

«Имя забудется... Песни останутся.
Песни, что пел я при жизни.
Думы не раз мои снова вспомнятся –
Вечная слава Отчизне!»¹

Однако наиболее эмоциональными и пронзительными в этой связи становятся многочисленные послания Келина Колесову. Они же больше раскрывают характеры обоих поэтов. В одном из посвящений Келин так характеризует масштабную личность Колесова:

«Стоишь ты, мрачно суровый
Папаха до самых глаз
Одной ногой у Тамбова,
Другой уперся в Кавказ»².

Примечательно, что в данном отрывке границами образа Колесова поэт выбирает Тамбов и Кавказ, хотя на данный момент принадлежность первого ни к той, ни к другой территории доподлинно не установлена. В этом же стихотворении Келин, восхищаясь индивидуальностью друга, обращает внимание также и на то, что они с Колесовым разные люди:

¹ Колесов И.И. Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. Братислава, 1936. С. 67.

² Келин Н.А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания) / сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2009. С. 137.

«Хочу быть таким иступленным,
 Как ты! Собраться в кулак...
 Но ближе мне тихие клены,
 Чем бури грядущих атак!..»¹

Можно предположить, что более мягкому и чуткому характеру способствовала профессия Келина: он работал врачом в Чехии. Особенной пронзительностью и даже нежностью к другу отличаются произведения Келина, написанные в форме писем Колесову с одноименным названием. В них становится ясна истинная близость двух поэтов и чувствуется невыносимая тоска от разлуки:

«Опять пишу, аж страшно вчуже,
 Не утерплю — свидетель Бог.
 Люблю души твоей, мой друже,
 Касаться пальцами стихов»².

Более нежными и трепетными у Келина становятся и обращения: поэт называет Колесова «мой друже», «Ванятка». Интересно, как сам поэт представил форму их общения: своими стихотворениями они будто касаются души друг друга вне времени и пространства. Более того, в этом стихотворении-письме Келин делится размышлениями с другом, анализируя недавно прочитанное произведение их соратника Полякова, что также поддерживает атмосферу диалога, личной беседы двух товарищей:

«Вчера проскреб всего я Полякова.

¹ Келин Н.А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания) / сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2009. С. 137.

² Келин Н.А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания) / сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2009. С. 149.

Горит, чудак, лазоревым огнем.
 Но ничего в стихах его не ново –
 На всех парах склоняет слово Дон»¹.

В письме Келин делится с Колесовым мнением о Полякове, отмечает певучесть и стройность его произведений. Однако далее он приходит к выводу, что в нынешнее время «поэмы слишком длинны, / Теперь пора ударных дел и слов». В этой связи неслучайно, что эти идеи он обращает Колесову – своеобразному «ударнику» их казачьего объединения, провозгласившим в своем творчестве главенство казачьей воли и казачьего единства.

Таким образом, изучение литературного творчества членов «Литературной казачьей семьи» позволяет сделать вывод о том, что поэтическое наследие казачьих поэтов русского зарубежья представляет собой уникальную систему, основанную на глубоких внутренних связях, пересечениях и необыкновенно высокой степени единения авторов, имеющих устойчивые и непоколебимые ценности.

2.2. Песенная традиция в лирике Н.А.Келина

Н.А. Келин является одним ярчайших поэтов первой волны эмиграции в Чехословакии. Поэт родился в 1896 году в зажиточной казачьей семье в станице Клётской Усть-Медведицкого округа Всевеликого войска Донского. В 1908 году он поступил в Реальное училище имени атамана графа М.И.Платова области Всевеликого Войска Донского, затем в Императорскую военно-медицинскую академию (Петербург), но не завершил обучение из-за Первой мировой войны². Келин был зачислен в Константиновское артиллерийское училище, после окончания которого получил офицерское звание и служил в 12-ой армии

¹Келин Н.А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания) / сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2009. С. 149.

² Шолоховская энциклопедия. М.: Синергия, 2012. С. 762.

Северного фронта. Вскоре был контужен, вернулся на Дон и участвовал в Гражданской войне.

В 1920 году с Белой армией Келин вынужденно эвакуировался из Крыма вместе с тысячами других русских военных на остров Лемнос, затем эмигрировал в Чехословакию, окончил медицинский факультет Карлова Университета в Праге и работал врачом в поселке Желив Чехословакии. Скончался поэт от пятого по счету инфаркта. Келин похоронен в семейной могиле крипты Успенского храма в Праге на православном Ольшанском кладбище¹.

В 1937 году в Праге был опубликован его сборник стихотворений «Степные песни». Как видно из названия, поэт обращается в книге к образу степи, который тесно связан с понятиями воли и простора, являющимися главными казачьими концептами. Примечательно здесь и то, что свои стихотворения Келин называет песнями, подчеркивая тем самым их особую ритмическую организацию, напевность, присутствие фольклорных мотивов. В заглавном произведении поэт также поддерживает песенность своей поэзии:

«Шорох высоших трав
В мои песни собрав,
Я принес из степей необъятных, —
Буду здесь воспевать
Нашу вольницу-мать
В перепевах простых и понятных»².

Поэт создает образ лирического героя как народного певца «голосистых полей и лазурно-эмалевой дали», демонстрируя тем самым сильную связь с национальными ценностями³. Интересна ритмическая организация этого стихотворения: Келин выбирает так называемую «ронсарову строфу» —

¹ Келин А. Келин Николай Андреевич. URL: <https://donataman.org/2019/11/kelin/>

² Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 3.

³ Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 3.

шестистишие с рифмами aabccb, которое берет свое начало во французском фольклоре и является одним из самых «песенных».

Поэт создал это стихотворение пронзительно музыкальным. Так, в четырех из шести строк присутствуют звуковые образы: благодаря использованию звукописи и аллитерации на глухие звуки «ш», «х», «с» поэт передает эффект шороха сухой травы, а с помощью однокоренных слов «песни», «воспевать», «перепевы» он лексически поддерживает музыкальность стиха. Таким образом, Келин строит свое стихотворение как песенное произведение на всех его уровнях: идейно-образном, ритмическом и лексическом.

Даже грамматически поэт старался приблизить свое произведение к народной песне. Так, в некоторых стихотворениях он использовал народно-поэтический предлог «по-над», а также формировал напевность строф путем употребления народно-поэтических окончаний -ою, -ею в прилагательных и существительных:

«Не осенний туман по-над Доном,
По широким шляхам и затонам,
Разметался ползучею падью
Над медвяной родимою гладью»¹.

Многие стихотворения поэт строит по принципу параллелизма, одному из важнейших в композиции традиционных народных песен. Он основан на взаимосвязи внешних и внутренних образов: вначале дается изображение природы, символической картины, а затем следуют мысли, переживания лирического героя. Так, описание поэтом тоскливого пейзажа над рекой создает определенное настроение и подсказывает пафос дальнейшего развития художественных впечатлений:

«Не кукует кукушечка над Доном

¹ Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 14.

Кулички по музгам стонут тихим стоном;
 Покачнулася куга под шалым ветром
 Стынут слезы в сердце, лаской не согретом»¹.

В этом отрывке присутствуют и другие черты фольклорной песни: наличие лексического повтора и уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах «не кукует кукушечка», «кулички», а также просторечного эпитета «шалый ветер» в значении вольного, беспокойного. Поэт поддерживает народный колорит с помощью использования диалектизмов «музга» и «куга». Согласно Казачьему словарю-справочнику, первое слово обозначает небольшое болотистое озеро в степи, а второе – молодой камыш².

Прием параллелизма в народных песнях проявляется и на синтаксическом уровне: построение предложений по одной схеме усиливает напевность строф, помогает запоминанию. Келин также пользуется этим принципом в своих стихотворениях, выстраивая фразы по одной структуре:

«Не шурши ты, степь, травой зеленою,
 Не зови ты нас в края крамольные –
 Не для нас пути твои тореные,
 Не дня нас просторы подневольные»³.

В этом отрывке синтаксический параллелизм также сочетается еще с одной особенностью народных песен – анафорой. Каждая фраза в строфе начинается с частицы «не»: «не шурши ты», «не зови ты», а «не для нас» дважды повторяется в начале третьей и четвертой строк, что усиливает художественное впечатление.

В приведенном отрывке содержится и прием обращения, частотный в творчестве поэта и также характерный для народных песен. Воззвание к различным явлениям природы повышает эмоциональную выразительность

¹ Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 38.

² Казачий словарь-справочник. URL: <https://rus-kazak.slovaronline.com>.

³ Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 130.

передаваемых мыслей и чувств. В произведениях Келина лирический герой обращается к основным казачьим образам: коню, ветру, степи, Дону:

«По-над Доном плачет чибис на рассвете,
Никнут вербы по затонам у реки...
Ветер, ветер, расскажи, ты не приметил,
Не идут ли из похода казаки?..»¹.

Исследователь С. Г. Лазутин отмечает, что «принцип параллелизма в композиции лирических песен очень древний: в нем просматриваются следы раннего анимистического мышления»². Другими словами, поэтическая ассоциация вызывает в памяти совершенно определенный, реальный образ. Черты народной религиозности, анимистического восприятия присущи и творчеству Келина. Кроме общего олицетворения природы, особой символикой у поэта пронизан образ Дона. Прежде всего он олицетворяет родину, казачью станицу. Однако у поэта этот образ наделен также человеческими чертами и тесно связан с автобиографическим образом деда. Эта ассоциация «Дон-Дед» является магистральной в творчестве Келина и составляет в его сознании образ родины:

«Душой болеть за отчий дом,
За тихий шелест рощ вербовых,
За край, где рос, где плещет Дон
Волну средь зарослей таловых»³.

В предисловии к сборнику «Степные песни» Келин пишет о том, что стихи посвящает «своему Деду и Дону». Примечательно, что слово «дед» он пишет с заглавной буквы, тем самым отводит для него особое место. Хотя в литературе образ деда встречается нечасто, он восходит к архетипическому представлению о

¹ Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 135.

² Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981. С.67.

³ Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 13.

мудром старце, хранителе культурной памяти и связи между поколениями. В творчестве Келина дед стал человеком, благодаря которому поэт мог называться казаком. В «Казачьей исповеди» он рассказывает, что его отец был выходцем из государственных крестьян Рязанской губернии, перебравшихся на Дон и принятых в казаки на станичном сходе. Дед же взял в зятья отца поэта, «хотя по казачьей психологии иногородний, то есть неприродный казак, не считался полноценным человеком»¹. Поэтому образ деда в сознании поэта символизирует исток, от которого он берет начало как казак.

На основе анализа упоминаний этого образа в литературе Ж. К. Гапонова и Е. В. Никкарева отмечают, что дед, как правило, «учит конкретным умениям, передает определенные знания, знакомит с культурой и историей, в том числе семьи и своего рода»². Кроме того, образ деда также репрезентирует идеи о мужском героизме, смелости, готовности защищать свою семью и родину, что прослеживается и в творчестве Келина. Так, в одном из стихотворений лирический герой просит деда рассказать о казачьей истории и его былой ратной славе:

«Расскажи нам, дед, как Платов
Гнал полки Наполеона,
Как рубили супостатов
Вы среди сабельного звона»³.

Важно отметить, что историей о деде поэт открывает и свою «Казачью исповедь». Иосиф Федорович Кузнецов буквально вырастил поэта: «С него начинаю потому, что он меня воспитывал»⁴. Келин отмечает, что этот человек был особенным с самого детства: «...вырос статный, голубоглазый казачонок,

¹ Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания). Ростов н/Д: Казачье зарубежье, 2009. С.6.

² Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе. Тамбов, 2022. С. 150.

³ Келин Н. А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 22.

⁴ URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

пытливо всматривающийся в окружавший его мир»¹. Для автобиографического героя он был важным человеком, который воспитал будущего поэта как личность:

«И научил меня любить —
Орлиный крик,
Соколий лёт,
Степной курган
И неба свод
В полдневный жар,
И свет стожар»².

Ассоциативный ряд, связанный с образом деда, построен поэтом по вертикали: в стихотворении представлен мотив высоты, выраженный в образах неба, орла, сокола. Они символизируют духовное начало, величие и свободу. Образ степного кургана поддерживает мотив высокого. Поэт представляет картину полдневного небосвода как открытое, чистое и светлое пространство, символизирующее особую казачью волю. В конце стихотворения в качестве кульминации Келин использует интересный образ стожара. По одному из толкований в словаре Д. Н. Ушакова, это народное название созвездий Тельца, а также Большой и Малой Медведицы с Полярной звездой в центре, т. е. основных звезд или созвездий, видимых человеку³. Свет стожар в переносном смысле символизирует некую высокую цель, вечное стремление к лучшему, мечту. В контексте этого стихотворения мотив высоты присутствует неслучайно: дед обеспечил Келину достойное образование и духовное развитие, стал для поэта примером, установив высокую моральную планку.

Кузнецов был первым в роду, кто обучился грамоте, и, в свою очередь, считал своей первостепенной задачей дать всем детям в семье образование. Поэт

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/>.

² Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 35.

³ Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru>.

навсегда запомнил его слова: «Смотри, Колюшка, наука – это всё. Перед человеком, который университет окончил, нужно стоять, держа руки по швам. Сидеть невежливо»¹. Показательным с этой точки зрения является стихотворение «Письмо Дедушке». Важно, что стихотворение написано в жанре послания. Келин адресует его дедушке, называя его ласково и с нежностью. Лирический герой рассказывает о загранице, пересмотрев все свои и дедовы постулаты о Европе:

«Теперь я тут, в Заветных
Заграницах,
Хожу в чужой, – не наш
Университет,
И все мечтаю только
О станицах,
Как ты мечтал об этом крае,
Дед»².

Лирический герой жалуется, что в прошлом сильно идеализировал Европу, а в действительности за границей «всё не так». В этом стихотворении наиболее ярко представлена оппозиция «свое – чужое», которую Келин виртуозно воплощает в рифме, строя противопоставления, магистральные не только для этого произведения, но и всего его творчества: заграницы – станицы, университет – дед. Более того, поэт усиливает ключевые слова, пользуясь приемом переноса. Этот прием лежит в основе интонационного и ритмического рисунка стихотворения.

Кроме того, в сборнике «Степные песни» отчетливо прослеживаются отсылки к творчеству С. А. Есенина. Это неудивительно, ведь отец Келина

¹ URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

² Келин Н.А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 23.

происходил из государственных крестьян, которые были родом из Рязанской губернии, Зарайского уезда, села Нижний Белый Омут. По словам поэта, ему всегда было приятно осознавать некую связь с Есениным, а также другими известными личностями, вышедшими из рязанской земли.

У Келина есть одноимённое стихотворение, посвящённое Есенину. В нём поэт выразил чувства глубокой скорби и отчаяния по поводу трагической смерти «певца из народа». Произведение проникнуто мотивами недоговорённости и незавершенности: каждая строфа заканчивается многоточием. В финале же автор, пользуясь приёмом анафоры, задаёт мучающий его вопрос: «Ах, зачем... ах, зачем же, Есенин, / Ты ушёл, не допев до конца / О России твоих песнопений...»¹. Примечательно, что творчество Есенина Келин называет «песнопениями», подчёркивая сакральное наполнение его стихов о Родине.

Помимо общего происхождения, поэтов роднит и то, как они «поют» о природе и России. Келину были близки порывы Есенина, когда он пытался принять крутые повороты в истории России, когда тревожился о её дальнейшей судьбе. В стихотворении «Русь уходящая» Есенин показал глубокий диссонанс современности с послереволюционным временем. Изменившийся облик Родины не был понятен поэту, поэтому он не находит себя в настоящем:

«Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою»².

В некотором роде отвечая на есенинское стихотворение, Келин передает воспоминания и размышления о Родине в цикле «Русь ушедшая». Его название намекает на завершение процессов, начавшихся при Есенине, а также на то, что прежняя Русь, в которой они оба родились, безвозвратно исчезла. Помимо

¹ Келин Н. А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. 143 с.

² Есенин С.А. Собр. соч.: в 7 т. Т 2. М.: Худож. лит., 1966. 1966. С. 102.

временной Келин также ощущает и пространственную оторванность от родины без какого-либо пути назад:

«Не знаю, какой перекрёсток
Мне встретится в скором пути,
Но чую – ломается мостик,
Который хочу перейти»¹.

Творчеству Есенина присуща особенная религиозность, не ортодоксальная, но твёрдая вера в родную страну. Для поэта Русь – святая земля, которую он однозначно и навсегда выбирает для себя:

«Если крикнет рать святая,
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»².

В духе Есенина у Келина также представлен образ Руси: он окутан особой святостью. Однако поэт развивает этот мотив, расширяя звучание Святой Руси во времени и пространстве. Келин выражает глубокую надежду на то, что она станет средоточием праведности, веры, оплотом счастливого будущего для всего мира:

«Со всех сторон, со всех морей и океанов
Потянутся заросшими тропами
К земле обетованной люди; сотни караванов,
Как в Мекку древнюю стопы направят.
И будет Русь, как столп неборимый»³.
(1937)

¹ Келин Н. А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 19.

² Есенин С. А. Собр. соч.: в 7 т. Т 2. М.: Худож. лит., 1966. С. 50.

³ Келин Н. А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 24.

Как преемник есенинского завета любить свою родину несмотря ни на что, Келин остаётся истинным патриотом вопреки всем испытаниям и трудностям. Поэт осознает пороки своей страны, но продолжает настойчиво верить в её будущее. В стихотворении «Родина» поэт заявляет о вечном намерении «мучить память воспоминанием о дальних хуторах» и отчаянной готовности ради них поступиться чем угодно:

«Я за неё согласен унижаться,
Прощать врагов, и проклинать друзей –
Не побоюсь в Европе русским зваться
И не продам простор родных полей»¹.

Вторя Есенину, Келин, несмотря на собственное иногда неоднозначное отношение к власти и России, никогда не отказывался от родины. Напротив, метущееся состояние, тяжёлые думы, гнев, отчаяние, обида – всё это демонстрирует равнодушие поэта:

«Страшась, тянусь к ней издалёка
И, ненавидя, я люблю,
Но тенью дерзкого упрёка
Не брошу в Родину мою»².
(1937)

Примечательно, что у Есенина слово «Русь» обозначает более объёмное понятие, чем родная рязанская земля (говоря о родных местах, не прибегая к обращению, поэт чаще использует слова «край», «сторона» и другие). Именно

¹ Келин Н. А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 79.

² Келин Н. А. Стихи. Прага: Литературная казачья семья, 1937. С. 53.

всеобъемлющая любовь к Родине определила более частый выбор поэтом слова «Русь» и связанных с ним понятий: «родной край», «природа» и т. д.

Подобное восприятие этого слова было и у Келина. Программным в этом контексте можно считать стихотворение «Русь», опубликованное в 1928 году в журнале «Путь казачества» в Праге. Композиционно стихотворение делится на три части. В первой поэт размышляет о том, что представляет Россию «не демоном, не хищницей, не мачехой»¹. Эти три образа, по-видимому, характеризовали отношение европейских стран к России. В противовес им поэт выражает любовь к своей родине, завершая первую часть мощным словом «молюсь». Оно единственное в строке, стоит особняком и отделено долгим отточием, в нем соединились и горечь, и дума, и светлая тайна молитвы. Далее, во второй части, в роли святыни, которой посвящалась эта молитва, выступает родная поэту природа: «поля благоуханные», «спокойное величие небес».

Подобное поклонение природе, представление её как святыни можно наблюдать и у Есенина:

«Говорят со мной коровы

На кивливом языке.

Духовитые дубровы

Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,

Сплю на вырублях сучья.

Я молюсь на алы зори,

Причащаюсь у ручья»².

1914

Далее в стихотворении Келин дополняет образ родины, отдавая дань уважения национальным чертам. Так, в «широком взмахе российского крыла»

¹ Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания). Ростов н/Д: Казачье зарубежье, 2009. С. 187.

² Есенин С. А. Собр. соч.: в 7 т. Т 2. М.: Худож. лит., 1966. С. 9.

угадывается свобода и щедрость русской души, а «крепкий дух дурманящей махорки»¹, как аромат табака, ассоциируется с мужским началом, твёрдым характером. К этому поэт добавляет «медлительность движений и сноровки и веру детскую в российское “авось”», что, несомненно, придаёт особый колорит и полноту национальной картине мира.

В этих строках Келин выразил суть своего представления о Родине, указав на красоту и святость природы, а также на своеобразие русского характера, проявляющегося в наивности, простоте, но вместе с тем в силе, твёрдости и свободе. В третьей части стихотворения автор размышляет о будущем России. Он верит в то, что, несмотря на все испытания, выпавшие на долю страны, она выстоит и станет ещё могущественнее. Так, поэт уверен, что вопреки «хитрому англо-саксу», «в интригах искущённому», «гордый русский флаг» «разовьётся в иных невиданных оттенках и изгибах». Ближе к финалу стихотворения поэт сгущает тень вокруг светлого образа Родины, используя как анафору слово «пусть». Этот прием добавляет динамики отрывку и сильнее убеждает в идее «быть вопреки всему»:

«И пусть Октябрь дыбит седую кобылицу,
Пусть пенит гладь стенающего моря,
Пусть множит боль в неразрешимом споре...»².

Финал этого стихотворения выражает одновременно и некую мечту-надежду и вместе с тем глубокую уверенность в лучшей судьбе России, в её особом пути. Эта мысль реализуется и на уровне языка: повтор глагола в будущем времени усиливает его значение, тем самым демонстрируя твёрдую веру автора в «иную Русь»:

¹ Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания). Ростов н/Д: Казачье зарубежье, 2009. С. 187.

² Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания). Ростов н/Д: Казачье зарубежье, 2009. С. 187.

«Придут, придут иные времена
В единую мечту сольются племена,
И Русь, иная Русь средь вихрей народится...»¹.

Келин выражает чувства, которые жили в сердцах многих поэтов, не успевших договорить о Родине. Очевидно, «не допетой до конца» у Есенина поэт считал надежду на то, что Русь непременно ждёт светлое будущее, достичь которого она сможет, встав на путь праведности, истины, объединения и братства.

Таким образом, своеобразие лирики Келина проявляется в следовании фольклорным традициям, присутствующим в образной и мотивной системе: поэт представляет лирического героя как «безвестного певца», а мотив песни встречается на всех уровнях художественного пространства стихотворений и их национального культурного контекста.

Поэтика лирики Келина также близка народным песням: он пользуется жанрами, приемами и средствами, присущими фольклору (параллелизм, повторы, единоначатие и др.). В творчестве художника присутствуют черты анимизма, проявляющегося в олицетворении природных явлений: Дона, ветра, степи, к которым адресованы также многочисленные обращения лирического героя. Важнейшим в лирике поэта является образ деда как символ родового истока, он также олицетворяет казачью станицу и покинутую родину.

Важной особенностью лирики Келина является ее связи творчеством С.А. Есенина. Двух поэтов объединяет песенность их поэтики, магистральная тема Родины, мысли о ее настоящем и будущем, а также творческие переключки в восприятии понятий «Русь-Россия».

2.3. Черты мемуарной прозы в «Казачьей исповеди» Н. А.Келина

Как уже отмечалось, долгое время имя поэта Н.А. Келина было неизвестно на родине. Большой вклад в возвращение его творчества внес К. Н. Хохульников.

¹Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания). Ростов н/Д: Казачье зарубежье, 2009. С. 187.

Он является составителем наиболее полного сборника стихов и воспоминаний Келина «Ковыльный сказ» (Ростов-на-Дону, 2009). Это издание было предпринято по материалам прижизненной книги Келина «Степные песни» (Прага, 1937), автобиографических заметок «Казачья исповедь», вышедших в 1996 году в Москве уже после смерти поэта, и других его эмигрантских публикаций. В предисловии к сборнику Хохульников называет его «одним из лучших поэтов казачьего и российского зарубежья, не только зарубежья, XX столетия...»¹.

Научные исследования по творчеству Келина на настоящий момент почти отсутствуют и посвящены только лирике поэта. До сих пор без внимания литературоведов остается проза Келина, в частности, его «Казачья исповедь», которая способна стать ключом к разгадке как личности писателя, так и всего его поэтического творчества в целом.

В предисловии к первому изданию В.В. Дробышев отмечает, что «это суровая книга... о судьбе казаков после Октябрьской революции, о судьбе русских эмигрантов и беженцев, военнопленных и перемещенных лиц, оказавшихся в странах Европы после лихолетья гражданской, а потом и второй мировой войны»².

«Казачья исповедь» относится к мемуарной прозе. Н.Н. Кознова справедливо отмечает особую популярность мемуаров в литературе первой волны эмиграции. Причины этого явления исследователь видит в возможности для писателей совершенствовать литературное мастерство в более близких им формах, а также в сильнейшей потребности эмигрантского сообщества в сохранении русской культуры³. В отношении казачьих писателей эти мотивации являются особенно выраженными, ибо никто из них до эмиграции не был профессионалом в литературном деле, а единственной целью своего творчества

¹ Келин Н. А. Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания). Ростов н/Д: Казачье зарубежье, 2009. С. 187.

² Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

³ Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 6.

они всегда провозглашали сохранение истории и культуры казачества, оказавшегося в тяжелейших условиях как на родине, так и на чужбине.

Так, среди казачьей прозы к мемуарам можно отнести «Очерки русской смуты» А.И. Деникина, более 40 произведений П.Н. Краснова, в том числе воспоминания и автобиографический роман «От Двуглавого Орла к красному знамени»¹, а также статью Н.Н. Туроверова «Конец Чернецова»², посвященную гибели известного казачьего военачальника, в полку которого служил и сам поэт.

Важно обратить внимание на авторское определение жанра – исповедь. В современной литературоведческой науке нет единого определения этого понятия. Так, Е.Л.Кириллова, указывает на размытость определений и считает, что в современном литературоведении «не сформировалось единой жанровой теории мемуаристики»³. Однако по ряду признаков «Казачья исповедь» приближается к жанру мемуарного (автобиографического) очерка.

Можно предположить, таинство исповеди Келин выносит в название с целью объяснения мотивов своих поступков, примирения с самим собой и своей трагической судьбой: «...Перипетии моей очень пестрой жизни могут невольно напомнить повесть об известных приключениях барона Мюнхгаузена, но прошу верить, что все здесь описанное основано на истинных происшествиях, которые сопровождали мою слишком долгую для нашей бурной эпохи жизнь. Повторяю, все основано на действительных фактах, у меня просто не было надобности что-либо приукрашивать»⁴.

Исследуя мемуарную прозу, Н.Н. Кознова отмечает синкретичность этого жанра, которому присуще «совмещение двух линий повествования, объективно-

¹Краснов П. Н. От Двуглавого Орла к красному знамени, 1894-1921: роман в 4 т. Берлин: Изд-во О. Л. Дьяковой, 1922. 460 с.

²Туроверов Н.Н. Конец Чернецова // Казачьи Думы. 1924. № 23. С.33-41.

³Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. С. 15.

⁴ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

познавательной и личностно-исповедальной»¹. В этой связи «Казачья исповедь» Келина является весьма характерной. Кознова отмечает, что «в художественном отношении эмигрантская мемуарная проза тяготеет одновременно к документальному и художественному стилю»², и в рассматриваемом произведении эти черты проявлены достаточно ярко.

Келин ведет повествование от первого лица, описывая значимые вехи своего жизненного пути во взаимосвязи с жизнью социума на определенном историческом промежутке, что является основными признаками мемуарного очерка: «...Внимание в таком произведении обычно сосредоточено на внешней изобразительности, типизации черт характеров или воссоздании национальных, социальных особенностей жизни общества, отдельных людей в определённую историческую эпоху»³.

Автор «Казачье исповеди» обращает внимание на самые яркие, по его мнению, моменты встреч, бесед, связанные со сферой личных литературных и жизненных интересов. Келин основывается не только на собственных воспоминаниях, но и привлекает дополнительные свидетельства письменного и устного характера: переписку и беседы с Шолоховым, диалоги с Красновым, другими казаками и писателями, а также различные документы. Так, в книге интересны многочисленные диалоги. Они выполняют сразу несколько функций. По оценке Н.С. Некрасовой, в мемуарах Краснова «диалоги позволяют разнообразить речь, сменяя собой авторский монолог, воспроизводят живую речь, характеризующую персонажей, а также ненавязчиво выражают главную мысль, которая <...> могла бы показаться излишне субъективной»⁴.

¹ Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 19.

² Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 14.

³ Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 28.

⁴ Некрасова Н. С. Русская революция в жанре мемуаров П. Н. Краснова // Молодой ученый. 2023. № 15 (462). С. 298-301.

В «Казачьей исповеди» Келин пишет о том, что за свою жизнь он имел честь познакомиться со многими талантливыми людьми, но «почему-то особенно остро запала в память» поэту знакомство с А.А. Блоком и А. Грином:

«– Войдите!

В дверях показывается лохматая фигура.

– Господин студент! Ради Бога, одолжите спички! – просит незнакомец.

...

– Познакомимся! – говорит тот, кому я бегал за спичками. – Александр Грин. Пишу, видите ли... А вот он, – показывает на соседа, – лучший поэт России...

Это был Блок.

– Садитесь и берите рюмку! За ваше здоровье!»¹.

В этом коротком диалоге Келин, во-первых, показывает молодых писателей в неожиданной бытовой обстановке, что способствует максимальному сокращению дистанции между героями и читателем, который при этом будто наблюдает сцены со стороны.

Этот диалог добавляет динамики в общее повествование, а также косвенно свидетельствует о некоторых чертах и отношениях его героев. Грин – один из трех писателей – показан самым активным, восхищающимся талантом Блока и при этом весьма скупом заявляющим о себе. При этом сам Блок в диалоге вообще никак не себя проявляет. Более того, знакомство началось в ситуации, когда писатели пришли просить спички у молодого студента Келина, а продолжилось, когда Грин пригласил последнего выпить. По воспоминаниям современников, действительно имели место быть замкнутость и самоуглубленность Блока, а также порывистость и слабость к алкоголю у Грина. Поэтому здесь сравнительно короткий диалог достаточно точно передает яркие черты героев.

Документальность повествования проявляется, например, в главе «Как это было», в которой Келин приводит справку о своем освобождении из-под стражи

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

за подозрение в подрывной работе против Советского Союза за рубежом: «Доктор Николай Келин из Желива у Гумпольца с 19 мая по 12 июня 1945 года находился под стражей и за отсутствием инкриминирующих данных из-под стражи освобожден с обязательным восстановлением во всех гражданских и служебных правах»¹. Разумеется, подобной работы поэт никогда не вел. Более того, Келин боролся с изданием собственных стихотворений в некоторых казачьих, сугубо националистических журналах. Об этом он также рассказывает в своей книге: «...Моя подпись под статьей «Доводы против нас», в которой я осуждал самостийность и советовал казакам держаться России»².

Однако черты документальности скорее характерны для последних глав книги, описывающих более близкие автору по времени события. Напротив, воспоминания о детстве в родной казачьей станице, семье и Доне переданы с высокой долей художественности. Так, казачья исповедь начинается со следующих слов: «Среди пахучих полынных степей с бесконечными шляхами, седыми курганами, покрытыми чабрецом да алыми шапочками татарника, затерялся небольшой казачий хуторок Майорский»³. Примечательно, как Келин одновременно задействует органы чувств: в начале – обоняние (аромат полынных степей), потом зрительное представление (седые курганы с алыми цветами). Также стоит отметить, что это предложение наполнено особой нежностью и упоением родиной: на это указывает использование народнопоэтического союза «да», местных диалектизмов «шлях», «татарник», а также уменьшительно-ласкательных форм слов «шапочками», «хуторок».

Если говорить о художественности в «Казачьей исповеди», то стоит отметить, что в последних главах, хотя и встречаются описания родины в эпизодах непродолжительных приездов Келина в Советский Союз, но такого же теплого описания природы уже нет. Поэт наконец-то видит родину в настоящем

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

² Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

³ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

момента, изменившуюся, иную и принимает ее, но лишь рационально. Так, Келин, отправляясь в СССР как «на родное кладбище» и ожидая «увидеть массу руин, пепелищ и обгорелых зданий» после Великой Отечественной войны, был сильно удивлен произошедшими переменами и даже назвал их чудом. Писатель отмечает: «В разительном солнечном блеске все стояло новенькое, красивое, утопающее в буйной зелени. Было над чем задуматься! Что же это за народ, который, потеряв более 20 миллионов жизней, снова воскресил свою великую во всех отношениях Родину?...»¹.

Таким образом, писатель задумывается над стержневыми чертами русского национального характера. Неслучайно далее в повествовании следуют эпизоды встреч с сестрами в Новороссийске, которые стараются счастливо жить в настоящем, несмотря на жуткие испытания и трагедии прошлого. Так, Келин удивляется характеру младшей сестры Кати, реабилитированной после 14 лет, проведенных «в концентрационном лагере в Сибири, за Полярным кругом»². Он отмечает даже некое недоумение, в которое его ввела «незлобливость по отношению к такому правительству» и способность этой женщины не отчаиваться. Похожую черту Келин улавливает и у старшей сестры Анфисы, потерявшей в первый день войны единственного сына. Венчает эту череду стойких женщин мать поэта, в которой его поражает некоторая сухость в проявлении эмоций при встрече после почти 40 лет разлуки: «...Ни истерик, ни выкриков, ни судорожных объятий. А оба мы крепко любим друг друга...»³.

В этом эпизоде писатель обращает внимание на то, как ему и его родственникам тяжело понимать друг друга. Не без грусти Келин пишет: «...Я – весь в прошлом. А все мои – только в настоящем. О прошлом не хотят говорить...

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

² Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

³ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

У всех же нас, вместе взятых, нет будущего...»¹. В этих строках писатель затрагивает тему памяти и задумывается о том, как по-разному она принимается им и его близкими в России, ведь в эмиграции категория памяти занимает центральное место, а на родине о прошлом не вспоминают. Более того, по мнению Келина, именно эта проблема становится камнем преткновения в отношениях людей и даже способна разорвать кровные узы.

Тем не менее, ощущается стремление писателя безотносительно принимать родину и своих близких. Так, в конце этого эпизода в небольшом лирическом отступлении он выводит значимые черты национального характера, с которыми не берется спорить или бороться: «Терпелив, незлобив русский человек. Поистине, пути Господни неисповедимы, и непонятны все сложные изгибы души человеческой»².

Примечательно, что наиболее растроганным автор обнаруживает себя не в моменте встречи с матерью или сестрами, а во фрагменте приезда на Дон: «Не осилив всей сложности переживаний, чувствую, как по щекам стекают соленые слезы, слезы терпкой любви к навсегда покинутому дому. Господи! Как хорошо вокруг и как тяжело на душе...»³.

Важно отметить, что такой же эмоциональностью при виде Дона наполнены и воспоминания Келина о встречах с М.А. Шолоховым в станице Вешенской. Это стало «самым ярким впечатлением от поездки» поэта в Советский Союз. Шолохов для большинства казаков был очень уважаемым человеком. Недаром в эпизоде телефонного разговора с писателем Келин добавляет ремарку, свидетельствующую о некотором пиетете перед собеседником: «Боже мой, Шолохов»⁴.

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

² Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

³ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

⁴ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

Поэт также обращает внимание на то, с каким почтением писатель относится ко многим казачьим традициям. Так, Шолохов выразил желание встретить Келина с сыном непременно перед домом «по-казачьи», поцеловал троекратно, что у казаков олицетворяло нерушимость православия, самодержавия и народа, затем долго потчевал гостей, а также пригласил на «донскую рыбалку» и «стерляжью уху». Да и сам писатель подчеркивал: «...Я казачий патриот и свято блюду все наши обычаи. Ничего не подделаешь, да...»¹.

Стоит отметить одно интересное совпадение, о котором, однако, Келин не упоминает: отцы писателей происходили не с Дона, а из Рязанской губернии, из одного населенного пункта – Зарайска, но по разным причинам осели на Дону и женились на казачках. Это могло стать еще одним сближающим фактором в их общении.

Келин видел в Шолохове старшего товарища и заступника казачества, которым тот в действительности и был. Поэт хотел лично познакомиться его с «казаками заграничными» в Праге, возможно, для того, чтобы оживить их чувство единства в сохранении родного казачества, а также в возрождении той родины, которая живет в их памяти. Этой встречи, несмотря на все усилия Келина, к сожалению, не случилось.

Как отмечает Н.Н. Кознова, многие «писатели-эмигранты прислушивались к мнениям современных им выдающихся людей из какой-либо области, чтобы совместными исканиями истины, «привести к верной оценке исторического опыта жизни нескольких поколений соотечественников и определить роль эмиграции в строительстве России грядущей»»². Отсюда можно предположить, что Келин как представитель эмигрантского казачества пытался взаимодействовать с Шолоховым, чтобы получить ответы на вопросы о том, что будет с казаками и что они могут сделать для Родины.

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

² Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

В этой связи примечательны последние слова в книге, данные сразу после эпизодов встреч с Шолоховым и посвященные потерянной Родине: «Годы ничего не изменили в моем отношении к ней, и я уйду с затаенной мечтой, что настанет время, когда на карте Европы снова загорится неугасимым пламенем дорогое для меня имя – Россия»¹. Эти строки смещают фокус повествования с личного на общее, отражают гражданские чувства автора и обладают особой силой воздействия благодаря тому, что единственной мечтой писателя оказывается возрождение России. В этой связи закономерно сделать вывод о том, что «Казачья исповедь» Келина является полноценной мемуарной прозой.

2.4. Религиозные искания в лирике «вольноказачьих» поэтов:

П.С. Поляков и Б. А. Кундрюцков

Особый стиль Н.Н. Туроверова характеризуется пафосом хоть и печального, но философского вдохновения, мучительных воспоминаний о казачестве и нерушимой вере, православии. Его стихи о Боге всегда традиционны, светлы и благостны.

В поэзии П.С. Полякова и его товарища Б. А. Кундрюцкова религиозная тема представлена совсем иначе. Они были ярчайшими представителями казаков-«самостийников». В их творчестве религиозность специфично раскрывается в духе их вольнолюбивых идей, когда выражается протест традиционному пониманию Божественного, а фокус его осмысления уходит в сторону «природного» – особого «Степного Бога»².

Так, в раннем творчестве Полякова присутствует некое негодование, сомнения и даже обида на Всевышнего, допустившего, по его мнению, столько бед. В стихотворениях поэта объявляется тотальный протест, распространяющийся не только на Бога, но и на общество, государство. Причиной

¹ Келин Н.А. Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

² Кундрюцков Б.А. Казачий Бог // Вольное казачество. 1931. № 94. С. 2.

этому, вероятно, стала судьба поэта, полная трагедий, предательства, гонений, неприятия и, как следствие, отчаяния.

Поляков родился в 1902 году в семье казачьего офицера и был потомком старинного донского казачьего рода. Окончил Камышинское реальное училище, в 1918 году в возрасте шестнадцати лет добровольцем вступил в ряды Донской армии. С начала 1920 года Поляков с родителями находился в числе казачьих формирований, не обеспеченных командованием Добровольческой армии и возможностью эвакуироваться из Новороссийска в Крым, поэтому ему пришлось пережить череду скитаний. Сначала по Черноморскому побережью Кавказа он ушел в Грузию, где спустя некоторое время похоронил мать. Трагедия подорвала моральное состояние молодого казака, но вместе с отцом – полковником С. А. Поляковым – поэт вынужден был перебраться в Крым, откуда в 1920 году эвакуировался в Турцию.

В конце 1921 года, как и многие изгнанники, отец с сыном переехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где Поляков младший был зачислен в Донской кадетский корпус в Билече (Герцеговина) для завершения образования. В 1924 году после выпуска поступил на отделение филологии философского факультета Белградского университета, по окончании которого работал чиновником Министерства народного просвещения, одновременно привлекался к работе в литературном бюро югославской скупщины в качестве редактора документов. Его литературный дар проявился уже в период учёбы в кадетском корпусе, где в разные годы он участвует в таких рукописных журналах, как «Донец», «Казак», «Донец на чужбине» и «Наука и жизнь».

В 1925 году в Париже состоялся его литературный дебют в литературном сборнике «Казачий быт». В Сербии Поляков публикует стихи, поэмы, рассказы, фельетоны, переводит и издаёт в Белграде русскую классику. В 1930-е годы в его переводе на сербский язык были изданы «Конёк-Горбунок» (1935) П.П. Ершова, «Сказка о царе Салтане» (1937) А.С. Пушкина и «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1938) Н.В. Гоголя. В Сербии вышел его сборник стихов «Песни воли».

В 1926 году поэт был принят в созданное в Чехословакии творческое объединение «Литературная Казачья Семья» (ЛКС). Однако в 1929 году из-за разногласий с руководителем ЛКС, донским казаком И. И. Колесовым, Поляков вместе с группой других казаков, выходит из состава объединения. Но несмотря на это, в 1939 году в Праге издательством «Литературная Казачья Семья» был издан его сборник «Поэмы».

В Сербии Поляков также занимается общественной деятельностью и руководит организацией «Вольное казачество».

Еще одной причиной духовных невзгод поэта также послужила его неудачно сложившаяся семейная жизнь. Подлинных сведений о его супруге нет, но известно, что ему пришлось одному, без жены, воспитывать дочь Наташу. Проживая в Германии с дочерью и отцом-инвалидом, поэт зарабатывал на жизнь физическим трудом.

Скончался Поляков в доме для престарелых 30 октября 1991 года в возрасте 88 лет в городе Фрайзинг в Баварии, где он и провёл свои последние годы. Несмотря на то, что большая часть жизни поэта прошла вдали от родины, ему не удалось принять ни сложившиеся жизненные обстоятельства, ни Запад в целом¹:

«Так мы Запад культурный узнали,
Одинаково все хороши:
Торговали. Душили. Продали.
Вот и делят теперь барыши»².

В стихотворениях Полякова раннего периода мотив обиды на Бога, мотив обвинения звучал еще робко, будто теряясь в общей канве повествования. Так, в достаточно большом стихотворении «Степи», повествующем о ратной истории казачества, в самом начале звучат обвинительные слова:

¹ Павел Сергеевич Поляков // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/08/14/pavel_sergeevich_polyakov.

² Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 3.

«Здесь Игоря грозные рати
 На гибель Господь осудил
 И трупами русичей гати
 Половец коварный мостил»¹.

Поэт использует выражение «на гибель Господь осудил», а затем подкрепляет его ужасными картинами того, как половцы сооружали дороги из трупов «русичей». В таком контексте бой воспринимается не как священное действие, а как наказание, что не свойственно сознанию казаков.

В другом стихотворении поэт уже сам просит у Бога сил оставаться верным православию и высшим силам:

«Боже... Боже правый... ниспошли мне силы...
 Верить в справедливость до конца Твою.
 И найти, вернувшись, свой курган-могилу,
 Пасть, сраженных пульей, в огневом бою»².

В отличие от более «мягкого» стиля Туроверова, последователя традиций А.С. Пушкина, лирическое «Я» Полякова здесь скорее созвучно бунтарской манере М. Ю. Лермонтова. Так, в стихотворении «Скитальцы» Поляков сожалеет о том, что его «молитвы до Бога не доходны», а в другом – даже выражает желание связаться с чертом, «раскурить с ним трубку», «погутарить с сатаной».

Религиозность Полякова носит особый, индивидуальный характер. В ней отчётливо звучат мотивы «дикости», внутренней борьбы, но основой её является малая родина поэта, природа, Дон, Степь. Недаром в стихотворении «В потёмках» виден момент тяжёлого внутреннего выбора: можно ли молиться Богу,

¹ Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 10.

² Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 15.

пославшему казакам столько боли и испытаний. Сильное эмоциональное смятение отражено в стилистике и пунктуации отрывка. Вначале поэт задаёт себе вопрос: «Помолюсь ли?..», и далее, как будто уверенно, отвечает: «Помолюсь...». Однако после этого слова идёт многоточие, характеризующее глубокие раздумья, а сразу за ним следует союз «или», уводя мысль будто в противоположном направлении от православной молитвы:

«Перед Идолом в поле застывшим,
Помолюсь ли Тому, Кто сумел
О свободе и воле забывшим,
Дать скитанья в тяжёлый удел.
Помолюсь... Или выпивши с горя,
Поверну, приминая цветы,
Поклониться широкому морю
И отведать его красоты»¹.

Но для Полякова в действительности же природа и была объектом поклонения, источником красоты и силы, в которую он верил больше всего. Поэт наиболее ярко из всех эмигрантских поэтов представляет в своем творчестве «религию природы», которая осмысливает природный мир как воплощение божественности, святости и духовной силы. В целом казачья религиозность всегда отличалась особой природностью, но если у Туроверова это гармонично включалось в этику и эстетику православия, сказания о святых, важных праздниках и т.д., то у Полякова имеют место быть и богоборческие мотивы. Поэт, почти попирая всезнание и справедливость Всевышнего, представляет почти единственным источником непоколебимой святости Дон, родную землю:

«Дон! Что благовест пасхальный,

¹ Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 35.

Дон! Что грохот канонады...
 Ты в душе моей оставил
 След божественной улады!
 Дон. Тебя кохали деды
 В мира дни и дни разлуки.
 И всесветные победы
 На алтарь твой дали внуки»¹.

Сильнейшее отчаяние, обида, сожаление о безрадостной жизни – это всё привело поэта к трансформации глубокой казачьей веры в сомнения и отрицание Бога. Стихотворение «Одиночество» ярчайшим образом передаёт депрессивное состояние Полякова. Недаром эпиграфом к нему является цитата из знаменитого философского романа Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». С немецкого языка она переводится так: «слишком скоро протягивает одинокий руку тому, кто с ним повстречается». В эпиграфе звучит боль тотально одинокого поэта:

«Да, знаю, велено страдать,
 Бороться здесь, в пыли,
 Во что-то верить, что-то ждать,
 Мешаясь в прах земли,
 Довольно, вечно одинок
 Впустую звал друзей...
 И нынче под сокрытый стон
 Зову на праздник похорон
 Живой мечты моей...»².

¹ Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 87.

² Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 39.

В стихотворении описывается разговор лирического героя с псом, единственным близким товарищем. Поэт горько замечает, что даже эта собака наверняка не захотела бы такой человеческой жизни, какую прожил он сам.

Свою собаку Поляков вспоминает не только в этом стихотворении. Старый пёс Жако-Яшка был поэту преданным другом и внимательным собеседником на протяжении долгого времени. Ему посвящено отдельное крупное стихотворение, которое по своим темам хотя и наполнено тоской, но уже содержит проблески вымученной радости и, наконец, сильную жажду веры:

«Заведу-сыграю да про дом отцовский
И про двор, заросший сорною травой...
Об ушедшей были, о тоске безмерной
О горячей вере-яркой и живой!»¹.

Поэт рад вновь пробудившимся в нем чувствам. Он подчёркивает, что из безжизненной и тусклой она с новой силой возродилась в нем.

В поэте удивительно уживались свободолюбивый, бунтарский дух и православная вера, которая возродилась в любви к дочери Наташе. Дочь для Полякова стала отдушиной, стала той самой верой в лучшее. Маленькая Наташа стала источником умиротворения, олицетворением семьи и родины. Удивительно, что даже само это имя переводится с латинского как «родная»:

«Что ж, поверить, что ли,
Что уйдут печали
И несешь ты счастье,
Маленькая Таля?»²

¹ Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 47.

² Поляков П.С. Лирика. Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. С. 41.

Таким образом, в творчестве Полякова прослеживаются две стороны души поэта: одна бунтарская, отчаявшаяся, другая – надеющаяся и верующая. Обе эти стороны религиозны, несмотря на разное отношение к Богу. Даже в злобе на Всевышнего поэт не отрицает Его. Однако религиозность Полякова из всех казачьих поэтов наименее традиционна и ортодоксальна, сочетает в себе элементы «религии природы».

Эти же идеи, приобретая более четкие формы, находят свое развитие в лирике еще одного донского поэта – Б.А.Кундрюцкого, казака Власово-Аютинского хутора Новочеркасской станицы Донской области. Он прожил насыщенную, но весьма короткую жизнь. Учебе Кундрюцкого во 2-м Петроградском кадетском корпусе помешал начавшийся распад русско-германского фронта и углубляющийся раскол в стране. В этих условиях он сумел самостоятельно пробраться на Дон, где поступил для продолжения учебы в Донской кадетский корпус в Новочеркасске. Но и там Кундрюцков проучился недолго, вскоре сбежав в казачьи части Донской армии на фронт начинавшейся Гражданской войны. По иронии судьбы и в боевых действиях он практически не участвовал, так как заболел сыпным тифом и надолго попал в госпиталь. Затем он был эвакуирован в Новороссийск, где позднее оставлен отступающими в Крым частями Добровольческой армии.

После некоторых скитаний Кундрюцков вместе с группой бывших донских кадет старших классов, находившихся в Крыму при донских казачьих частях, был эвакуирован в Югославию. Здесь Кундрюцков успешно окончил 2-й Донской Императора Александра III кадетский корпус.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов, проживая в Загребе и Белграде, Кундрюцков был одним из представителей журнала «Вольное казачество» в Югославии. Писать стихи и прозу он начал рано. В 1922-1924 годах активно сотрудничал в рукописном литературно-художественном журнале донских кадетов в Югославии «Донец». В октябре 1925 года в журнале «Казачий путь» (Чехословакия) было напечатано его первое стихотворение «Я рыцарь чести!...». Позже в 1920-е–1930-е годы стихи, поэмы, пьесы и рассказы Кундрюцкого

регулярно публиковались в журналах «Казачий сполох» (Чехословакия), «Вольное казачество» (Чехословакия – Франция), «Казачий путь» – «Путь казачества» (Чехословакия), «Единство» (Югославия), «Казачество» (Чехословакия) и в ряде других.

Умер поэт в 1933 году в городской больнице Белграда, не дожив и до 30 лет. Новость о его кончине с болью и горечью было встречено в среде казачьего зарубежья. На деньги, собранные казаками различных казачьих войск, на его могиле в Белграде был установлен памятник с надписью «Певец Вольного Казачества Борис Александрович Кундрюцков» и словами покойного:

«Одни уйдут... придут другие
На смену им, чтоб победить,
Заветы Воли дорогие
В родной Земле восстановить!»¹

В лирике поэта образ Бога встречается часто, при этом православные мотивы развиты слабо. Если в творчестве Туроверова звучит призыв «за веру», то в поэзии Кундрюцкова борьба ведется больше за волю, казачью независимость и «самость». По мысли поэта, у казаков свой «Казачий Бог». Такое название поэт даже дал одному из своих стихотворений, связанных с воспоминаниями о видении образа казачьего Господа в трудный жизненный момент:

«И сколько времени лежал один – не знаю.
Был день уже... Я подошел к коню,
Шатаюсь, бледный весь... С тех пор я... не дерзаю
И образ, виденный в душе, таясь, храню...»²
1931

¹ Хохульников К. Н. Борис Александрович Кундрюцков // Донской временник. Год 1993-й. Ростов-на-Дону, 1992. Вып.1. С. 51-52

² Кундрюцков Б.А. Казачий Бог // Вольное казачество. 1931. № 94. С. 2.

Важно отметить, что именно у Кундрюцкого впервые встречается образ «степного Бога», к которому казаки обращают молитву:

«Степной народ пробьет себе дорогу,
Державный шаг, мы слышим этот шаг!..
Моления мы пошлем степному Богу
И задрожав, назад отступит враг»¹.
1932

В другом стихотворении традиционное явление «горения алтаря» как проявления обращения, любви к Богу метафорически передается через картину сжигания степной травы – ковыля и повилики. Стоит отметить, что именно степь поэт называет алтарем, а жженные травы называет «чистой жертвой», что вкуче напоминает языческие обряды:

«Алтарь горит... Душа молчит –
Нет громких слов, ребячества, хулы –
И только роем вокруг степного Бога
Высокие и крепкие валы...
И жертва чистая – ковыль и повилика,
Прозрачным дымом молят небеса,
Да на валу воткнута в землю пика,
На пике волосы из конского хвоста...»²

А.Ф. Григорьев также отмечает, что у донских казаков, как и гребенских, «обнаруживаются следы христианских элементов в комплексе языческих верований на разных его уровнях»³. В казачьем сознании природа

¹ Кундрюцков Б.А. Стихи // Вольное казачество. 1934. № 160. С. 1.

² Кундрюцков Б.А. Стихи // Вольное казачество. № 15. 1928. С. 1.

³ Григорьев А.Ф. Специфика религиозно-мифологических верований и представлений гребенских казаков // Кант. 2014. № 1(10). С. 98.

обожеествлялась, а человек находился в родственных связях с природными явлениями, почитая своих предков и преклоняясь перед силами природы. Подтверждение этой идеи присутствует и в стихах Кундрюцкова, изображающих образ казака, при рождении наделенного могуществом прославленной казачьей реки: «Сил могучих, Доном даденных / Непочатая сума ...»¹. Наглядно это проявляется в том числе и в явлении врезания в стволы деревьев икон с ликами святых-мужчин в ранний период истории казачества. Так происходило «обожеествление природы» в прямом смысле.

С образом «степного божества» тесна связана казачья легенда, которую переложил в сказку Поляков. Согласно этому поверью, Бог послал казакам в степи белого оленя в знак благоволения, но запретил им убивать его, а оленю, в свою очередь, – топтать пшеницу у казаков. Некоторые исследователи даже заявляют о том, что от названия этого животного происходит и само слово «казак». Так, сочетание «Кос» – «сака» на скифском языке значило «белый олень»²:

«Мир создав, Господь Великий,
Отдохнув от дел творенья,
В степь послал красавца-зверя
Круторого ОЛЕНЯ.
И сказал Он: «Будь залогом
ВОЛИ светлой. Будь свободен.
Вместе с братом-человеком
Берегите дар Господен»»³.

Согласно легенде, однажды казаки «прельстились пустой, мирскою славой»⁴, отправились воевать в чужие земли, оставив родные станицы. Из-за

¹ Кундрюцков Б.А. Голутвенные песни // Вольное казачество. 1929. № 39. С. 5.

² Губарев Г.В. Казачий словарь-справочник. Т. 2. Кливленд, 1968. С. 19.

³ Поляков П.С. Три брата. Олень. Дядя Янош. Мюнхен, 1957. С. 14.

⁴ Поляков П.С. Три брата. Олень. Дядя Янош. Мюнхен, 1957. С. 25.

долгого отсутствия казаков на родной земле настал «лютый голод», испытывавший казаки забыли Божье повеление и стрелой поразили белого оленя. В результате Господь наказал казаков за то, что они преступили законы Бога: пошли на брань за дело, не положенное им по статусу, и нарушили завет. В память о наказании Бог дал казакам герб с изображением оленя, пронзённого стрелой. В настоящее время это герб донского казачества, а образ белого оленя, сочетающий религиозные и степные мотивы, является символом воли, пусть и «подстреленной» самими же казаками, но дарованной Богом.

В творчестве Кундрюцкого воля воспринимается именно как дар Божий, поэтому образы воли и божественного в стихотворениях часто тесно связаны и располагаются рядом в пределах строфы: «И народ былую Волюшку добудет, / Заживут по Правде Божей казаки...»¹. Понятие святости поэт также даёт согласно казачьей традиции. Святость – это смерть в бою за то, что дорого казачеству: «За казака, за Дон, за братство / Святою свечкою сгореть!»². Образы Дона и степи предстают как элементы культа, сакральные пространства. С ними общаются, к ним обращают молитвы. В одном из своих стихотворений поэт пишет о том, что последние его мысли перед смертью будут обращены к Дону и степям, которые наделены сакральным смыслом:

«О, Дон! И я пою, в изгнании страдая,
О красоте Твоей и о Твоих сынах...
И знай – мой стих последний, замирая,
Он будет о Тебе и о Твоих степях...»³

Таким образом, в творчестве «самостийных» казачьих поэтов религиозная тема представлена по-особому и объединяет в себе отсылки к языческим мотивам, а также содержит черты «религии природы». Ее главные особенности:

¹ Кундрюцкий Б.А. Стихи // Вольное казачество. 1934. № 160. С. 1.

² Кундрюцкий Б.А. Стихи // Вольное казачество. 1928. № 12. С. 1.

³ Кундрюцкий Б.А. «О, Дон! И я пою, в изгнании страдая...» // Вольное казачество. 1938. № 238. С. 1.

присутствие отдельного казачьего «степного Бога», связанный с ним образ оленя как символа казачьей воли, а также обожествление степи и Дона.

2.5. Адресация как внетекстовая форма выражения диалогичности в лирике Н.Н. Евсеева и М.В. Волковой

Николай Николаевич Евсеев – яркий поэт казачьего зарубежья. Примечательно, что он тесно связан и с Тамбовским краем: родился, провел детство и юность в Борисоглебске Тамбовской губернии (ныне Воронежская область)¹. Там же с золотой медалью окончил Александровскую гимназию, где работал учителем рисования и чистописания его отец.

Являясь потомком старинного казачьего рода, Евсеев во время Первой мировой войны служил в Донской батарее. В годы Гражданской войны воевал на стороне белых, был участником Степного похода. После поражения Белого сопротивления Евсеев эмигрировал и с офицерскими частями оказался во Франции, где возле Парижа и обосновался с женой и сыном. Там же в 1920-е годы он и начал писать стихи.

Поэт был одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов», издававшего «Казачий альманах». Евсеев является автором поэтических книг «Дикое поле» (Париж, 1963), «Крылатый шум» (Париж, 1965). Третья – «Последняя книга» – осталась незавершенной. Он исполнял свои произведения на ежегодных «Вечерах стихов Николая Евсеева», которые, по свидетельству Ю. Терапиано, «неизменно собирали переполненный зал и пользовались большим успехом»².

В Париже поэт общался со своими читателями на творческих вечерах и встречах. Эта диалогическая манера присуща его лирике. Так, больше половины всех стихотворений Евсеева дополнены эпитафиями, посвящениями или написаны в жанре послания, то есть обладают адресностью. Адресация является

¹ Леонидов В. В. Евсеев Николай Николаевич // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940): в 4 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. С. 163.

² Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа. Нью-Йорк: Альбатрос, 1987. С.263.

одним из способов включения произведения в систему речевой и социальной коммуникации, предполагающей участие того, кто посвящает произведение, и того, кому оно посвящается¹.

Традиция посвящения литературного произведения как выразительного авторского жеста берет свое начало еще в Древнем Риме, когда местные творцы «посылали» написанные строки богатым заказчикам, политическим деятелям и другим влиятельным фигурам, чтобы укрепить свое социальное и финансовое положение². Жанр посвящения был также актуален в среде писателей-эмигрантов в силу большого количества общественных связей между поэтами.

Среди посвящений и посланий Евсеева есть адресация как женщинам, так и мужчинам, примерно одинаковая в количественном отношении. Посвящения женщинам подробно разобраны в статье Н. Ю. Желтовой и Т. Ю. Ереминой³. Посвящения мужчинам в творчестве поэта не менее интересны. Среди адресатов встречаются другие поэты-эмигранты, земляки Евсеева, его современники и личности, уже ушедшие из жизни.

Неудивительно, что посвящения Туроверову в лирике Евсеева встречаются многократно. Они были друзьями и литературными соратниками, вместе участвовали в многочисленных казачьих изданиях, состояли в казачьих союзах. Одно из первых стихотворений, посвященных Туроверову, датировано 1938 годом. В тексте произведения адресат не конкретизирован: нет обращений и указаний на личность. Это коррелирует с его смыслом, который выражен в первой строке: «Земля бо есть – отыдешь в землю». По мысли автора, человеческое тело невечно, после смерти оно превратится в землю. Острое желание увидеть родину, преодолеть пространственные и политические преграды воплощается в ярком образе вольной птицы, которая парит над родными просторами:

¹ Артёменко Н.С. Жанры послания и посвящения в творчестве поэтов русского зарубежья (С. С. Бехтеев и И. И. Савин) // *Initium. Художественная литература: опыт современного прочтения*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. Вып. 3. С. 50.

² *Зенкин С.Н.* Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 21.

³ Желтова Н.Ю., Еремина Т.Ю. Женские образы в поэзии Н. Н. Евсеева: художественно-типологическая специфика // *Казанская наука*. 2022. № 12. С. 12–14.

«О, если было бы возможно
 Найти луга за синей мглой!
 Найти луга, в степи бурьяны,
 Гурты быков, стада овец
 И предрассветные туманы,
 Где пахнет сладостно чабрец»¹.

Следующее посвящение 1940 года по настроению является уже более личным: в тексте есть обращения к адресату («в жизни будь, как был в разъездах», «поживешь еще, мой друг»), конкретные индивидуальные характеристики Туроверова («осторожен, зорек, смел»). Благодаря обращениям на «ты» в стихотворении создается ощущение близкого общения двух поэтов. Евсеев как будто в дружеской беседе успокаивает товарища, находившегося уже 20 лет в эмиграции: «На Дону родном песчаном поживешь еще, мой друг». Автор также подмечает особый талант Туроверова, его умение радоваться несмотря ни на что и воплощать это настроение в творчестве:

«Слышать радость в конском ржанье,
 В хриплом пенье петухов,
 В эмигрантском прозябанье,
 В разговорах дураков.
 Радость жизни – радость силы.
 Верный голос твой поет»².

Третье стихотворение, связанное с именем Туроверова, написано в 1952 году. По сравнению с остальными оно самое трагичное по настрою и при этом самое личное. Евсеев в эпиграф помещает строчку из стихотворения Туроверова

¹ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 14.

² Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 82.

«Буян», посвященного, в свою очередь, смерти П. И. Кумшацкого, донского казака, умершего во французской эмиграции:

«Это право мертвому лежать
Под Парижем на погосте Женеьевы»¹.

Таким образом, происходит двойная адресация, произведение звучит полифонически. В «Буяне» Туроверов выразил глубокое отчаяние от невозможности вернуться на родину. Уже тогда, в 1952 году, он осознавал, что наверняка воспользуется этим правом – «мертвому лежать под Парижем на погосте Женеьевы». Евсеев неслучайно выбрал именно это произведение. Он, в свою очередь, отвечая Туроверову, пишет свое стихотворение-признание, оставляя последнюю надежду увидеть родину:

«Да, мой друг, березки Женеьевы
Обещают нам во Франции покой.
Земляки направо и налево,
Русский храм – наш верный часовой»².

Мотив смерти в этом стихотворении проявляется и за счет характера исповедания: поэт будто кается у священника, признавая то, что грешен. Однако самого страшного для него греха поэт избежал, он остался верным родине и с гордостью об этом говорит:

«На суде скажу, как и сегодня:
«Родине на миг не изменил»»³.

¹ Туроверов Н.Н. Стихи. Париж: Б.и., 1942. С. 79.

² Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 91.

³ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 91.

Неслучайно, что такое исповедальное стихотворение было дополнено цитатой из стихотворения Туроверова, до конца преданного родине и даже в эмиграции продолжавшего хранить память о традициях и истории казачества.

Интересны также два стихотворения, посвященные Б. П. Попову, земляку поэта, родившемуся в Тамбовской губернии, в селе Рассказово. Первое из них было написано в 1935 году. Попов не был казаком, до призыва на военную службу жил в селе Сторожевские Хутора Воронежской губернии, где, вероятно, и познакомился с Евсеевым. В ряды Рабоче-крестьянской Красной армии Попов был призван в 1925 году. Во время срочной службы он был направлен в школу средних командиров, по окончании которой служил в стрелковом полку.

В стихотворении Евсеев будто рассказывает своему другу о казачестве, о борьбе с красными за свободу и свою землю. Личность самого адресата не выводится в центр повествования, в этом стихотворении он становится олицетворением всех офицеров:

«Как всегда, вперед шли офицеры,
Позабыв о горечи обид.
Шли они с горячей верой,
Что Господь Россию сохранит»¹.

Удивительно, что Евсеев посвящает стихотворение о войне белых и красных советскому офицеру. Вероятно, для поэта это не было препятствием: адресат был ему товарищем и образцом настоящего военного командира.

Подтверждение этому можно встретить в стихотворении «Офицеры», написанном уже в 1959 году, после войны. По настроению оно более трагично. Здесь отчетлива отдаленность в пространственно-временном отношении от адресата, Попов упоминается уже после его смерти. Офицер-танкист героически погиб в 1941 году, в самом начале Великой Отечественной войны, отражая

¹ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 59.

наступление немцев на Северо-Западном фронте. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Стихотворение посвящено памяти майора, но с помощью заглавия поэт под одним адресатом обобщает всех защитников родины в те годы. Здесь офицер Попов становится их олицетворением, а посвящение расширяется до простых русских людей, героизм которых был природного, космического масштаба:

«Они и солдаты в полях умирали
За русскую землю, за честь, за народ.
Склоненные травы над ними шептали,
А звезды, как свечи, мерцали с высот»¹.

Такое постепенное расширение адресата до общности людей с близкой автору системой ценностей является отличительной чертой посвящений Евсеева. Очевидно, что в этом стихотворении несколько адресатов: первый четко обозначен в посвящении и является конкретным человеком, но в тексте прямо не упоминается. Второй – представлен в заголовке в виде общности русских офицеров, дороживших родиной и честью. Третьим адресатом становится читатель, перед которым поэт актуализирует необходимость памяти о героях. Посвящение в стихотворении носит ярко выраженный диалогический характер, обращено и к конкретной личности, и к народу в целом.

В этой связи наиболее пронзительными у Евсеева являются стихотворения, обращенные к самым близким людям: сыну и матери. Адресация сыну связана с желанием передать ему свой непростой жизненный опыт. Послания же матери проникнуты «светлой печалью» и навевают воспоминания о России.

Одно из самых ярких стихотворений, посвященных сыну, называется «Счастье» (1940). Авторское присутствие здесь проявляется в корреляции посвящения и заголовка, при соединении которых образуется некое пожелание:

¹ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 59.

«Счастье» «моему сыну». Поэт желает передать потомкам особое состояние, которое он испытал на родине, радость юности, проведенной в России, и честь быть русским до конца:

«Спасибо, память, терпеливо
Хранишь ты райское житье
И радость юности счастливой
И счастье русское мое, —
Родиться русским и остаться,
И это счастье уберечь,
Когда бы, где бы ни скитаться —
Таким, как деда, в землю лечь»¹.

Важно отметить, что в этом стихотворении поэт изображает русское пространство, упоминая точное место («тихое счастье на Хопре») и былые времена, старшее поколение («как деда, в землю лечь»). Через посвящение поэт устраивает своеобразный диалог настоящего со своим казачьим родом, героическими предками.

В пространственном отношении примечательно и то, что в этом стихотворении описывается природа Тамбовской губернии: река Хопер — крупнейший левый приток Дона, большая река Тамбовской губернии (ныне в Воронежской области). Таким образом, эта малая родина стала островком счастья, маленьким раем для будущего поэта, воспоминания о котором он пронес через всю жизнь и желал передать сыновьям и внукам:

«Опять, опять воспоминанья
О тихом счастье на Хопре,
О райском будто бы летанье
Стрижей, касаток на заре»¹.

¹ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 22.

В другом стихотворении, обращенном сыну, художник подробно описывает русскую природу. Произведение почти полностью состоит из однородных дополнений, составляющих в памяти поэта образ родины и представляющих статичную картину прошлого. В нем отсутствует действие, нет глаголов, кроме одного инфинитива («забыть ли...»). Ощущение диалога между отцом и сыном поддерживается чередой риторических вопросов:

«Забыть ли мне поля пшеницы
И телеграфные столбы
Левады, хутора, станицы,
Веселье пыльной молотьбы?
Забыть ли пруд степной с плотиной,
Коротконого сурка,
Бурьян под шелком паутины,
Напев тоскливый кулика»².

Поэт выстраивает характерную линию от прошлого к будущему: от подробных воспоминаний о родине до обращения к потомкам. Объясняется это пространственно-временной диалектикой творчества большинства эмигрантов, где хронотоп отчего дома предстает более конкретным, но при этом идиллическим и статичным, а будущее развивается и тяготеет к вечному, непреходящему. Это придает еще большую значимость адресности произведения, его внутреннему диалогу с разными временами и пространствами. Адресация здесь также теряет конкретность, расширяется от сына к внукам и в целом к последующим поколениям, в которых поэт видит надежду на воссоединение с родиной:

¹ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 22.

² Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 9.

«Мне хотелось бы оставить внукам
Своей любви какой-то след –
Мой след хождения по мукам
На протяжении долгих лет»¹.

Тот же риторический вопрос «Забыть ли мне...?» встречается у Евсеева в послании «Матери» (1958), где также прослеживается двухуровневость хронотопа. Вначале поэт показывает прощание с матерью на вокзале много лет назад, а далее мечтает о долгожданной встрече с ней на небесах. В прошлом автор изображает конкретное время и пространство («был вечер», «старый вокзал»), в будущем же прямого указания на время нет, а пространство предстает в идиллическом, райском образе («в надзвездном краю без печалей»). Стоит отметить, что образ матери также наделен божественными чертами («была ты всегда неземною», «мой ангел бескрылый родной»). Однако должной для жанра послания конкретики в образе нет. Более того, в последней строфе, в которой происходит предполагаемая встреча двух душ на небесах, говорится:

«Обнимутся души родные.
Так радостны будут они
И вспомнят прощанье, Россию,
Прекрасные страшные дни»².

Заключительные строки стихотворения разрешают вопрос о жанре. Слияние образов сына и матери в конце стихотворения свидетельствует о том, что адресатом послания здесь скорее выступает сама Россия, а мать является ее прямым олицетворением.

Анализ паратекстовых единиц лирики Евсеева позволяет судить об особенностях художественного стиля и образной системы поэта, его жанровых

¹ Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 9.

² Евсеев Н.Н. Дикое поле. Стихи. Париж: Родимый край, 1963. С. 236.

предпочтениях и духовных устремлениях. Различные формы авторского присутствия, широкий круг адресатов, сращивание жанров послания и посвящения свидетельствуют о диалогичности как яркой черте творчества Евсеева.

Традиционно представителями казачьей творческой элиты в эмиграции были в основном белые офицеры. Это закономерно следовало из духовных основ и патриархального уклада казачества. Однако среди казачьих писателей первой волны появились и женские имена. Одной из самых ярких казачьих поэтесс была М.В. Волкова, чье наследие до сих пор остается малоизвестным на родине. Творчество Волковой было положительно оценено современниками. Так, П.Н. Краснов писал о ней: «Незаурядная русская поэтесса, певица казачьей доблести, скорби и неизбывного горя»¹.

Особо отмечал талант Волковой и В.Ф. Ходасевич. Познакомившись с ее стихотворением «Землепроходцы» в сборнике «Казачий альманах», выпущенном в конце 1930-х годов «Кружком казаков-литераторов», он с восхищением писал: «...Тут столько умения сказать все, что надо, что это приходится назвать уже настоящим мастерством»².

В эмиграции при жизни поэтессы вышли всего две книги стихов: «Песни о Родине» (Харбин, 1936) и «Стихи» (Париж, 1944). После смерти ее близкая подруга Ильза Фрей, которой были посвящены произведения «Встреча» и «Венок», издает подаренный поэтессой рукописный сборник «Стихотворения» (Мюнхен, 1991). В предисловии к этому сборнику Г.М. Семенов обратил внимание на особую музыкальность произведений Волковой, а также их строгость, целомудрие, простоту и ясность³. Интересным и новым в ее цикле о Сибири он также отмечает образ тайги: «Это лес, не трава, / Лес, разросшийся

¹ Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

² Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

³ Волкова М.В. Стихи. Мюнхен: Петер Д. Штайн, 1991. 217 с.

буйно и дико! / А вверху синева, синева, / И душа, распустившись едва, / Ищет в ней, / Сквозь пронизанной златом лучей, / Очертаний Господнего лика»¹.

Поэтесса также публиковалась во множестве эмигрантских сборников, газет и журналов: «Возрождение» (Париж), «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-Майне), «Содружество» (Вашингтон), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Родимый край» (Париж), «Русская мысль» (Париж), «Современник» (Торонто), «Сибирский казак» (Харбин) и др.²

Родилась Волкова 2 (15) октября 1902 г. в г. Усть-Каменогорске Семипалатинской области (теперь – Восточно-Казахстанской) в семье сибирского казака и уральской казачки. Поэтесса могла гордиться своей родословной. Ее отец, Вячеслав Иванович, по семейной легенде, принадлежал к роду, ведущему начало от одного из казаков дружины Ермака. В истории сибирского казачества он известен как русский военачальник, участник Первой мировой и герой Гражданской войн, кавалер ордена Святого Георгия IV степени, Георгиевского оружия и множества других наград. Мать, Анна Сергеевна, родилась в Уральске в 1881 году и происходила из знатного старинного казачьего рода Толстовых³.

Детство поэтесса провела в Джаркенте, недалеко от границы с Китаем. Семья Волковых часто переезжала из-за службы отца. Здесь стоит упомянуть, что, родившись далеко от центра России, Волкова оказалась знакома и с Тамбовским краем. Так, в 1917 году ее отец получил назначение возглавить 7-й Сибирский казачий полк, который был расквартирован в Кокчетаве. Жена и дочь, бывшие на тот момент в Петрограде, отправились к нему. Дорога была сопряжена с большими трудностями, на этом пути им пришлось задержаться в том числе и в Тамбовской губернии.

После Революции отец Волковой был одним из руководителей антибольшевистского военного подполья и контрреволюционного восстания в

¹ Волкова М.В. Стихи. Мюнхен: Петер Д. Штайн, 1991. С. 7.

² Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

³ Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

мае-июне 1918 года. В это же непростое время поэтесса связывает свою жизнь с личным адъютантом отца – Александром Эйхельбергером, сыном лютеранского пастора из Сувалкской губернии (Литва). Родина мужа в 1922 году приняла молодую семью после того, как в Сибири был разбит полк отца поэтессы, где он погиб, не согласившись на плен. Впоследствии, не пережив потрясений, от болезни умерла и мать Волковой.

Более того, по дороге в Литву поэтесса с мужем теряют новорожденную дочь: «Моя родина потребовала от нас еще одну жертву: наша девочка не перенесла зимнего путешествия в холодных вагонах, заболела воспалением легких и умерла...»¹. Пережить горе ей помогли муж и погружение в творчество.

В 1922 году, немного оправившись от трагедии, Волкова с мужем все же выехала в Литву, на родину супруга, где они прожили около десяти лет, а затем переехали в Германию. Тесное общение с друзьями-писателями поддерживало Волкову морально, а также материально. Так, Н.Н. Туроверов и П.Н. Краснов помогали ей печататься в казачьих и общеэмигрантских изданиях. Туроверов пересылал ее стихи в газету «Русская мысль», издававшуюся с 1947 г. в Париже. Евсеев, также бывший хорошим другом Волковой, по воспоминаниям поэтессы, «долго копил деньги», чтобы помочь ей в издании сборника стихов. Впоследствии Волкова от выпуска книги отказалась, потому что принять такую жертву не могла.

Жизнь на чужбине давалась Волковой тяжело: постоянные скитания во время войны, плен сына, послевоенный голод, смерть мужа и собственная тяжелая болезнь – все это могло сломить поэтессу и морально, и физически. Однако Волкова каждый раз демонстрировала недюжинное мужество и находила в себе силы жить, спасаясь творчеством:

«Так значит – жить! – Не самосохранением,
Но чтобы распрямилось и окрепло

¹ *Тарлыкова О.М.* Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7.
URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

В широком безопасном поднебесье
Затравленное горем естество...»¹.

До последних дней, несмотря на слабеющую память и немощность от прогрессирующей болезни, Волкова продолжала трудиться над последним сборником стихов. Однако 7 февраля 1983 г. поэтесса умирает в госпитале Оттерсвейера в Германии, так и не успев увидеть при жизни это издание. Благодаря стараниям близкой подруги Волковой – Ильзы Фрей в 1991 году в мюнхенском издательстве «Петер Д. Штайн» вышел последний сборник поэтессы. В него вошли также стихотворения, которые ранее публиковались в эмигрантских литературных сборниках, журналах и газетах в Париже, Нью-Йорке, Харбине².

Ильза Васильевна Фрей, жена пастора – беженца из Эстонии, временно возглавлявшего приход, помогала семье Волковой продуктами, теплыми вещами, спасая тем самым от голодной гибели. Членов семьи Волковой Германии признали «безнадежно-безработными»³.

Фрей выросла в России, была русской по культуре, тоже имела трудную судьбу. Она стала для Волковой единственным духовно близким человеком в окрестности Геммингштедта, первой читательницей многих ее произведений. Поэтесса посвятила Фрей стихотворения «Встреча» и «Венок», а также подарила рукописный сборник стихов⁴.

Во «Встрече» Волковой подчеркивается особая связь с подругой и томительное ожидание их недолгого общения: «О, недолгая радость встреч, / Что так долго напрасно снится!»⁵. Поэтесса спасается короткими свиданиями с Фрей, ведь только с подругой она могла поговорить по душам, только ей она могла

¹ Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 13.

² Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

³ Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

⁴ Тарлыкова О.М. Жизнь и творческий путь Марии Волковой // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.

⁵ Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 138.

«рассказать себя до тла»¹. Общий печальный пафос в начале произведения создается приемом контраста: на фоне внешнего чужого счастья «пели птицы, пахла трава», лирическая героиня ощущает безнадежное отчаяние и тоску: «Щебетали не наши дети. / Стали реже, скупей слова»². Интересна также используемая поэтессой метафора времени: Волкова сравнивает «драгоценные минуты» дружеских встреч с хрупким осколком, который будто капля воды, быстро отпав, разбивается.

Фрей, как никто, понимала Волкову, ведь судьбы обеих были трагичны и тем похожи. Так, в стихотворении «Венок» лирическая героиня сострадает подруге, потерявшей мужа. Поэтесса, к тому моменту пережившая столько скитаний, гибель дочери, плен сына, хорошо понимала боль подруги: «Твоей скорби ощущаю остроту, / ей венок душою скорбною плету!»³

После ряда риторических вопросов, возникающих у каждого страдающего ближнему в тяжелый момент «как утешить? чем одобрить? что сказать?» Волкова дает ответ – собственные представления о жизни и смерти – и заявляет о том, что душа, настоящие чувства не умирают, «потому что погибают плоть и кровь, / но не гибнет совершенная любовь!»⁴

Тяжелая судьба казачьей поэтессы привнесла в творчество печальный, даже трагический пафос: видевшая боль и смерть родных, она часто откликалась на уход близких людей, посвящая им посмертные стихотворения. Одно из таких произведений – «Последнее пламя» – Волкова написала после смерти Ю.А. Туровой, жены донского казачьего поэта Н.Н. Турова, который являлся товарищем и наставником поэтессы. Первая строчка стихотворения звучит почти как упрек «покорилась судьбе, не боролась», ведь сама поэтесса по жизни предпочитала терпеть и бороться с трудностями, которые были уготованы судьбой.

¹ Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 138.

² Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 138.

³ Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 138.

⁴ Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 138.

Волкова сравнивает гибель женщины, которая «дождалась благого конца» с «налившимся колосом под серпом неизбежным», подчеркивая при этом полное принятие судьбы покойной. В этом произведении поэтесса также размышляет о приостановившейся, но не умершей любви двоих, один из которых ушел в иной мир. При этом людскую «вечную» память поэт берет в кавычки, подчеркивая заложенный в этом словосочетании оксюморон, ведь человек смертен, а значит и его память тоже конечна в отличие от покоя, который ожидает душу на том свете и «поистине вечен». Однако такие стихотворения обращены больше не к ушедшим, а скорее к переживающим утрату живым, являются для них поэтическим утешением – в этом случае вдовца Туроверова.

Центральная фигура казачьей эмигрантской поэзии – Н.Н. Туроверов высоко ценил творчество Волковой. Более того, он даже считал поэтессу своей преемницей. Так, в письмах Краснову 1941 года он называет ее «моя душеприказчица, моя литературная наследница, моя крестовая сестра»¹.

Действительно, лирика двух поэтов имеет схожие черты: для их творчества характерна простота формы, сопровождающаяся глубоким содержанием, особая музыкальность и образность. Интересно и то, что в определенный момент среди казаков-эмигрантов даже прошел слух о том, что никакой поэтессы Волковой нет, а за ее фамилией, якобы как за псевдонимом, скрывается Туроверов. Поэтесса и ее товарищи быстро развеяли этот миф, однако он в свою очередь только подчеркивает родство поэтических стилей обоих авторов.

По сравнению с Евсеевым в творчестве Туроверова не так широко распространена адресация, а имеющиеся посвящения направлены, как правило, мужчинам. Среди адресантов-женщин у поэта значатся жена, дочь и некоторые деятели русского зарубежья. Но имя Марии Волковой чаще всего упоминается поэтом в стихотворениях и письмах. И это взаимно.

У Волковой и Туроверова много перекличек в творчестве: взаимных посвящений, посланий, а также схожих тем и мотивов. Так в их творческом

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 437.

общении интересно раскрывается тема поэта и поэзии, а также образ музы. У Волковой в стихах активно представлена идея сохранения внутреннего стержня, духовной силы, а также терпения, рождающего добродетель:

«...Распрямись, крохи сил собери,
Принимая страданье как милость! —
Есть таинственный стержень внутри,
Чтоб душа твоя не надломилась!»¹.

Туроверов четко подметил этот «таинственный стержень» в стихотворениях поэтессы, ведь и он в своем творчестве старался следовать православным принципам смирения и радости вопреки. Так, в стихотворении «Погост», посвященном Волковой, он рассказывает о «днях жестоких бед», о том, что ему тоже часто случалось переживать тёмные времена и моменты отчаяния. Однако, будто обращаясь к собеседнице и подбадривая её, далее он отмечает, что даже в самые тяжёлые моменты творчество всегда спасало его:

«Но снова музы голос милый
Меня из мрака вызывал,
Провал зияющей могилы
Травой снова заростал,
И, зову нежному подвластный,
Я славил вновь сиянье звезд,
И светлый день, и вечер ясный
И зеленеющий погост»².

Стихотворение условно можно поделить на две контрастные части: тьма и свет. Основным приемом произведения становится антитеза. Первая часть

¹ Волкова М.В. Стихотворения. Мюнхен: Петер Д. Штайн. 1991. С. 180.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 129. ё

наполнена образами пугающих теней, «черной гостьи», тьмы и «адского огня», тогда как во второй части мрак сменяется на «зов нежный», сияние звезд, «светлый день и вечер ясный», а «зияющая могила» – на «зеленеющий погост». Таким образом, посвящая это стихотворение Волковой Туроверов, как наставник, старался поддержать ее через творчество и донести мысль о том, что как бы ни было трудно, необходимо сохранить тот самый свет в душе, называемый вдохновением, музой.

После вхождения Волковой в кружок казаков-литераторов, Туроверов почти по-отечески относился к ней, особо выделяя ее среди других поэтов. Так, мотив избранничества звучит в посвящённом ей стихотворении «Звезда», написанном в 1950 году. Туроверов снова обращается к Волковой через творчество, намекая на то, что она избрана Богом:

«Ты все поешь о жизни тесной,
Но погляди: в свой час ночной,
Какой единственной, чудесной
Над нашей страшной нищетой
Звезда заветная сияет...
Так знай же ты, как кто-то знает,
Тебя не видел никогда,
Что это верная звезда...»¹.

В этом стихотворении снова встречается образ единственной, заветной «звезды чудесной» и отсылает нас к образу Вифлеемской звезды, указывающей на божественную природу человека и его уникальную судьбу. В этом символе видится тот же образ музы, освещающей путь поэта.

В том же году, месяцем позже, Волкова в ответ посвящает Туроверову стихотворение, напечатанное в журнале «Русская мысль». В нем поэтесса

¹ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 251.

поддерживает туроверовский мотив звезд как чего-то высокого, лишённого земной обременённости и человеческих проблем. Эта способность не отчаиваться в суровой жизни на чужбине, вдохновляться звездным светом, тем, что идеально и вечно, по мысли Волковой, и объединяет их с Туроверовым:

«Дороги наши не сошлись
В юдоли странствий и печали,
Но нас одна манила высь,
И те же звезды нам сияли»¹.

Более того, в конце стихотворения Волкова приходит к выводу о том, что, несмотря на все тяготы судьбы, выпавшие на ее долю, она всецело принимает поэтический дар и счастлива быть им награжденной: «Какое счастье на земле – / Родиться и прожить поэтом!»². Таким образом, в творчестве Волковой и Туроверова через мотивы звезды и звездного света показано божественное происхождение поэзии, отмечено огромное значение творческого вдохновения.

Более того, у Туроверова муза иногда проявляется в образе казачки. Так, в одноименном стихотворении 1954 года, также посвященном Волковой, он будто беседует с ней о ее значении в жизни казачьего поэта:

«Тебе ль, с жестоким словом на устах,
Нести другое – не казачье – знамя,
Когда лежат у вечности в ногах
И совесть оскудевшая и память?»³

¹ Туроверов Н.Н. Бурей растревоженная степь!.. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2008. С. 282.

² Туроверов Н.Н. Бурей растревоженная степь!.. Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2008. С. 282.

³ Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 259.

Примечательно, что, говоря о «казацкой музе», Туроверов упоминает классиков русской литературы, вдохновлявшихся казачеством. Первым указывается А.С. Пушкин, проезжавший вольные станицы во время путешествия по югу России летом 1820 года. На Кубани поэт познакомился с уникальной природой края, с обычаями и традициями казаков. Пушкин писал своему брату: «...Видел я берега Кубани и сторожевые станицы, любовался нашими казаками... Вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности!»¹. Эта поездка дала новый виток вдохновения поэту.

Далее в стихотворении Туроверов упоминает М.Ю. Лермонтова и его «Казачью колыбельную», в которой внутреннее содержание и форма выдержаны в духе казачьих традиций: поэт использует фольклорные и православные мотивы («стану сказывать я сказки», «баюшки-баю», «образок святой», «стану целый день молиться»), раскрывает песенность казаков («песенку спою»), а также демонстрирует их особое отношение к ратному делу («бранное житье», «готовясь в бой опасный»). Интересно, как в этом произведении реализуется идея героев своего времени: возмущение молодым поколением, звучащее в лермонтовском рефрене из «Бородино» «богатыри не вы», заменяется здесь на веру в казаков:

«Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
<...>
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой»².

Так Туроверов показывает, что казачье мироустройство считал гармоничным и Лермонтов.

¹ Пушкин А.С. Письма. Пушкину Л. С., 24 сентября 1820 г.
URL:https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1820/1196_13.htm.

² Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 140.

В стихотворении «Казачка» у Туроверова появляются образы Н.В. Гоголя, провожавшего «до порога» казачьих сынов, и Л.Н. Толстого, по словам Туроверова, также вдохновлявшегося казачьей культурой. Так, в своих записных книжках от 2 апреля 1870 года Толстой даже высказывал достаточно смелую мысль о том, что «всю историю России сделали казаки»¹, намекая на то, что благодаря своей боевой подготовке и военным традициям казачьи части играли значительную роль во все важные периоды истории Российского государства.

Таким образом, Туроверов, посвящая это стихотворение Марии Волковой, пытался хотя бы на расстоянии поддержать ее в нелегкие времена эмиграции, ведь видел в ней недюжинный поэтический талант и чувствовал особую с ней связь, поэтическую преемственность. Он был уверен, что казачья муза, которой вдохновлялись и многие классики – ценный дар, в котором стоит искать спасение и радость.

Самое позднее стихотворение, адресованное Волковой, Туроверов пишет в форме послания, вынося ее имя и фамилию в заголовок. В нем уже нет диалога и прямого обращения к ней, скорее присутствует философское рассуждение о нелегкой судьбе поэта:

«Хорошо, что все по-разному одеты.
Разные люди и дома.
Генерала отличают эполеты,
А поэта – нищая сума»².

Поэт сравнивает парадные генеральские погоны, которые с гордостью носят офицеры с нищетой поэтов, которую они, по его мысли, должны проживать также достойно. Адресуя очередное произведение Волковой, Туроверов неуклонно следует одной и той же идее: как бы поэту подчас не было тяжело нести людям истину, это его божественное предназначение.

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1952 г. Т.48. С. 123.

² Туроверов Н.Н. «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений. Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. С. 264.

Эта же мысль звучит также в поздних стихотворениях Волковой – посвящениях Б.К. Зайцеву, В.П. Барсову, Т.А. Баженовой, А.И. Калугину, памяти Г.В. Иванова, Б.Л. Пастернака.

Таким образом, можно прийти к выводу, что посвящения, послания, эпиграфы, заглавия в творчестве Н. Н. Евсеева, М.В. Волковой являются частотными формами художественной коммуникации, в которой участвуют автор, адресат (адресаты), читатель. Более 30 стихотворений сборника Н. Н. Евсеева «Дикое поле» содержат различные элементы паратекста. Поэт выстраивает многоуровневые диалоги без ограничений во времени и пространстве, формируя необходимый культурно-исторический контекст своих произведений, обусловленный особенностями существования художника в эмиграции. Среди адресатов лирики наиболее часто выступают Н. Н. Тuroверов, Б. П. Попов, сын и мать художника. Их образы позволяют расставить необходимые смысловые акценты в произведениях, которые всегда имеют нравственную составляющую и касаются таких категорий, как любовь к родине, вера, дружба, семья, преемственность поколений. С образами сына и матери Евсеев метафорически связывает будущую и покинутую Россию. Значимое место в лирике Евсеева занимает духовно-природное пространство Тамбовского края, на фоне которого через адресатов выстраивается диалог между прошлым и будущим, родным и чужим, эмигрантским и советским.

Акты творческого общения Волковой и Туроверова, их посвящения и послания друг другу становятся особым литературным явлением, позволяющим глубже рассмотреть истоки некоторых образов и мотивов в их стихотворениях. Так, сходным в творческом понимании казачьих поэтов становится образ музы, с которой часто связаны образы звезд или звездного света. Интересна также тема поэзии, наиболее глубоко раскрывающаяся непосредственно через поэтическую коммуникацию поэтов и восходящая к пушкинской идее поэта-пророка, который только пройдя через страдания способен духовно направлять и просвещать людей.

В качестве перспектив исследования творчества Н.Н. Евсеева, М.В. Волковой можно назвать восстановление творческих биографий поэтов, которые до сих пор носит фрагментарный характер, установление связей художников с Россией, системное описание национального, литературного, культурно-исторического контекста лирики Евсеева и Волковой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной миссией казачьей поэзии в эмиграции было спасение и сохранение культурно-исторической общности русского казачества. Решение такой масштабной задачи породило целую плеяду талантливых поэтов, прозаиков, журналистов и общественных деятелей.

В европейских странах в 1920–1930-е годы стали также появляться многочисленные казачьи общества, организации и издательства, основной задачей которых среди прочих являлось сохранение культуры казачества, помощь молодым казачьим писателям, а также препятствование ассимиляции казаков с местным населением.

Стоит отметить широкую географию многочисленных казачьих изданий по всему миру: в Харбине, Париже, Праге, Белграде, Софии, Берлине, Братиславе, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и других городах выпускались казачьи журналы, газеты, сборники. Их количество на сегодняшний день не поддается точному подсчету.

Казачьих писателей во многом объединял и курировал Н.Н. Туроверов. Он как старший товарищ помогал друзьям-казакам в жизни и творчестве, а также брал под свое крыло молодое поколение. Поэт стремился к объединению эмигрировавших казаков на основе всего того, что было дорого каждому из них: общей истории, традиций, привилегий и вольностей, дарованных в связи со служением России. Большинство стихов Туроверова посвящено России, в них чувствуется искренняя к ней любовь и глубокая тоска по родным донским степям.

Православные мотивы стали одними из доминирующих в поэзии Туроверова. У него нет философских рассуждений о Боге, вера казаков включена в привычный ход вещей и носит всеобщий характер. Туроверов перемежает воспоминания о сезонных работах казаков на земле и важных религиозных праздниках, подчеркивая тем самым некую обрядовость казачьего православия, тесную связь с природой.

В творчестве Туроверова собственно христианские постулаты часто сочетаются с национальным мировоззрением и миропониманием казачества. Святостью в его стихотворениях наделена и воля – неотъемлемый атрибут казачьей души. В творческом сознании поэта «воля» – особое состояние духовной независимости, ничем не ограниченного простора и удалого разгула. Слово «свобода» также присутствует в лирике Туроверова, но чаще всего используется им в произведениях о Франции, Париже и обозначает скорее физическую и психологическую безопасность, демократические ценности.

Можно проследить эволюцию христианских мотивов у Туроверова. Если в лирике 1920-х годов Господь изображается Туроверовым спасителем для всех казаков, то в 1930-1940-х годах поэт приходит к более личному пониманию Бога как Отца и Творца. Художник видит божественное веление в своем творчестве, переосмысливает все страшные события своей жизни и приходит к осознанию своего великого предназначения – «петь о Божьей власти», появляется мотив чудесного. В позднем творчестве 1950–1960-х годов преобладает жанр элегии с обязательным присутствием христианских мотивов. Поэта преимущественно интересуют образы одиночества, смерти, будущей «неземной» жизни, он верит в грядущее воскрешение для всего страдающего казачества.

Другой особенностью творчества Туроверова как казачьего поэта является его обращение к этике и эстетике народной песни. Ее мотивы являются сквозными и присутствуют во всем творчестве поэта. В 1967 году Туроверову удалось опубликовать сборник казачьих песен под одноименным названием. Он справедливо считал, что казачьи песни, представляющие собой синтез религиозных воззрений, старинных преданий и лирических размышлений, являются квинтэссенцией духовной культуры казачества.

В форме казачьей песни поэт выстраивает отдельные стихотворения и подбирает в качестве эпиграфа отрывки из них. Мотив песни в его стихотворениях в целом проникнут историчностью. Исторические сюжеты поэтически обработаны, но часто в них встречаются литературные герои и известные лица. Веселые, жизнеутверждающие и вольные казачьи песни как

символ самой жизни в сознании поэта противопоставляются французским песням, «заунывным, глухим», символизирующим смерть.

Отношение Туроверова к Франции за 52 года эмиграции неоднократно менялось. В первое время поэт проявлял живой интерес к чужой стране, культуре, поэтому в его стихотворениях этого периода большое внимание уделяется историческим реалиями, лицам и объектам. Однако позднее образ Франции в поэзии Туроверова лишается яркости, детализированности, в стихах поэта отсутствуют восторженные описания, комплименты, реверансы в адрес принявшей его страны.

Характерным для стихотворений Туроверова о Франции является мотив осени, которая для лирического героя символизирует печальное предчувствие грядущего конца, время «увяданья», осознание уходящей молодости. Поэт при всей благодарности к чужой стране ощущал смертельную тоску и безысходность, смутно предчувствовал, что умереть ему суждено здесь. Поэтому так часто встречается в стихотворениях Туроверова образ известного кладбища-пантеона российских изгнанников Сент-Женевьев-де-Буа.

Поэту по большому счету неважно, был бы его пристанищем Париж или какой-то другой город. В восприятии Туроверова существуют только членение мира на «свое» и «чужое», то, что присуще творчеству большинства эмигрантов. Это противопоставление встречается во многих стихотворениях художника. Для поэта «свое» и родное всегда находится «там», оно далеко и недоступно. «Чужое», напротив, окружает его «здесь», но оно замкнутое и ограниченное, не дающее простора для чувств. Поэт ощущал себя узником в свободной стране, а Париж был для него красивой, уютной тюрьмой.

Противопоставление «свое»–«чужое» нашло яркое отражение также в цикле стихотворений Туроверова «Легион». Поступив во время Второй мировой войны в Иностранный легион, входивший в состав сухопутных войск Франции, он пытался обрести полузабытое ощущение воли, ассоциирующееся только с родной станицей.

Поэт смог внести вклад в поэтический миф об Иностранном легионе – прибежище разочаровавшихся в жизни и любви сильных мужчин, желающих вновь обрести себя в пустынном краю сурового мужества, полного опасностей, экзотики и далекого от благ цивилизации. «Африканская тема» Туроверова созвучна творчеству Н.Н.Гумилева. В «африканских» стихотворениях поэтов присутствует мотив духовного исцеления, который что проявляется в признании ценности земной жизни.

В культуре казачества всегда особенно ценилось глубокое единение человека с природой, однако в Африке подобное понимание мира у казачьего поэта углубилось и проявилось в восхищении первобытностью и дикостью человеческой натуры. Здесь появляется не свойственный Туроверову любовно-романтический мотив.

Потеряв родину, поэт старался найти ее внутри себя, а опыт службы в Иностранном легионе расширил границы «родного» и «своего» до общечеловеческих. Внешние жизненные катастрофы дали толчок мощному духовному росту поэта. Обретение любви ко всей земле во многих ее проявлениях, а значит и признание всего мира своим домом воспринимается поэтом как божественное чудо. У Туроверова в цикле прослеживается начало некоторого примирения с «чужим», которое позже откликнулось в его стихах о Франции.

Примирение с судьбой в творчестве поэта часто связано с чувством тоски. В творчестве 1920-х годов – это тоска по России, по родной земле, казачьей станице, но этому чувству не дает полностью развиваться врожденный оптимизм поэта. Эта светлая тоска скорее дает ему вдохновение. Со временем этот мотив несколько углубляется: поэт осознает трагедию не только личную, но и общую. Он тоскует о воле и традициях, утраченных ценностях и устоях казачества. Здесь тоска становится деятельной, поэт просит у Господа милости для «казаков-эмигрантов».

В поздних стихотворениях Туроверова мотив тоски становится ведущим, к нему присоединяется мотив памяти. Поэт ясно понимал, что утрата традиционных

ценностей приведет к обнищанию человеческого духа. Это была его личная боль, которую он стремился преодолеть посредством творчества через предостережения потомкам.

Мотив смерти в поздних стихотворениях Туроверова становится доминирующим: в произведениях упоминаются усопшая мать, могила жены, «черный ворон» из старой казачьей песни, который вьется над героем, предвещая трагедию. Также частотны образы погостов и казачьих похорон.

Поэт глубоко увлекался историей и культурой своего отечества и много сделал для их сохранения и популяризации во Франции. Особого внимания заслуживает публицистическая деятельность Туроверова. В этой связи интересна статья, посвященная легендарному казачьему полковнику В.М. Чернецову. Она носит во многом автобиографический характер, поскольку поэт воевал в его отряде.

Туроверов описывает аморальное, гнусное поведение революционеров, постоянно оскорблявших и избивавших пленных. Этим бесчинствам противопоставляется благородство Чернецова, который даже в плену не терял достоинства и до последнего не отступал от своих убеждений. За каждым его действием стояла вера и любовь к казачеству и Дону. Он многое сделал для Белого движения и среди казаков его справедливо называют героем.

История этой легендарной личности отражена и в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон». Здесь Чернецов предстает все тем же отчаянным полководцем, каким вспоминал его Туроверов, принципиальным и сильным, не дающим слабину ни себе, ни своим казакам.

Примечательно, что оба писателя, и Туроверов, и Шолохов, подробно останавливаются именно на сцене кончины казака. Это может быть объяснено тем, что среди казаков смерть в бою воспринимается спокойно и смиренно, поскольку они военный народ. Таким образом, выражением истинного подвига во имя родной земли становится именно героическая смерть воина.

Статья Туроверова «Казаки в изображении иностранных художников» посвящена вопросам сохранения в эмиграции русской культуры, военного

искусства и истории казачества. Находясь в эмиграции, Туроверов смог наиболее точно передать восприятие Европой такого явления, как казачество. Статья интересна тем, что поэт проводит широкий обзор именно европейских художников, обращавшихся к изображению казаков.

Яркой языковой особенностью творчества казачьих поэтов и, в частности, Туроверова является обилие онимов. В этом явлении в различной степени отразилось внимание поэтов-казаков к известным историческим лицам, народным героям, православным святым, а также к значимым для казачества ландшафтно-пространственным локусам.

Наиболее распространенными в лирике Туроверова являются топонимы, связанные с родиной поэта, а также антропонимы, относящиеся к религии или истории.

Употребление онимов в творчестве Туроверова проявляется в виде двух тенденций: в выражении общего через единичное, индивидуальное лицо (антропонимы), а также в изображении общекультурной универсалии, основанной на оппозиции «свой-чужой» с преобладанием элемента «свой» (топонимы, антропонимы).

Туроверов точно и мотивированно вводит в свои произведения топонимы и антропонимы, которые составляют неотъемлемую часть индивидуального почерка поэта. Это позволяет говорить о высоком уровне литературного, исторического образования художника, широком круге его поэтических интересов.

Изучение литературного творчества членов пражского объединения «Литературная казачья семья» (И.И. Колесова, Б.А. Кундрюцкова, Ю.Ф. Гончарова, Н.А. Келина, П.С. Полякова и др.) позволяет сделать вывод о том, что поэтическое наследие казачьих поэтов русского зарубежья представляет собой уникальную систему, основанную на глубоких внутренних связях, пересечениях и необыкновенно высокой степени единения авторов, имеющих устойчивые и непоколебимые ценности. Для поэтов-казаков характерна особая

гражданственность, призывность, диалогичность, а также мотивы тоски по родной земле, по ушедшим друзьям, веры в будущее казачества и др.

Н.А. Келин является одним ярчайших поэтов первой волны эмиграции в Чехословакии. Своеобразие его лирики проявляется в следовании фольклорным традициям, присутствующим в образной и мотивной системе: поэт представляет лирического героя как «безвестного певца», а мотив песни встречается на всех уровнях художественного пространства стихотворений и их национального культурного контекста.

Поэтика лирики Келина также близка народным песням: он пользуется жанрами, приемами и средствами, присущими фольклору (параллелизм, повторы, единоначатие и др.). В творчестве художника присутствуют черты анимизма, проявляющегося в олицетворении природных явлений: Дона, ветра, степи, к которым адресованы также многочисленные обращения лирического героя. Важнейшим в лирике поэта является образ деда как символ родового истока, он также олицетворяет казачью станицу и покинутую родину.

Важной особенностью лирики Келина является ее связи творчеством С.А. Есенина. Двух поэтов объединяет песенность их поэтики, магистральная тема Родины, мысли о ее настоящем и будущем, а также творческие переключки в восприятии понятий «Русь-Россия».

«Казачья исповедь» Келина относится к мемуарной прозе. Таинство исповеди Келин выносит в название с целью объяснения мотивов своих поступков, примирения с самим собой и своей трагической судьбой. Келин ведет повествование от первого лица, описывая значимые вехи своего жизненного пути во взаимосвязи с жизнью социума на определенном историческом промежутке, что является основными признаками мемуарного очерка.

Автор «Казачье исповеди» обращает внимание на самые яркие, по его мнению, моменты встреч, бесед, связанные со сферой личных литературных и жизненных интересов. Келин основывается не только на собственных воспоминаниях, но и привлекает дополнительные свидетельства письменного и устного характера: переписку и беседы с М.А. Шолоховым, диалоги с П.Н.

Красновым, другими казаками и писателями, а также различные документы. Так, в книге интересны многочисленные диалоги: с А.А. Блоком и А. Гринем.

Однако черты документальности скорее характерны для последних глав книги, описывающих более близкие автору по времени события. Напротив, воспоминания о детстве в родной казачьей станице, семье и Доне переданы с высокой долей художественности. В финале «Казачьей исповеди» фокус повествования смещается с личного на общее, единственной мечтой писателя оказывается возрождение России.

В поэзии казаков-«самостийников» П.С. Полякова и его товарища Б. А. Кундрюцкова религиозность специфично раскрывается в духе их вольнолюбивых идей, когда выражается протест традиционному пониманию Божественного, а фокус его осмысления уходит в сторону «природного» – особого «Степного Бога».

Так, в раннем творчестве Полякова присутствует некое негодование, сомнения и даже обида на Всевышнего, допустившего, по его мнению, столько бед. В стихотворениях поэта объявляется тотальный протест, распространяющийся не только на Бога, но и на общество, государство. Причиной этому, вероятно, стала судьба поэта, полная трагедий, предательства, гонений, неприятия и, как следствие, отчаяния.

Религиозность Полякова носит особый, индивидуальный характер. В ней отчётливо звучат мотивы «дикости», внутренней борьбы, но основой её является малая родина поэта, природа, Дон, Степь.

Для художника природа была объектом поклонения, источником красоты и силы, в которую он верил больше всего. Поляков наиболее ярко из всех эмигрантских поэтов представляет в своем творчестве «религию природы», которая осмысливает природный мир как воплощение божественности, святости и духовной силы. В целом казачья религиозность всегда отличалась особой природностью, но если у Туроверова это гармонично включалось в этику и эстетику православия, сказания о святых, важных праздниках и т.д., то у Полякова имеют место быть и богоборческие мотивы. Поэт, почти попирая

всезнание и справедливость Всевышнего, представляет почти единственным источником непоколебимой святости Дон, родную землю.

Эти же идеи, приобретая более четкие формы, находят свое развитие в лирике еще одного донского поэта – Б.А.Кундрюцкого. В его лирике образ Бога встречается часто, при этом православные мотивы развиты слабо. Если в творчестве Туроверова звучит призыв «за веру», то в поэзии Кундрюцкого борьба ведется больше за волю, казачью независимость и «самость». По мысли поэта, у казаков свой «Казачий Бог». Такое название поэт дал одному из своих стихотворений, связанных с воспоминаниями о видении образа казачьего Господа в трудный жизненный момент.

Важно отметить, что именно у Кундрюцкого впервые встречается образ «степного Бога», к которому казаки обращают молитву. В казачьем сознании природа обожествлялась, а человек находился в родственных связях с природными явлениями, почитая своих предков и преклоняясь перед силами природы. Подтверждение этой идеи присутствует и в стихах Кундрюцкого, изображающих образ казака, при рождении наделенного могуществом прославленной казачьей реки.

В творчестве Кундрюцкого воля воспринимается именно как дар Божий, поэтому образы воли и божественного в стихотворениях часто тесно связаны и располагаются рядом в пределах строфы. Символом казачьей воли является образ белого оленя, сочетающего религиозные и степные мотивы, пусть и «подстреленного» казаками, но дарованного Богом.

Понятие святости поэт также развивает согласно казачьей традиции. Святость – это смерть в бою за то, что дорого казачеству. Образы Дона и степи предстают как элементы культа, сакральные пространства. С ними общаются, к ним обращают молитвы.

Н.Н. Евсеев – яркий поэт казачьего зарубежья. Его лирике присуща диалогическая манера. Так, больше половины всех стихотворений поэта дополнены эпиграфами, посвящениями или написаны в жанре послания, то есть обладают адресностью.

Более 30 стихотворений сборника Н. Н. Евсеева «Дикое поле» содержат различные элементы паратекста. Поэт выстраивает многоуровневые диалоги без ограничений во времени и пространстве, формируя необходимый культурно-исторический контекст своих произведений, обусловленный особенностями существования художника в эмиграции.

Посвящения Туроверову в лирике Евсеева встречаются многократно. Благодаря обращениям на «ты» в стихотворениях создается ощущение близкого общения двух поэтов. Их объединяет острое желание увидеть родину, преодолеть пространственные и политические преграды.

Интересны также два стихотворения Евсеева, посвященные советскому офицеру Б. П. Попову. Для поэта во время Великой Отечественной войны он становится олицетворением подвига простых русских людей, героизм которых был природного, космического масштаба.

Такое постепенное расширение адресата до общности людей с близкой автору системой ценностей является отличительной чертой посвящений Евсеева. В этой связи наиболее пронзительными у Евсеева являются стихотворения, обращенные к самым близким людям: сыну и матери. Адресация сыну связана с желанием передать ему свой непростой жизненный опыт. Послания же матери проникнуты «светлой печалью» и навевают воспоминания о России. Малая родина стала островком счастья, маленьким раем для будущего поэта, воспоминания о котором он пронес через всю жизнь и желал передать сыновьям и внукам.

Образы адресатов в поэзии Евсеева позволяют расставить необходимые смысловые акценты в произведениях, которые всегда имеют нравственную составляющую и касаются таких категорий, как любовь к родине, вера, дружба, семья, преемственность поколений.

Значимое место в лирике Евсеева занимает духовно-природное пространство Тамбовского края, на фоне которого через адресатов выстраивается диалог между прошлым и будущим, родным и чужим, эмигрантским и советским.

Анализ паратекстовых единиц лирики Евсеева позволяет судить об особенностях художественного стиля и образной системы поэта, его жанровых предпочтениях и духовных устремлениях. Различные формы авторского присутствия, широкий круг адресатов, сращивание жанров послания и посвящения свидетельствуют о диалогичности как яркой черте творчества Евсеева.

Одной из самых ярких казачьих поэтесс была М.В. Волкова. Жизнь на чужбине давалась Волковой тяжело: постоянные скитания во время войны, плен сына, послевоенный голод, смерть мужа и собственная тяжелая болезнь. Однако Волкова каждый раз демонстрировала недюжинное мужество и находила в себе силы жить, спасаясь творчеством.

Интересны ее посвящения И. Фрей. В них подчеркивается особая связь с подругой-спасительницей и томительное ожидание их недолгого общения. Волкова сравнивает «драгоценные минуты» дружеских встреч с хрупким осколком, который будто капля воды, быстро отпав, разбивается.

Тяжелая судьба казачьей поэтессы привнесла в творчество печальный, даже трагический пафос: видевшая боль и смерть родных, она часто откликалась на уход близких людей, посвящая им посмертные стихотворения. Однако такие произведения обращены больше не к ушедшим, а скорее к переживающим утрату живым, являются для них поэтическим утешением.

Особенно интересен творческий диалог Волковой с Туроверовым. У них много перекличек в творчестве: взаимных посвящений, посланий, а также схожих тем и мотивов. Так в их творческом общении интересно раскрывается тема поэта и поэзии, а также образ музы, с которой часто связаны образы звезд или звездного света. У Туроверова муза иногда проявляется в образе казачки. Говоря о «казачьей музы», поэт упоминает классиков русской литературы, вдохновлявшихся казачеством: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого.

Тема поэзии наиболее глубоко раскрывается непосредственно через поэтическую коммуникацию поэтов и восходит к пушкинской идее поэта-

пророка, который только пройдя через страдания способен духовно направлять и просвещать людей. В творчестве Волковой и Туроверова посредством мотивов звезд и звездного света показано божественное происхождение поэзии, отмечено огромное значение творческого вдохновения.

Туроверов, посвящая стихотворения Волковой, пытался хотя бы на расстоянии поддержать ее в нелегкие времена эмиграции, поскольку видел в ней недюжинный поэтический талант и чувствовал особую с ней связь, поэтическую преемственность. Эта способность не отчаиваться в суровой жизни на чужбине, вдохновляться звездным светом, тем, что идеально и вечно, по мысли Волковой, и объединяет их с Туроверовым.

Акты творческого общения Волковой и Туроверова, их посвящения и послания друг другу становятся особым литературным явлением, в котором участвуют автор, адресат (адресаты), читатель.

В качестве перспектив исследования творчества казачьих поэтов можно назвать восстановление их творческих биографий, установление связей художников с Россией, системное описание национального, литературного, культурно-исторического контекста их многогранного наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I

1. Белая лира: антология поэзии Белого движения / сост., авт. вступ. ст. В.В. Кудрявцев. – Смоленск: Русич, 2006. – 605 с.
2. *Воеводин, А.А.* Тягота / А.А. Воеводин // Студенческие годы. – 1923. – № 1. – С. 18.
3. *Волкова, М.В.* Воспоминания. Предисловие, подготовка текста и комментарии М. Ивлева // Простор. – 2002. – № 10.
4. *Волкова, М.В.* Песни Родине. – Харбин, 1936. – 104 с.
5. *Волкова, М.В.* Стихи. – Париж: Изд-во кружка казаков-литераторов, 1944. – 62 с.
6. *Волкова, М.В.* Стихи. – Мюнхен: Петер Д. Штайн, 1991. – 217 с.
7. Гражданская война в лирике и прозе: в 2 т. – Москва: Дрофа: Вече, 2002. – 480 с.
8. *Евсеев, Н.Н.* Стихи. Из сборника «Дикое поле» / публ. и коммент. Н. Ю. Желтовой, С. В. Копырюлина // Филологическая регионалистика. – 2022. – № 1. – С. 53–61.
9. *Евсеев, Н.Н.* Дикое поле. Стихи / Н.Н. Евсеев. – Париж: Родимый край, 1963. – 268 с.
10. *Евсеев, Н.Н.* Крылатый шум. Стихи / Н.Н. Евсеев. – Париж: Родимый край, 1963. – 237 с.
11. *Есенин, С. А.* Собр. соч. [в 7-ми т.] / С. А. Есенин. – Москва: Худож. лит., 1966. – Т. 1: Стихотворения и поэмы (1910 – октябрь 1917). – 1966. – 415 с.; Т 2: Стихотворения. Драматические поэмы (октябрь 1917–1923). – 1966. – 328 с.
12. *Келин, Н.А.* Душа на Родине / Н.А. Келин // Отчий край. – 2002. – № 2 (34). – С. 36.
13. *Келин, Н. А.* Казачья исповедь. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kelin-nikolaj-andreevich/kazachjya-ispovedj/1>.

14. *Келин, Н. А.* Стихи / Н.А. Келин. – Прага: Литературная казачья семья, 1937. – 143 с.
15. *Келин, Н.А.* Стихи. II. 1939. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/kelin_stikhi_2_1939__ocr.pdf.
16. *Келин, Н. А.* Ковыльный сказ: (стихи, поэмы, воспоминания) / сост. К. Н. Хохульников. – Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2009. – 382 с.
17. *Келин, Н.А.* Степные песни: Стихи / Н.А. Келин. – Ростов-на-Дону, 1997. – 25 с.
18. *Колесов, И.И.* Стихи и песни. Рассказы. Литературная казачья семья. – Братислава, 1936. – 95 с.
19. *Колесов, И.И.* Литературная казачья семья (к трёхлетию юбилею) // Вольное казачество. – 1928. – № 13. – С. 7–9.
20. *Кундрюцков, Б.А.* Казачий Бог / Б.А. Кундрюцков // Вольное казачество. – 1931. – № 94. – С. 2.
21. *Кундрюцков, Б.А.* Стихи / Б.А. Кундрюцков // Вольное казачество. – 1934. – № 160. – С. 1.
22. *Лермонтов, М.Ю.* Сочинения / М.Ю. Лермонтов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954.
23. *Поляков, П.С.* Полное собрание сочинений: в 2 т. / П.С. Поляков. – Подольск: Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2020.
24. *Поляков, П.С.* Лирика / П.С. Поляков. – Мюнхен: Изд-во Верховного казачьего правительства за рубежом, 1958. – 133 с.
25. *Поляков, П.С.* Три брата. Олень. Дядя Янош / П.С. Поляков. – Мюнхен, 1957. – 36 с.
26. *Пушкин, А.С.* Письма. Пушкину Л. С., 24 сентября 1820. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1820/1196_13.htm.
27. *Толстой, Л. Н.* Казаки: [Редакции и варианты]: (Кавказская повесть 1852 года) / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Редакции и варианты художественных произведений: в 17 т. Т. 4. – Москва: Наука, 2002. – С. 7–21.

28. *Туроверов, Н.Н.* Бурей растревоженная степь!.. / Н.Н. Туроверов, сост. К. Н. Хохульников. – Ростов-на-Дону: Казачье зарубежье, 2008. – 318 с.
29. *Туроверов, Н.Н.* Горечь задонской полыни... Поэзия, проза и публицистика / Н.Н. Туроверов, сост., вступ. ст. К.Н. Хохульников. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2006. – 416 с.
30. *Туроверов, Н.Н.* Двадцатый год – прощай, Россия! / Н.Н. Туроверов; предисл. и сост. В.В. Леонидова. – Москва: Планета детей, 1999. – 303 с.
31. *Туроверов, Н.Н.* Душа казака. Стихотворения / Н.Н. Туроверов. – Москва: Союз казаков России. РОО Казачья энциклопедия, 2002. – 40 с.
32. *Туроверов, Н.Н.* Казаки в изображении иностранных художников / Н.Н. Туроверов // Казачий альманах. Париж: Кружок казаков-литераторов, 1939. С. 124-132.
33. *Туроверов, Н.Н.* Казачьи песни / Н.Н. Туроверов. Нью-Йорк: Издательство «Казачья старина», 1967. – 52 с.
34. *Туроверов, Н.Н.* Книга пятая. Стихи / Н.Н. Туроверов. – Париж: Б.и., 1965. – 268 с.
35. *Туроверов, Н.Н.* Конец Чернецова / Н.Н.Туроверов // Казачьи Думы. – София, 1924. – № 23. – С.2–24.
36. *Туроверов, Н.Н.* Основные законы Всевеликого войска Донского / Н.Н. Туроверов. – Париж: Издание Казачьего Союза, 1952. – 48 с.
37. *Туроверов, Н.Н.* Путь / Н.Н. Туроверов. – Париж: Б.и., 1928. – 157 с.
38. *Туроверов, Н.Н.* Сирко / Н.Н. Туроверов. – Париж: Кружок Казаков Литераторов, 1945. – 24 с.
39. *Туроверов, Н.Н.* Стихи / Н.Н. Туроверов. – Париж: Б.и., 1937. – 164 с.
40. *Туроверов, Н.Н.* Стихи / Н.Н. Туроверов. – Париж: Б.и., 1939. – 179 с.
41. *Туроверов, Н.Н.* Стихи / Н.Н. Туроверов. – Париж: Б.и., 1942. – 196 с.
42. *Туроверов, Н.Н.* «Храня бессмертники сухие...» / Н. Н. Туроверов / Н.Н. Туроверов, сост. К. Н. Хохульников. – Ростов-на-Дону: Гефест, 1999. – 160 с.

43. *Туроверов, Н.Н.* «Чем жил во сне и грезил наяву...»: полное собрание сочинений / Н.Н. Туроверов. – Подольск: Музей антибольшевистского сопротивления, 2022. – 464 с.

44. *Шолохов, М.А.* Тихий Дон: кн. 2 / М.А. Шолохов. – Москва: Молодая гвардия, 1980. – С.176–185.

45. *Горький, М.* В людях / М. Горький. – Москва: Советская Россия, 1983. – С. 67.

II

46. *Агеносов, В.В.* Литература русского зарубежья (1918–1996) / В.В.Агеносов. – Москва: Terra-Спорт, 1998. – 544с.

47. *Адамович, Г.В.* Литературные заметки / Г.В. Адамович // Последние новости. – 1937. – 28 октября. – С. 3.

48. *Адамович, Г.В.* Рецензия на книгу Н. Туроверова «Путь» / Г.В. Адамович // Звено. – 1928. – № 5. – С. 281.

49. *Астапенко, М.П., Астапенко, Е.М.* «Здравствуй, горькая радость возврата, возвращенная мне наконец» / М.П. Астапенко, Е.М. Астапенко // Донской писатель. – 2014. – № 3. – С. 2.

50. *Астапенко, М.П.* Казачество – это поэзия русско-славянского мира (вклад казачества в историю и культуру России) / М.П. Астапенко // Гуманитарий юга России. – 2020. – № 3. – С. 268-288.

51. *Астапенко, М.П., Астапенко, Е.М.* Николай Туроверов: казак, воин, поэт / М.П. Астапенко, Е.М. Астапенко. – Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020. – 100 с.

52. *Артеменко, Н.С.* Жанры послания и посвящения в творчестве поэтов русского зарубежья (С. С. Бехтеев и И. И. Савин) / Н.С. Артеменко // Художественная литература: опыт современного прочтения. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. – Вып. 3. – С. 50–43.

53. *Аюпова, С.Б.* Функции топонимов в языковой художественной картине мира прозы И.С. Тургенева / С.Б. Аюпова // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 5 (62). – С. 23–27.
54. *Афанасьева, С.И.* Крымский дискурс лирики поэта первой волны эмиграции Николая Туроверова: концепт-анализ / С.И. Афанасьева // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 30 (87). – С. 223-229.
55. *Бахтин, М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – Москва: Худож. лит., 1975. – 504 с.
56. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.
57. *Берберова, Н.Н.* Курсив мой / Н.Н. Берберова. – Москва: АСТ, 2015. – 720 с.
58. *Бердяев, Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность / Н.А. Бердяев; сост. и коммент. В. В. Сапова. – Москва: Канон+, 1999. – 464 с.
59. *Бредихин, А.В.* Казачий Дон: между Украиной и Россией / А.В. Бредихин. – Москва: ИИУ МГОУ, 2017. – 124 с.
60. *Борев, Ю.Б.* Эстетика: в 2 т. / Ю. Б. Борев. – Смоленск: Русич, 1997.
61. *Веселовский, А.Н.* Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Москва: Высшая школа, 1989. – 648 с.
62. Возвращается ветер на круги свои... Стихотворения и поэмы / под ред. Б.К. Рябухина; биогр. статья А. Н. Азаренкова. – Москва: Художественная литература, 2010. – 212 с.
63. *Воркачев, С.Г.* Национальный гимн как жанр патриотического дискурса / С.Г. Воркачев // Жанры речи. – 2020. – № 1 (25). – С. 36–43.
64. *Гаврилов, А.Н.* Казачья эмиграция в странах Западной Европы в 20-30 гг. XX века. Общественно-политический аспект / А.Н. Гаврилов // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 7. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2011. – С. 61-72.

65. *Гаспаров, Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
66. *Галаганова, С.Г.* «А я рождён в просторе диком...». Блоковские мотивы в поэзии Николая Тuroверова / С.Г. Галаганова // Казачество. – 2015. – № 12. – С. 21–27.
67. *Галаганова, С.Г.* Гражданская война и казачество: художественная достоверность и историческая правда / С.Г. Галаганова. – Москва: Международный издательский центр «Этносоциум», 2022. – 83 с.
68. *Гапонова, Ж. К., Никкарева, Е. В.* Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе / Ж.К. Гапонова, Е.В. Никкарева // Филологический класс. – 2022. – № 4.– С. 141–153.
69. *Герасимова, И.Ф.* Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914-1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи / И.Ф. Герасимова. – Рязань: РИД, 2013. – 349 с.
70. *Гончарова, Н.Н., Корнеев, Е.М.* Из истории русской графики начала XIX века / Н.Н. Гончарова, Е.М. Корнеев. – Москва: Искусство, 1987. – 384 с.
71. *Горлова, И.И., Чумаченко, В.К.* «Казачья составляющая» в литературе русского зарубежья / И.И. Горлова, В.К. Чумаченко // Культурологический журнал. – 2016. – № 2(24). – С. 45-48.
72. *Даниленко, Т.Б.* Мотив потери родины в поэзии Николая Тuroверова / Т.Б. Даниленко // Перекоп – ворота в Крым: мат-лы II Междунар. научно-практич. конф. – Армянск: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2015. – С. 52–57.
73. *Деникин, А.И.* Очерки русской смуты: в 3 т. / А.И. Деникин. – Москва: Айрис-пресс, 2003.
74. *Дмитриева, М.А.* Казачья проза и поэзия. Николай Тuroверов / М.А. Дмитриева // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XIX – начала XX века. – Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2016.– С. 402-408.
75. *Дон-Аминадо.* Друзья «Современных записок» / Дон-Аминадо // Последние новости. – 1932. – № 4269. – С.3–11.

76. *Дубинец, З.А.* Крымский топоним в творчестве Николая Туроверова и Ивана Савина / З.А. Дубинец // Перекоп – ворота в Крым: мат-лы II Междунар. научно-практич. конф. – Армянск: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2015. – С. 3-11.
77. *Ерофеева, Е.А.* Казачий топоним в творчестве Николая Келина / Е.А. Ерофеева // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2017. – № 3-4. – С. 14–18.
78. *Желтова, Н.Ю., Еремина, Т.Ю.* Женские образы в поэзии Н.Н. Евсеева: художественно-типологическая специфика // Казанская наука. – 2022. – № 12. – С. 12–14.
79. *Желтова, Н.Ю.* Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера / Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 424 с.
80. *Желтова, Н.Ю.* Языковая специфика поэзии Русского Константинополя: проблема становления художественной концептосферы русского зарубежья / Н.Ю. Желтова // Экология языка и речи: мат-лы VII Междунар. научн. конф. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – С. 77-82
81. *Жолковский, А.К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приёмы – Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – Москва: Прогресс, Универс, 1996. – 344 с.
82. *Журавлев, В.В.* Повседневная жизнь Французского Иностранного легиона: «Ко мне, Легион!» / В.В. Журавлев. – Москва: Молодая гвардия, 2010. – С. 308, 360.
83. *Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков / Н.Л. Волковский, Л. П. Громова и др.; под ред. Г. В. Жиркова.* – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. унта, 2003. – 975 с.
84. *Запевалов, В.Н.* Туроверов Николай Николаевич / В.Н. Запевалов // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. – Т. 3. – Москва: Олма-Пресс Инвест, 2005. – С. 523–525.

85. *Зверев, А.М.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920-1940 / А. Зверев. – Москва: Молодая гвардия, 2003. – 368 с.
86. *Зенкин, С.Н.* Теория литературы: проблемы и результаты / С.Н. Зенкин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 462 с.
87. *Зиновьева, А.П.* «Я унес с собой Россию»: журнал «Современные записки» как площадка русской эмиграции в 1920-е годы / А.П. Зиновьева // *Studia Culturae*. – 2022. – № 52. – С. 147-162.
88. *Иванов, К. Г.* Именование лирического героя в поэзии Н. Тuroверова / К.Г Иванов // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. – 2024. – Вып. 3. – С. 74–82.
89. *Иванов, К.Г.* Любовные мотивы лирики Н. Тuroверова / К.Г Иванов // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2015. – № 1. – С. 213–217.
90. *Иванов, К.Г.* Мотив казачьего быта в творчестве Н. Тuroверова / К.Г Иванов // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2014.– № 2. – С. 242–249.
91. *Иванов, К.Г.* Мотив разбойничьей Руси в лирике Н.Н.Тuroверова / К.Г Иванов // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2013.– № 2. – С. 197–204.
92. *Иванов, К.Г.* «Четыре Дона» как основа историософского мотива лирики Н.Н.Тuroверова / К.Г. Иванов // *Научный форум: филология, искусствоведение и культурология*. – Москва: Международный центр науки и образования, 2019. – С. 32–35.
93. *Иванов, К.Г., Шаравин, А.В.* Образ казачьего генерала Я.П.Бакланова – духовного лидера этапа «Второго Дона» в творчестве Н.Тuroверова / К.Г.Иванов, А.В. Шаравин // *Донецкие чтения – 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности*. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 221-224.
94. *Иванова, Е.В.* Крымская тема в творчестве Н. Тuroверова / Е.В. Иванова // *Вопросы русской литературы. Симферополь*, 2018. – № 2 (44/101). – С. 111–116.

95. *Иванова, Н.П.* Пушкинский миф в крымском тексте русских поэтов XIX-XX вв. / Н.П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – № 3. – С. 51–65.
96. Из казачьей жизни за рубежом // Родимый край. – Париж, 1963. – №48. – С. 44.
97. Казачий Дон: пять веков воинской славы / А.В. Венков и др. Москва: Яуза; Эксмо, 2010. 413 с.
98. Казачий словарь-справочник / сост. Г.В. Губарев: в 3 т. Кливленд: Б.и, 1966-1970.
99. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж: Изд-во «Казачьего союза», 1928. – 384 с.
100. *Кайсаров, А.С.* Славянская и российская мифология / А.С. Кайсаров. – Москва: В типографии Дубровина и Мерзлякова, 1810. – 211 с.
101. *Кириенко, Ю. К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) / Ю. К. Кириенко // Вопросы истории. – 1996. – № 10. – С. 3–18.
102. *Киселёв, С.А., Дзюбан, В.В.* Казачество как социокультурный феномен: переломные моменты русской истории / С.А.Киселёв, В.В. Дзюбан // Мировые цивилизации. 2016. Т. 1. № 1. URL: <https://wcj.world/issues/vol1-no1.html>.
103. *Кожемякин, М.В.* Николай Туроверов. К вопросу о белоэмигрантах в Иностранном легионе / М.В. Кожемякин // URL :<https://m1kozhenyakin.livejournal.com/28189.html>.
104. *Колупаев, В.Д.* Русские в Иностранном легионе / В.Д. Колупаев // Школа. – 2001. – № 6. – С. 88–95.
105. *Кононова, С.А.* Казачья картина мира и текстема «степь» в языке М.А. Шолохова / С.А. Кононова // Известия вузов. Северо-кавказский регион. – Спецвыпуск. – 2007. – С.17–19.
106. *Копырюлин, С. В.* Есенинские традиции в лирике поэта-галлиполийца Н. Н. Евсеева / С.В. Копырюлин // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («IV Смирновские чтения»): сб. мат.

междунар. науч. конф. – Москва: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 91–95.

107. *Копырюлин, С. В.* Образы Гражданской войны в лирике Н. Н. Евсеева // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. мат. междунар. науч. конф. Тамбов: Державинский, 2021.

108. *Копырюлин, С. В.* Образы дикого поля и степи в творчестве казачьего поэта Н. Н. Евсеева («Дикое поле» и «Крылатый шум») / С.В. Копырюлин // Вестник Барановичского государственного университета. Серия «Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)». – 2020. – № 8. – С. 150–156.

109. *Королева, Н.В.* Николай Тuroверов / Н.В. Королева // Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты поэтов. – Москва: Изд-во Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2008. – С. 748–763.

110. *Королева, Н.В.* Николай Тuroверов «Уходили мы из Крыма» // Дом и душа. Образ России в русской поэзии XX века / Н.В Королева. – Москва: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. – С. 253–266.

111. *Королева, Ю.В.* Подходы к изучению национально-культурной специфики / Ю.В. Королева // Языковое бытие человека и этноса. – Москва: ИНИОН РАН, 2006. – С. 118-128.

112. *Косик, В.И.* Сергей Моравский о русских студентах в Праге / В.И. Косик // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы. – Москва-Санкт-Петербург, 2016. – С. 274–277.

113. *Кротова, А.А.* Баллада "Сирко" Н.Н. Туроверова: фольклорно-мифологическая основа образа кошевого атамана / А.А. Кротова // Мир Шолохова. – 2019. – № 2 (12). – С. 43–49.

114. *Кротова, А. А.* Мотив народного пения в поэзии Н.Н. Туроверова / А.А. Кротова // М. А. Шолохов в современном мире: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. – Москва: Российская государственная библиотека, 2019. С. 217–223.

115. *Кротова, А.А.* Особенности христианского мировосприятия в лирике Н.Н. Тuroверова / А.А. Кротова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. – № 9. – Ч. 2. – С. 34–36.
116. *Кротова, А.А.* Садово-парковый тоpos в лирике Н. Н. Тuroверова / А.А. Кротова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-1 (75). – С. 52–54.
117. *Кручинин, А.С.* Степной поход и его значение / А.С. Кручинин. URL: <http://dobrovoletz.narod.ru/Stepnyak.htm>.
118. *Корнакова, Е.С.* Национально-культурная специфика советской действительности и ее языковое отражение в поэзии Е.А. Евтушенко / Е.С. Корнакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 103-112.
119. *Лазутин, С. Г.* Поэтика русского фольклора. – Москва: Высшая школа, 1981.
120. *Лапаева, Н.Б.* Мотив «ухода из Крыма» в поэзии русской эмиграции 1920-30-х годов / Н.Б. Лапаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 30. – С. 80-86.
121. *Лапаева, Н.Б.* Русский Лемнос: противостояние (на материале воспоминаний представителей русской армии) / Н.Б. Лапаева // Филолог. – 2011. – № 14. – С. 16.
122. *Лаптева, Е. В.* К вопросу об истории российского казачества / Е. В. Лаптева, Л. П. Рожкова // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 60–67.
123. *Ленивов, А. К.* Галерея казачьих писателей / А. К.Ленивов: в 2 т. Т. 2. – Нью-Йорк, 1970. – 310 с.
124. *Леонидов, В.В.* Предисловие // Тuroверов Н.Н. Двадцатый год – прощай, Россия! / В.В. Леонидов. – Москва: Планета детей, 1999. – С. 6-16.

125. *Леонидов, В. В.* Евсеев Николай Николаевич / В.В. Леонидов // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940): в 4 т. / гл. ред. А. Н. Николукин. – Москва: РОССПЭН, 1997. – Т. 1.
126. *Леонидов, В.В.* Пушкин в жизни и творчестве Николая Туроверова / В.В. Леонидов // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 3.
127. Литература русского зарубежья. Антология: в 6 т. – Москва: Книга, 1990.
128. Литературная энциклопедия Русского зарубежья, 1918–1940: в 3 т. / гл. ред./ А. И. Николукин. – М.: РОССПЭН, 1997–2006.
129. *Лихачёв, Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачёв; сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2015. – 540 с.
130. *Лотман, Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. – 544 с.
131. *Матвеева, Ю.В.* Крымская «нота» русского зарубежья: на материале творчества писателей младшего поколения первой русской эмиграции / Ю.В. Матвеева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (130). – С. 134–143.
132. *Матишов, Г.Г.* Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII-XX вв.) / Г.Г. Матишов // Заметки на полях истории. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. – 272 с.
133. *Мациевский, Г.О.* Политическая жизнь казачества в эмиграции: тенденции и особенности / Г.О. Мациевский // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 3 (23). URL: <file:///C:/Users/79814/Downloads/politicheskaya-zhizn-kazachestva-v-emigratsii-tendentsii-i-osobennosti.pdf>.
134. *Мащенко, А.П.* Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина / А.П. Мащенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 70–92.

135. Меч в терновом венце: Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Сергей Бахтеев, Иван Савин, Марианна Колосова / сост. и авт. вступ. ст. В.Хатюшин. – Москва: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. – 462 с.
136. Михаил Шолохов: Нобелевская речь. URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/public/nobelevskaya-rech.htm>.
137. Михалков, Н.С. Русский выбор. Казаки. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/35506.
138. Мукаржовский, Я. Структуральная поэтика / Я. Мукаржовский. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 480 с.
139. Муромцева, Л.П. Издательские и литературно-художественные центры российской эмиграции XX в. / Л.П. Муромцева // Россия и современный мир. – 2015. – № 2 (87). – С. 199–213.
140. Найдёнов, А. В. Жизнь замечательных каменчан / А. В. Найдёнов. Тверь: АО «ПИК», 2020. – 108 с.
141. Никитин, Н.И. История казачества: аспекты научные и политические / Н.И. Никитин. – Москва: Директ-Медиа, 2022. – 488 с.
142. Николаев, Д.Д. Русская эмигрантская периодика в Чехословакии / Д.Д. Николаев // Литература русского зарубежья. 1920-1940 годы. – Москва: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2004. – С. 329–426.
143. Никулина, С.С. Россия глазами французских художников. Жан-Батист Лепренс // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 1А. – С. 16.
144. Одоевцева, И.В. На берегах Сены / И.В. Одоевцева. – Москва: Худож. лит., 1989. – 332 с.
145. Пеньковский, Д.Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия / Д.Д. Пеньковский // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 172-176.
146. Петровых, Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании / Н.М. Петровых // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 207-217.
147. Полуляшина, Д.И., Сомова, Е.В. «И нас эта пуля пронзает // сквозь душу и сердце насквозь»: размышления о судьбе М.Ю. Лермонтова в

произведениях поэтов-эмигрантов Вл. Смоленского и Н. Туроверова / Д.И. Популяшина, Е.В. Сомова // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: мат-лы I Междунар. научно-практич. конф. молодых ученых – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. – С. 137–141.

148. Поэты-воины. Павел Поляков. URL: <http://rys-strategia.ru/publ/3-1-0-1886>.

149. Ранчин, А.М. Поэзия Николая Туроверова / А.М. Ранчин. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/42234.php>.

150. Ратушняк, О.В., Ратушняк, Т.В. Донское казачество в эмиграции (1920–1939 годы) // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 3. – С. 78-83.

151. Резвухина, А.И. Феномен «Русской Праги» / А.И. Резвухина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. – 2018. – № 2. – С. 205-211.

152. Родион, И.В. Война и мир Николая Туроверова / И.В. Родион. URL: <http://likorg.ru/post/voyna-i-mir-nikolaya-turoverova>.

153. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века / под общ. ред. В.В. Шелохаева. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 813 с.

154. Рябова, Е.Л. Роль эмигрантской прессы в сохранении геополитической идентичности казачества / Е.Л. Рябова // Казачество. – 2016. – № 14. – С. 20–35.

155. Рябова, Е.Л., Щупленков, Н.О. Дорогами казачьей воинской славы / Е.Л. Рябова, Н.О. Щупленков. – Москва: Город XXI век, 2017. – 254 с.

156. Савицкий, И. П. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918-1938 гг. Прага: Общество «Русская традиция», 2002. – 151 с.

157. Сборник материалов по новейшей истории Донского Казачества со времени Русской революции 1917 года. – Белград, 1923. – 376 с.

158. *Семёнова, Е.В.* Бояны белого креста / Е.В. Семенова. <http://belyi-stan.narod.ru>: сайт. – URL: <http://belyi-stan.narod.ru/index.files/tyr.htm>.
159. *Сигачев, А.С.* Песни казачьего календаря / А.С. Сигачев // <http://www.proza.ru>: сайт. – URL: <http://www.proza.ru/2008/12/10/662>.
160. *Силантьев, И.В.* Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
161. *Скорик, А.П.* Боевые дела и военная повседневность 36-го донского казачьего полка в годы Великой войны 1914-1917 гг. / А.П. Скорик // История в подробностях. – 2014. – № 6 (48). – С. 6–17.
162. *Слизкова, М.В., Слизков, М.* Язык как средство выражения этнического самосознания и культурной идентичности (на примере творчества донского поэта Н.Н. Туроверова) / М.В. Слизкова, М. Слизков // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2022. – № 3-2. – С. 104–108.
163. Словарь поэтов русского зарубежья / под ред. В. Крейда – Санкт-Петербург: РХГИ, 1999. – 272 с.
164. *Слоним, М.Л.* Литература эмиграции / М.Л. Слоним // Воля России. – 1925. – № 2. – С. 174–183.
165. *Станюкович, Н.В.* Николай Туроверов – баян казачества / Н.В. Станюкович // Возрождение. – 1956. – № 60. – С. 128-132.
166. *Стародубец, С.Н.* «Русская идея» как базовый концепт религиозной философии Русского Зарубежья / С.Н. Стародубец // Преподаватель XXI век. – 2005. – №4. – С. 41–46.
167. *Струве, Г.П.* Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – Париж-Москва: Умса-Press, 1996.– 446 с.
168. *Супрун, В. И.* Казачья зарубежная литература как источник материала для диалектной лексикографии / В.И. Супрун // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2015. – № 20.

169. *Супрун, В.И.* Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф.Д. Крюкова до Б.П. Екимова // Восток - Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре. – Волгоград: Перемена, 2019. – С. 193-204.
170. *Тарлыкова, О.М.* Жизнь и творческий путь Марии Волковой / О.М. Тарлыкова // Сибирские огни. 2016. № 7. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/zhizn-i-tvorcheskiy-put-marii-volkovoy>.
171. *Терапиано, Ю.К.* "Дикое поле" Н.Н.Евсеева / Ю.К. Терапиано // Родимый край. – Париж, 1963. – № 45. – С. 36.
172. *Терапиано, Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа / Ю.К.Терапиано. – Нью-Йорк: Альбатрос, 1987. – С.259–262.
173. *Тихов, А. П.* Национально-культурная специфика жанра лимериков / А. П. Тихов // Молодой ученый. – 2021. – № 24 (366). – С. 425-427.
174. *Томашевский, Б. В.* Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
175. *Трущенко, Е.Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья / Е.Ф.Трущенко // Русское литературное зарубежье. – Москва, 1993. – Вып. 2. – С.143–162.
176. *Туринцев, А.А.* О русских писателях в эмиграции / А.А.Туринцев // Своими путями. – 1926. – № 10–11. – С. 24–26.
177. *Тюпа, В.И.* Аналитика художественного / В.И. Тюпа. – Москва: Лабиринт, 2001. – 192 с.
178. *Углова, Н.В.* Образ казачьего офицера в творчестве М.А. Шолохова и Н.Н. Туроверова / Н.В. Углова // Материалы областного профильного семинара "Школа молодых ученых" по проблемам гуманитарных наук. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – С. 53–60.
179. *Уде, Ф.Е.* Способы отражения образа Африки в произведениях Н. С. Гумилева / Ф.Е. Уде // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 37-40.
180. *Фадеев, П.А.* О происхождении яицких казаков / П.А. Фадеев // Родимый край. – 1973. – № 4. – С. 32-36.

181. *Федотов, Г.П.* О парижской поэзии / Г.П. Федотов // Ковчег. – 1942. – № 1. – С. 232–238.
182. *Федякин, С.Р.* «Уходящий берег Крыма» в произведениях Н. Туроверова, Б. Поплавского, Г. Газданова и В. Набокова / С.Р. Федякин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (130). – С. 122–133.
183. *Фирсова, Н.М., Карасева, Ю.А.* Отражение национально-культурной специфики в художественном тексте (на материале испаноязычной литературы) / Н.М.Фирсова, Ю.А. Карасева // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 2. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/02/7920> (дата обращения: 09.01.2024).
184. *Фохт, В.Б.* «Воля России», журнал политики и культуры VIII–IX, Прага, 1926 / В.Б. Фохт // Новый дом. – 1926. – №1. – С. 38–40.
185. *Хализев, В.Е.* Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
186. *Хатюшин, В.В.* Поэты Белой гвардии / В.В. Хатюшин. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1059>.
187. *Хисамутдинов, А. А.* Русские казачьи издания в Китае (первая половина XX века) / А. А. Хисамутдинов // Библиосфера. – 2021. – № 2. – С. 77–83.
188. *Ходасевич, В.Ф.* Двадцать два / В.Ф. Ходасевич // Возрождение. 1938. 10 июня. С. 9.
189. *Хохульников, К.Н.* Певец казачьего Присуда. Предисловие к роману «Смерть Тихого Дона» / К.Н. Хохульников. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/08/14/pavel_sergeevich_polyakov.
190. *Царалунга, С.А.* Роль эмотивных глаголов в лирике белоэмигрантского поэта Н. А. Келина / С.А. Царалунга // Язык и культура: взгляд молодых: мат. V междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. В. И. Карасик. – Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 797–802.

191. *Черкесова, А.С.* Критика донской казачьей литературы в публицистике Виктора Севского (1913–1919 гг.) // Дни студенческой науки. – Москва-Берлин, 2021. – С. 584-586.

192. *Чернова, А.Е.* Мотив странствий в поэме Николая Туроверова «Легион» / А.Е. Чернова // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей. – Будапешт: Изд-во Selmeczi Bt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. – С.343–354.

193. *Чернова, А.Е.* Образ воина в поэме Николая Туроверова «Легион» / А.Е. Чернова // Ради жизни на земле: 75-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: мат-лы научно-практич. конф. – Москва: Изд-во МФЮА, 2020. – С. 250–258.

194. *Шевченко, Л.Л.* Концептуальная метафора как отражение национально-культурной специфики авторской картины мира (на материале творчества Айрис Мердок) / Л.Л.Шевченко // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 515-519.

195. *Шолоховская энциклопедия* / колл. авторов; гл. ред. Ю. А. Дворяшин; вступ. ст. М. М. Шолохов. – Москва: Синергия, 2012. – 1215 с.

196. *Якимова, С.И.* Поэтический диалог как форма философско-эстетических и духовно-нравственных исканий литературы русского зарубежья Дальнего Востока // Филология и человек. – 2013. – № 3. – С. 47

197. *Ян Сумэй, Лукьянчикова, Н. В.* Казачья литература как культурный феномен / Ян Сумэй, Н.В. Лукьянчикова // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 3 (5). – С. 122–138.

198. *Ян Сумэй.* Исследования по казачьей истории Российской империи. – Пекин: Научное издательство, 2016.

III

199. *Бахвалова, В.А.* Традиционная культура донского казачества: по материалам фольклора: дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / Бахвалова Валентина

Александровна, Волгоградский государственный медицинский университет. – Волгоград, 2009. – 188 с.

200. *Болдырева, О.П.* Издательская деятельность русской эмиграции в Чехословакии: 1919-1939 гг. (на материале казачьей периодики): дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / Болдырева Ольга Петровна; Российская государственная библиотека. Москва, 2013. – 356 с.

201. *Дмитриев, В.М.* Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920-1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Дмитриев Виктор Михайлович; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. – Санкт-Петербург, 2017. – 294 с.

202. *Желтова, Н.Ю.* Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Желтова Наталия Юрьевна; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – Тамбов, 2004. – 425 с.

203. *Заборовская, А.А.* Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в творчестве И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Заборовская Анна Анатольевна; Воронежский государственный университет. Воронеж, 2003. – 269 с.

204. *Кротова, А.А.* Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Тuroверова): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кротова Анна Андреевна; ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет». – Москва, 2019. – 213 с.

205. *Покручина, М.Ю.* Национально-культурная специфика художественных текстов В.Н. Крупина: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Майя Юрьевна Покручина; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2022. – 199 с.

206. *Полиевская, А.С.* Экзотический топос в творчестве Н.С. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Александра Сергеевна Полиевская; ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет». – Москва, 2006. – 157 с.

IV

207. *L'emigration Russe en Europe*: Catalogue collectif des Periodiques en Langue Russe, 1940-1970 Etabli par A.M.Volkoff. – Paris: Institut detudes slaves, 1977. – 138 p.

208. *Van Baak, J. J.* The House in Russian Literature. A Mythopoetic Exploration. -Amsterdam - New York, NY: Rodopi, 2009. – 525 p.

209. *Huntington, W. C.* The Homesick Million: Russia-out-of-Russia / W. Huntington. – Boston: The Stratford Company, 1933. – 307 p.